

№ 6.

1913 г.

ШЕКСПИРЪ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ПРАВА.

(ШЕЙЛОКЪ и ГАМЛЕТЪ).

Проф. І. Колера.

(Переводъ съ нѣмецкаго).



С. О. Н. У. ★
БИБЛИОТЕКА
Народнаго Университета
№ по инвент. 24

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Я. Канторовича.

1895.

25

211

70

50

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 26 Юня 1895 г.

ШЕКСПИРЪ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ПРАВА.

(ШЕЙЛОКЪ И ГАМЛЕТЪ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я давно уже намѣревался заняться изложеніемъ мыслей Шекспира, имѣющихъ отношеніе къ юриспруденціи. Продолжительное изученіе его твореній, какъ съ эстетической, такъ и съ юридической точекъ зрѣнія, обнаружило мнѣ обиліе и глубину юридическихъ мыслей, таившихся въ умѣ этого генія, который съумѣлъ проникнуть также вѣрно и глубоко въ сокровеннѣйшіе уголки исторіи права, какъ и во всѣ другія области человѣческаго духа. Въ особенности казался мнѣ заслуживающимъ юридического анализа образъ Шейлока, о которомъ въ послѣднее время такъ много говорилось подъ вліяніемъ интересныхъ, но невѣрныхъ толкованій *Леринга*.

Я поставилъ себѣ задачей изложить научнымъ языкомъ юридическія мысли, облеченныя великимъ драматургомъ въ поэтическую форму, и освѣтить ихъ общеисторическое значеніе. Я не занимался поэтому отысканіемъ у Шекспира источниковъ для спеціальной исторіи права его времени, не старался также, на основаніи юридическихъ терминовъ, образовъ и сравненій, встрѣчающихся въ его произведеніяхъ, рѣшить

вопросъ о его отношеніяхъ къ лицамъ судейскаго сословія и выяснить, насколько справедливо предположеніе, что Шекспиръ одно время состоялъ въ корпораціи адвокатовъ. Моя работа имѣеть, вслѣдствіе этого, мало точекъ соприкосновенія съ произведеніями *Campbell'a*: «Schakespeare's legal acquirements» (London, 1859) и *Rhuston'a*: «Schakespeare alawyer» (London и Liverpool, 1858), занимавшихъ главнымъ образомъ біографическимъ вопросомъ о ходѣ развитія поэта. Я старался разработать представившіеся мнѣ вопросы съ точки зрѣнія общеисторической эволюціи права, и въ этомъ отношеніи особенно интересный матеріалъ для изслѣдованій представляютъ «Венеціанскій купецъ»—драма долговаго права и «Гамлетъ»—драма кровавой мести. Сложность всякаго универсально-историческаго изслѣдованія, обиліе матеріала, подлежащаго разработкѣ, многосторонность эволюціоннаго процесса—все это представляетъ несомнѣнныя затрудненія, которыя однако въ состояніи еще болѣе возвысить интересъ работы.

Во многихъ мѣстахъ мнѣ приходилось прибѣгать для своихъ изслѣдованій къ художественному анализу, что объясняется свойствомъ матеріала. Художественный анализъ оказался въ особенности необходимымъ при изслѣдованіи вѣчной проблемы, названіе которой—«Гамлетъ», при стремленіи освѣтить этотъ сфинксъ съ его глубокомысленными загадками и его глубокимъ, полнымъ меланхоліи, міросозерцаніемъ, которое останется вѣчной тайной чело-вѣческаго духа...

Я имѣлъ въ виду двойную цѣль: я хотѣлъ сдѣлать вкладъ въ общую исторію права и вмѣстѣ съ тѣмъ хо-

тѣлъ споспѣшествовать пониманію величайшаго поэта и его твореній. Пусть читатель судить, насколько мнѣ это удалось. Я могу только увѣрить, что я занимался этой работой съ живѣйшимъ воодушевленіемъ—за право и за сго величайшаго поэта.

Вюрцбургъ.

І. Колеръ.

ВВЕДЕНИЕ.

Произведения величайшаго драматурга всѣхъ временъ давно уже стали предметомъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ изслѣдованій. Почти сверхчеловѣческій даръ наблюдательности великаго британскаго генія, отъ котораго не ускользнуло ни одно сколько нибудь значительное явленіе общественной и душевной жизни, глубина его философскаго мышленія, ширь его взгляда, тонкость его историческаго пониманія—побудили многихъ естествоиспытателей, врачей и другихъ ученыхъ приняться за научную обработку его безсмертныхъ произведеній и разсѣянныхъ въ нихъ сокровищъ мысли. Естествоиспытателей изумляло тонкое знаніе природы, обнаруженное этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. *Harting* написалъ цѣлое сочиненіе о жизни птицъ, а *Patterson* о жизни насѣкомыхъ у Шекспира; *Beisly* и *Perger* писали о флорѣ въ драмахъ Шекспира; они нашли тамъ упомянутыми 126 видовъ растеній, причѣмъ время цвѣтенія каждаго изъ нихъ всегда опредѣлено съ поразительной вѣрностью. Объ упоминачательствѣ въ драмахъ Шекспира существуетъ цѣлая литература, и всѣ психіатры утверждаютъ, что Шекспиръ своимъ непосредственнымъ чутьемъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи открытія, до которыхъ наука

дошла только 200 лѣтъ спустя. Правда, мы не находимъ у Шекспира той цѣльной, законченной міровой системы, какую даетъ намъ *Данте*, этотъ творческій геній, который, черпая матеріалъ изъ философіи своего времени, создалъ гигантскій воображаемый міръ, производящій на насъ впечатлѣніе дѣйствительности. За то взоръ Шекспира свободнѣе, легче и дальше проникаетъ вселенную. У Данте насъ удерживаютъ рамки по шаблону построеннаго міра; въ твореніяхъ Шекспира мы чувствуемъ дыханіе безконечнаго. Данте замыкаетъ собою міровоззрѣніе, отошедшее для насъ въ прошлое. Шекспиръ является вѣстникомъ новаго времени, герольдомъ новой міровой идеи, познающей безконечность міровъ, проникнутой прелестью безконечнаго, живущаго какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ. Въ историческихъ драмахъ Шекспира таинственный геній всемірной исторіи приподнимаетъ густое покрывало съ своего лица, представляя намъ то свѣтлымъ, подобно лучезарному Фебу, то мрачнымъ, подобно лику Медузы. Властный, увлекающій слогъ, гигантскій размахъ метафоръ и картинъ, величественный полетъ фантазій, то поднимающейся съ земли на небо, то опускающейся съ неба на землю и проникающей въ безконечность времени и пространства—ужь этотъ слогъ можетъ принадлежать только генію, обнимающему однимъ движеніемъ весь міръ.

Юристы до сихъ поръ занимались Шекспиромъ главнымъ образомъ съ формальной стороны. Они констатировали лишь встрѣчающихся у него юридическихъ терминовъ и оборотовъ и изумлялись той точности, съ которой Шекспиръ пользовался современнымъ ему судебнымъ языкомъ, въ которомъ такъ трудно разобраться непосвященному. Изъ этого факта хотѣли вывести заключеніе, что Шекспиръ въ молодости служилъ въ

адвокатскомъ бюро или находился въ близкихъ сношеніяхъ съ адвокатами.

Но несравненно важнѣе представляется идейно-юридическое содержаніе произведеній Шекспира. Всемірно-историческія правовыя идеи проникаютъ всѣ его драмы и придаютъ имъ грандіозный, возвышающій характеръ.

Съ этой точки зрѣнія произведенія великаго писателя рѣдко разсматривались, и только въ новѣйшее время были сдѣланы попытки извлечь изъ нихъ истины, имѣющія отношеніе къ исторіи развитія права.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ *Герингомъ*, однимъ изъ знаменитѣйшихъ юристовъ нашего времени. Бросая вызовъ общепринятому мнѣнію, *Герингъ* объявилъ въ своемъ «*Kampf ums Recht*», что Шейлоку, пораженіе котораго вызываетъ всегда у насъ одобреніе и чувство ликованія, въ сущности говоря, причинена тяжелая несправедливость.

Герингъ говоритъ: «Поэтъ конечно воленъ создать свою собственную юриспруденцію, и мы не хотимъ сожалѣть, что Шекспиръ такъ поступилъ и передалъ старую фабулу, ничего не измѣнивъ въ ней. Но если юристъ подвергнетъ эту юриспруденцію критикѣ, онъ долженъ будетъ сказать: условіе было само по себѣ недѣйствительно, такъ какъ содержаніе его безнравственно; такъ долженъ былъ гласить приговоръ судьи. Но если «мудрый Даніиль» призналъ вексель дѣйствительнымъ, то съ его стороны было жалкимъ крючкотворствомъ, послѣ признанія за Шейлокомъ права вырѣзать у Антоніо ф. . . мяса, запретить связанное съ этимъ пролитіе крови».

Эта мнѣмая несправедливость, исходящая отъ суда, слывущаго представителемъ чистаго закона, приводитъ въ волненіе юридическій темпераментъ *Геринга*, и, уязвленный въ своемъ увствѣ справедливости, онъ восклицаетъ: «Мы имѣемъ тутъ

дѣло уже не съ жидомъ, требующимъ своего фунта мяса, а съ закономъ Венеціи; право Венеціи и право еврея въ данномъ случаѣ тождественны, и съ паденіемъ второго рушится и первое. И когда Шейлокъ, согбенный подъ тяжестью приговора, удаляется, преслѣдуемый жестокими насмѣшками, мы не можемъ отогнать отъ себя мысли, что пораженіе потерпѣлъ законъ Венеціи. Мы имѣемъ предъ собой не ростовщика Шейлока, а типичную фигуру средневѣковаго еврея, этого парію общества, тщетно взывающаго къ закону. Драматичность его положенія основывается на томъ, что онъ питалъ твердое довѣріе къ закону, котораго ничѣмъ нельзя было поколебать и которое поддерживалось самимъ судьей,—какъ вдругъ, подобно удару грома, надъ нимъ разражается катастрофа, открывающая ему глаза и напоминающая ему, что онъ еврей, для котораго не существуетъ закона.»

Мнѣ съ своей стороны часто приходилось видѣть роль Шейлока въ исполненіи лучшихъ артистовъ, понимавшихъ самымъ противоположнымъ образомъ свою задачу. Въ исполненіи однихъ Шейлокъ—дикій звѣрь, жаждущій добычи, у другихъ онъ является терпѣливымъ страдальцемъ, чувствующимъ на своихъ плечахъ тяжесть мукъ, составляющихъ печальное наслѣдіе его племени, и старающимся воздать эти страданія съ лихвой, гдѣ онъ только въ состояніи. Одни особенно подчеркиваютъ его жадность и мстительность, другіе—непоколебимую твердость его воли и мужество, съ которымъ онъ объявляетъ войну всему, что для общества свято, дорого и почитаемо, не смущаясь криками возмущенія, вызванными его жестокостью и мстительностью. Но я ни разу не почувствовалъ въ себѣ малѣйшаго движенія симпатіи или состраданія къ этому справедливо и основательно наказанному мошеннику. Я (несмотря на то, что я юристъ) внимаю всегда съ затаеннымъ дыха-

ніемъ мудрому Данилу, и вздохъ облегченія вырывается изъ моей груди при произнесеніи приговора, которымъ разрѣзываются хитро сплетенныя сѣти, предназначенныя для гибели бѣднаго Антоніо. Я съ торжествомъ смотрю на обвинителя, который желалъ огрязнить святой храмъ суда грязью своей низкой души и который прогнанъ съ позоромъ. Страшное напряженіе, въ которомъ находится зритель, замѣняется освѣжающимъ чувствомъ искупленія и спасенія, и этимъ создается настроеніе для глубоко-поэтическаго пятаго акта, этихъ чудныхъ сценъ страстной ласки и игривой веселости. Такъ, послѣ бурной грозы наша душа умиляется при видѣ прояснившагося мирнаго вечерняго неба.

Сцена суда въ «Венеціанскомъ купцѣ» не представляетъ юриспруденціи, созданной поэтомъ только для этого случая и служащей только художественнымъ требованіямъ драмы. Она представляетъ нѣчто гораздо большее, нѣчто болѣе значительное. Она представляетъ типическую картину развитія права всѣхъ временъ, она содержитъ квинтэссенцію права во всемъ его ростѣ, она заключаетъ въ себѣ больше юридической мудрости, чѣмъ десять учебниковъ пандектовъ, она проникаетъ въ исторію права глубже, чѣмъ всѣ научныя сочиненія отъ Савиньи до Геринга.

Доказательству этого посвящается нижеслѣдующее изложеніе.

I

ВЕНЕЦИАНСКИИ КУПЕЦЪ.

Драма долговаго права.

Герингъ исходитъ изъ того, что юристъ долженъ былъ признать вексель недѣйствительнымъ—это, вообще говоря, не вѣрно: такое требованіе можно ставить юристу нашихъ дней, но не средневѣковому судѣ, по необходимости раздѣлявшему правовыя понятія своего времени. Въ исторіи права не только современныя, но и отжившія понятія имѣютъ свой *raison d'être*. По правовымъ понятіямъ того времени, къ которому относится драма, должникъ былъ отвѣтственъ предъ кредиторомъ не только своимъ имуществомъ, но и своимъ тѣломъ: *Qui pop habet in aere, luat in cute*. Мы встрѣчаемъ эти понятія почти у всѣхъ народовъ въ извѣстной стадіи историческаго развитія права. Эта стадія не особенно далека отъ нашего времени и относится къ сравнительно недавнему прошлому. Не особенно вѣдь давно отмѣнено право заключенія за долги, ставившее если не жизнь, то свободу должника въ распоряженіе кредитора. Это право является смягченіемъ болѣе древнихъ законоположеній, по которымъ должникъ при неуплатѣ своего долга становился рабомъ заимодавца. Первоначально честь, свобода, тѣло и жизнь должника отдавались въ безконтрольную власть заимодавца. Лишь позже объективная государственная норма наказанія за-

кахъ послѣдняго замѣняется заключеніемъ въ общественныхъ тюрьмахъ.

Въ древности заимодавецъ могъ распоряжаться должникомъ по своему произволу: онъ могъ эксплуатировать его рабочую силу, могъ продавать его въ рабство, могъ рѣзать его въ куски. Всѣмъ извѣстно постановленіе закона двѣнадцати таблицъ, по которому осужденному за неуплату долговъ давалось 30 дней свободы. Если по истеченіи этихъ 30 дней не послѣдовало уплаты, то должникъ подвергался аресту и держался въ заключеніи 60 дней; три *pundinae* ¹⁾ сряду его выводили на народную площадь и провозглашали его долгъ, вызывая желающихъ его выкупить. Если таковыхъ не оказывалось и въ третій разъ, то наступала катастрофа: заимодавецъ могъ продать должника въ рабство и могъ отрѣзывать отъ его тѣла куски мяса, «много или мало», по своему усмотрѣнію. Многие ученые старались представить этотъ ужасный законъ въ болѣе мягкомъ свѣтѣ, толкуя его такъ, что кредиторъ имѣлъ право рѣзать имущество должника въ куски. Но такое толкованіе ни на чемъ не основано и совершенно противорѣчитъ кровавому духу древняго долговаго права.

Эти постановленія примѣнялись большей частью по приговору суда, но иногда при совершеніи займа заключалось торжественное условіе, въ силу котораго должникъ, безъ всякаго вмѣшательства суда, становился рабомъ заимодавца, если не внесъ ему денегъ къ сроку. Этотъ торжественный договоръ назывался *nexum*. Многими древними писателями засвидѣтельствовано, что при *nexum*'ѣ власть кредитора распространялась и на семейство должника, съ которымъ онъ могъ поступать по своему произволу.

¹⁾ *pundinae* — базаръ, бывшій разъ въ 9 дней.

Изъ знаменитой мѣдной таблицы, содержащей законы города Малаги времяъ Домиціана, мы усматриваемъ, что не только *nexum*, но и поручительство за долги государству вело за собой, при неуплатѣ долга, обращеніе поручителя въ рабство. При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ очень многихъ случаяхъ кредиторъ не пользовался предоставленными ему закономъ правами, а держалъ должника и его семейство у себя, давая ему отработать свой долгъ, или ожидая благоприятнаго стеченія обстоятельствъ, которое дало бы должнику возможность выкупиться.

Такимъ сравнительно хорошимъ положеніемъ должникъ пользовался иногда просто по добротѣ кредитора, иногда-же подобныя отношенія устанавливались на основаніи заключеннаго договора, по которому должникъ, обязываясь исполнять извѣстныя услуги, становился въ нѣкоторую зависимость отъ кредитора, а послѣдній освобождалъ его отъ жестокихъ послѣдствій закона о должникахъ. Такіе договоры заключались, должно быть, очень часто, и этимъ объясняется, что во многихъ историческихъ сочиненіяхъ, напр. у Ливія и Діонисія, встрѣчаются многочисленныя описанія должниковъ, исполнявшихъ въ домахъ своихъ кредиторовъ продолжительныя служебныя функціи. Таковой должникъ оставался *de jure* совершенно свободнымъ; кредитору предоставлялось только право пользованія находящимся у него въ качествѣ залога *carut liberum*.

Въ одномъ пунктѣ личность должника подвергалась безусловному умаленію: это — въ отношеніи своей чести. Онъ становился *infamis*. Это умаленіе чести, «безчестіе» наступало при всякомъ конкурсѣ имущества и встрѣчается также и въ другихъ областяхъ права.

Римское законодательство неоднократно дѣлало попытки смягчить жестокою участь должника. Въ этомъ отношеніи

особенно замѣчательны законы Юлія и Пётелія, старавшіеся придать неумолимому долговому праву болѣе гуманный характеръ. Мы не знаемъ теперь съ точностью, въ чемъ заключалось содержаніе послѣдняго изъ этихъ законовъ, поскольку оно касалось не переходныхъ, а постоянныхъ постановленій. Цѣлью его, вѣроятно, было отмѣнить наиболѣе жестокія постановленія *nexum*'а и облегчить положеніе заключенныхъ за долги вообще. Вѣрно то, что самое право заключенія не было отмѣнено. Болѣе дѣйствительными были законы Юлія, освобождавшіе, при существованіи извѣстныхъ условій, должника отъ заключенія и умаленія чести, если онъ уступалъ кредитору все свое имущество. Каковы были условія, при наличности которыхъ примѣнялись законы Юлія, намъ съ достовѣрностью неизвѣстно. Существуетъ старое предположеніе, что эти законы примѣнялись въ случаяхъ несчастнаго банкротства. Это предположеніе находитъ себѣ, какъ мы увидимъ ниже, сильное подтвержденіе въ аналогичныхъ постановленіяхъ долговаго законодательства другихъ народовъ. Фактъ тотъ, что и послѣ законовъ Юлія заключеніе за долги, и притомъ заключеніе въ жилищѣ кредитора, продолжало существовать. Цѣлый рядъ засвидѣтельствованій историковъ, юристовъ и бытописателей не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія.

Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ положеніе должниковъ было болѣе сносно, благодаря вліянію мѣстныхъ законовъ, которые оставались римлянами большей частью въ силѣ; зато, наоборотъ, во многихъ областяхъ мѣстные обычаи отдавали во власть кредитору не только должника, но и дѣтей его, и ни указы императоровъ, ни увѣщанія отцовъ церкви не въ состояніи были искоренить это зло. Большого интереса заслуживаетъ то мѣсто пандектовъ, гдѣ говорится, что кредиторъ не имѣетъ права запрещать кому-бы то ни было приносить

заклученному должнику пищу или одежду. Такимъ образомъ родственникамъ и знакомымъ давалась возможность облегчить положеніе должника, доставляя ему средства къ жизни. Аналогичное постановленіе мы находимъ въ германскомъ городскомъ законодательствѣ среднихъ вѣковъ.

Лишь позже мы находимъ законодательныя мѣры, направленныя противъ заключенія въ домѣ кредитора (*carcer privatus*), образующія переходъ къ системѣ заключенія въ общественныхъ тюрьмахъ.

Что у грековъ практиковалось заключеніе въ темницу должниковъ, по крайней мѣрѣ общественныхъ, и что у нихъ дѣти считались отвѣтственными за долги родителей—это всякій знаетъ изъ своего Корнелія Непота: Мильтіадъ умеръ въ заключеніи за долги, и сынъ его Кимонъ долженъ былъ томиться въ темницѣ за долги своего отца, пока онъ не былъ выкупленъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что у аѳинянъ въ древнюю эпоху существовала продажа въ рабство должниковъ, не только общественныхъ, но и частныхъ, такъ какъ это право продажи въ рабство отмѣнено только Солономъ. Эта отмѣна не касалась однако права заключенія должника, которое еще долго продолжало существовать, по крайней мѣрѣ, для общественныхъ и торговыхъ должниковъ.

Должникъ, не уплатившій своихъ торговыхъ долговъ, нерѣдко присуждался даже къ смертной казни, что объясняется какъ большимъ рискомъ, съ которымъ были связаны займы для морской торговли, такъ и практиковавшимся при этомъ плутнями, о которыхъ рѣчи Демосѳена даютъ намъ живое представленіе.

Аѳинскіе законы обрушивались съ особенной жестокостью на государственныхъ должниковъ: ихъ не только заключали

въ темницы, но и лишали чести, подвергая аѳимии. Мало того, по истеченіи нѣкотораго времени сумма долга считалась удвоенной, и государство приступало къ конфискаціи имущества должника. При этомъ имѣлась возможность подводить и частныя долги подъ категорію государственныхъ. Греческое законодательство пользовалось при этомъ очень простымъ средствомъ, бывшимъ въ ходу въ послѣдствіи и у сѣверныхъ народовъ: частный кредиторъ, жалуясь на должника, обращался къ государству съ просьбою о взысканіи его долга. Государство взымало при этомъ съ должника въ свою пользу въ видѣ штрафа сумму, равную его долгу. Если должникъ не въ состояніи былъ платить этого штрафа, то онъ считался государственнымъ должникомъ и на него обрушивались всѣ послѣдствія жестокихъ законовъ, о которыхъ упоминалось выше.

У другихъ греческихъ племенъ, у которыхъ не имѣлось постановленій, подобныхъ законамъ Солона, практиковалась продажа должниковъ въ рабство; такимъ образомъ продажа въ рабство должниковъ было въ Греціи общимъ правиломъ, и аѳинскіе порядки являлись лишь единичнымъ исключеніемъ изъ этого правила.

Въ Индіи заключеніе за долги практиковалось въ разныхъ формахъ. Кредиторъ могъ арестовать должника, связывать его по рукамъ и ногамъ и угощать его ударами до тѣхъ поръ, пока не получитъ своихъ денегъ; этотъ способъ былъ въ особенности въ ходу по отношенію къ нечестнымъ должникамъ и назывался *бала* (*bala*) или *балаткара* (*bâlatkâra*). Если должникъ не принадлежалъ къ высшимъ кастамъ, то чаще всего прибѣгали къ такъ назыв. «карма» (работа): должника заставляли отработать свой долгъ. Въ обоихъ случаяхъ предоставленіе должника въ распоряженіе кредитора разсчитывалось на скорый выкупъ: вѣчная зависимость отъ кредитора или продажа должника въ рабство, повидимому, не

допускались индѣйскими законами. Кредиторъ пользовался должникомъ, какъ заложеной у него вещью. При этомъ, какъ и въ Римѣ, обѣ стороны заключали часто договоръ, точнѣе опредѣлявшій ихъ взаимныя отношенія и въ особенности родъ работы, требовавшейся отъ должника.

У древнихъ индусовъ существовалъ еще особенный, чрезвычайно оригинальный родъ лишенія свободы должника, — вынужденнымъ пощениемъ. Кредиторъ усаживался предъ дверью должника, устраивая ему такимъ образомъ полнѣйшую моральную осаду: должникъ не смѣлъ высовывать носа изъ своего жилища, боясь подвергаться всѣмъ послѣдствіямъ предоставляемой кредитору власти надъ нимъ, и такимъ образомъ былъ обреченъ на постъ, одновременно, впрочемъ, со своимъ кредиторомъ.

Въ этомъ, должно быть, и состоялъ упоминаемый въ Ману «обычный способъ вымогательства долговъ». Этотъ способъ былъ дѣйствительно еще и въ послѣднее время настолько «обычнымъ», что англичане были вынуждены принять энергичныя мѣры противъ него. И въ древне-иранскомъ правѣ мы находимъ подобную мѣру для взысканія долговъ. Здѣсь эта мѣра, носившее названіе *troska*, примѣнялась въ особенности по отношенію къ высокопоставленнымъ должникамъ. У многихъ другихъ народовъ имѣлись аналогичные обычаи.

Марко Поло рассказываетъ намъ о замѣчательномъ обычаѣ индѣйскаго племени, населяющаго юго-восточный берегъ Индостана, вблизи Цейлона: кредиторъ обводитъ кругъ вокругъ должника, и послѣдній не смѣетъ выходить изъ этого круга, подъ страхомъ смертной казни, пока не уплатитъ долга.

Въ Иранѣ кредиторъ пользовался правомъ эксплуатаціи должника и его поручителя; первый изъ нихъ становился, по истеченіи извѣстнаго времени рабомъ заимодавца. Весьма

любопытно, что по изреченіямъ Авесты, наказаніе, служившее послѣдствіемъ нарушенія договора, распространялось также на умершихъ родственниковъ виновнаго. Первоначально нарушитель договора подвергался тѣлесному наказанію, состоявшему въ нѣсколькихъ сотняхъ ударовъ, нанесенныхъ особымъ орудіемъ. Это вполне соотвѣтствуетъ сообщеніямъ греческихъ писателей, по которымъ обманъ и неисполненіе взятыхъ на себя обязательствъ считались у персовъ величайшимъ позоромъ.

Лишеніе свободы за долги встрѣчается и у кельтовъ. Изъ записокъ Цезаря извѣстно, что свободные поселяне изъ-за долговъ становились въ зависимость отъ знатныхъ кельтовъ.

Изъ древне-ирландскихъ судебныхъ книгъ, знаменитыхъ *Brehon laws* намъ извѣстно, что и у ирландцевъ существовало рабство должниковъ. Въ *booc of Aicill* мы находимъ постановленіе, запрещающее убивать раба-должника подъ угрозой извѣстнаго штрафа въ пользу наслѣдниковъ убитаго. Сходныя постановленія заключаются въ древнегерманскомъ правѣ: личность должника-раба неприкосновенна.

Моисеевъ законъ также признаетъ рабство за долги. Кредиторъ овладѣвалъ должникомъ и его семьей и ставилъ ихъ въ крѣпостную зависимость отъ себя. Иногда случалось, что должникъ самъ продавалъ за долги себя или кого нибудь изъ членовъ своего семейства.

Моисеево законодательство оказывается, однако, по сравненію съ современными ему законами другихъ странъ, гораздо болѣе гуманнымъ по отношенію къ должникамъ: оно разными постановленіями старается облегчить положеніе раба-должника и освобождаетъ его совершенно отъ всякой зависимости по истеченіи извѣстнаго срока. Но эти гуманныя постановленія раздѣлили участь большинства гуманныхъ реформъ въ области

отрабатывать своего долга, при чем кредитору запрещено
выдвигать под предлогом мендициринга, распространены и во
многих других мѣстах.

В отсталенных варварских времена лишние свободы
считалось еще недостаточным чувствительным наказаніем для
должника. Послѣдній, уже и безъ того тяжело страдавшій
подъ бременемъ всѣхъ позлѣдствій раскато состояния, прирав-
нивавшихъ его личностъ къ вещи, подвергался еще особымъ
мукамъ, различнымъ у разныхъ народовъ. Такъ, напр., его
заставляли постоянно носить камни на спинѣ или кагли ему
терновники между ногами.

У Чероксовъ сѣверной Америки чловѣкъ, не платившаго
своихъ долговъ, публично сѣкли, чѣмъ долгъ считался погашеннымъ.
Краснокожіе смотрѣли вообще съ большимъ презрѣ-
ніемъ на людей, не желавшихъ исполнить своихъ обязательствъ.
Въ Небесной Имперіи неаккуратныхъ должниковъ нака-
зываютъ ударами бамбука. Тѣсное наказание должниковъ
прекращается вообще дольше распрощанное явленіе, но
большинство постановлений долговато права всѣхъ странъ ста-
рается уловить нравственную сторону должника, его честъ.
Изобрѣтенныя для этого мѣры почти такой утонченной же-
стокости, что самая сѣлая фантазія нашего времени не въ
состояніи была-бы ихъ выдумать.

Представленіе, по которому должникъ считается отвѣствен-
нымъ своимъ тѣломъ, своей жизнью за сѣбянные долги,
является такимъ образомъ универсально-правовымъ, и больша
или меньшая снисходительностъ, съ которой тотъ или другой
народъ обращается со своими должниками, не измѣняется этого
факта. При этомъ было-бы ошибочно считать эту снисходи-
тельность признакомъ высшей культуры или болыней чистоты

долговато права: некую теорію и практикой лекала цѣла
пропасть и, какъ мы узнаемъ отъ Іереміи, въ обиденной
жизни евреи мало руководствовались гуманными законами.

Тамудическое право уже не признаетъ ни рабства, ни
заключенія за долги. Но тамудическое право произошло изъ
Моисеева народнаго законодательства только продолжительнымъ
развитіемъ вѣщеніе цѣлао ряда вѣковъ; поэтому, повѣсивъ
попытки проводить паралели между тамудическимъ и рим-
скимъ народнымъ правомъ совершенно противорѣчать методу
этнологической юриспруденціи, такъ какъ римское право мо-
жетъ быть сравняемо только съ монеевымъ или до Моисе-

Приведенные примѣры никоимъ образомъ не должны счи- таться единичными явленіями.

Порабощеніе должниковъ встрѣ-
чается еще и по сіе время въ Мадаскарѣ, на
у народовъ населяющихъ внутреннюю Африку, у которыхъ
часто практикуется разжалованіе въ крѣпостные (Tigre) при
неуплатѣ долговъ. Мы находимъ это право у племенъ старато
и новато свята: такъ, у аптековъ неуплата долга веда за собою
рабство должника.

И у современныхъ нецивилизованныхъ народовъ должникъ
далеко не всегда порабощается на всю жизнь; мы часто на-
ходимъ болѣе мягкія формы лишнія свободы: кредитору
держитъ должника въ заключеніи и позыается его трупомъ
и лишь въ ожиданіи выкупа. При этомъ работа должника и
его семейства обыкновенно засчитывается, и такимъ образомъ
уменьшается сумма долга. Такъ, у китайскихъ племенъ суще-
ствуетъ, помимо рабства за долги въ строгомъ смыслѣ этого
слова, еще другой болѣе мягкой видъ лишнія свободы долж-
ника съ правомъ выкупа деньгами или работой. На Суматрѣ
должникъ остается въ зависимости до тѣхъ поръ, пока не

характера данного народа. Часто эта снисходительность объясняется равнодушіемъ къ интересамъ торговыхъ и другихъ сношеній, правовой безпечностью, обнаруживающейся при нарушении какихъ бы то ни было обязанностей. На неплатежъ долга въ такомъ обществѣ (смотреть также легко, какъ на воровство. Этимъ объясняется на первый взглядъ странная гуманность нѣкоторыхъ восточно-африканскихъ народовъ, выказываемая ими по отношенію къ своимъ должникамъ.

У древнихъ египтянъ не существовало порабощенія должниковъ, что могло служить поучительнымъ примѣромъ для грековъ. И дѣйствительно, законы Солона, отразившіеся такъ благотѣльно на положеніи греческихъ должниковъ, создались не безъ вліянія египтянъ. Для выколачиванія долговъ египетскіе кредиторы прибѣгали къ оригинальному средству, соотвѣтствовавшему, впрочемъ, вполне духу этого замѣчательнаго народа: они пользовались для этого тѣлами мертвыхъ родственниковъ должника. Въ Египтѣ существовалъ обычай закладывать трупы родителей; кредиторъ до тѣхъ поръ не допускалъ ихъ къ погребенію, пока онъ не получалъ своихъ денегъ. Для должника такое обезпеченіе его родителей считалось страшнѣйшимъ позоромъ.

Такое обращеніе кредиторовъ съ трупами умершихъ допущалось не однимъ только египетскимъ правомъ. Изъ преданій, распространенныхъ среди всѣхъ индо-германскихъ народовъ, мы узнаемъ, что и у нихъ трупы должниковъ подвергались обезпеченію со стороны кредиторовъ, не допускавшихъ ихъ погребенія или взрывавшихъ ихъ могилы. Въ этомъ отношеніи особенно интересна распространенная по всему Западу и Востоку сказка о мертвецѣ, оказывающемъ, въ благодарность за выкупъ его трупа, важныя услуги герою. По этимъ

сказкамъ можно безошибочно судить о правовыхъ воззрѣніяхъ того времени, въ которое онѣ были слагасмы.

Что подобное обезпеченіе труповъ происходило и въ христіанскихъ странахъ, свидѣлствуютъ намъ показанія отца церкви св. Амброзія. Кредиторы не давали хоронить умершихъ должниковъ, желая этимъ добиться отъ наслѣдниковъ скорѣйшей уплаты. Законодательство германскихъ городовъ нашло нужнымъ оградить особыми постановленіями тѣла умершихъ отъ подобной профанаци.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію германскаго долговаго права, гдѣ мы встрѣтимъ тѣ отношенія, о которыхъ идетъ рѣчь въ драмѣ Шекспира. Порабощеніе должника, выдача его въ распоряженіе кредитора, заключеніе его въ общественныхъ тюрьмахъ—все это встрѣчается въ германскомъ правѣ различныхъ временъ и различныхъ провинцій. Первоначально германцы порабощали своихъ должниковъ на всю жизнь. На это указываютъ, кромѣ другихъ источниковъ, и сообщенія Тацита объ участи проигравшихся германцевъ. Лишь позже, подъ вліяніемъ разныхъ гуманизирующихъ факторовъ, пожизненное рабство было замѣнено другими отношеніями кредитора къ должнику, дававшими послѣднему возможность отработать свой долгъ.

У вестготовъ порабощеніе должниковъ на всю жизнь было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабство замѣнялось тѣлеснымъ наказаніемъ à la chinoise.

По лангобардскому праву неплатежъ долга сопровождался пожизненнымъ рабствомъ должника. Позже было сдѣлано исключеніе для мелкихъ должниковъ, которымъ давалась возможность отработать свои долги. У баюваровъ порабощеніе за долги было совершенно отмѣнено.

Порабощеніе за долги было извѣстно и франкамъ. Мы не

суды обыкновенно часто прибегали к системъ *contrainte par corps*, бывшей въ ходу еще до послѣдняго времени.

Въ некоторыхъ городахъ, напр. въ Марсели, существовало слѣдующее смягченіе закона о должникахъ, извѣстное подъ именемъ *hostagium*: должниковъ не запирали въ темницы, а отводили имъ для пребыванія извѣстную часть города, изъ которой они не смѣли уходить. Но это смягченіе было, повидимому, отмѣнено позднѣйшими постановленіями, и система заключенія снова вошла въ силу.

Заключеніе за долги, правда уже въ общественныхъ тюрьмахъ, практиковалось въ средніе вѣка почти во всей Италіи. Соответственныя постановленія встрѣчаются въ статьяхъ Ницы, Новары, Турина, Мантуи, Милана, Вероны, Падуи, Виченцы, Феррары, Пармы, Модены, Пизы, Генуи, Болоньи, Рима, Перуджи, Лукки и др. Съ значительными смягченіями заключеніе за долги допускалось и законодательскими актами сипилійскихъ городовъ.

Всѣмъ, читавшимъ замѣчательные романы Ликенса «Лавиуъ Куперфильдъ» и «Записки пивякского клуба», знаетъ, что у англичанъ система заключенія за долги сохранилась до самаго послѣдняго времени. Уполномоченіемъ къ тропательнымъ картинамъ, набросаннымъ знаменитымъ романистомъ въ упомянутыхъ романахъ, могутъ служить прекрасныя описанія этой системы, данная извѣстнымъ юристомъ *Blackstone* о томъ, какъ арестовать должника, что-бы этимъ побудить его къ скорѣйшей уплатѣ долга, или-же о томъ, какъ конфисковать это имущество. Если оныя прибѣгать къ первому изъ этихъ средствъ, то ему было запрещено второе. При долгахъ, не превышавшихъ 100 ф. ст., должникъ не могъ считать себя независимымъ отъ заключенія, даже если оныя успѣла кредит-

находивъ, правда, въ ихъ старѣйшихъ источникахъ прихвращенія въ его старей, строгій формъ; зависимость должника отъ кредитора обусловливается договоромъ, заключеннымъ обоими сторонами, но мы имѣемъ много основаній предполагать, что такого рода зависимость была одна изъ самыхъ мягкихъ мѣръ, которая являлась для должниковъ меньшимъ зломъ по сравненію съ другими угрожавшими имъ постановленіями замѣръ, которыя являлись для должниковъ меньшимъ зломъ по сравнению съ другими угрожавшими имъ постановленіями замѣръ.

Выдача должника въ полное распоряженіе кредитора мы находимъ еще въ эпоху саксонскаго зера и сѣдовавшихъ за нимъ многочисленныхъ источниковъ права. Система лише-нія свободы за долги практиковалась и въ Швейцаріи, Нидерландахъ и Фландріи. Геттский законъ, изданный въ 1696 г., уполномочиваетъ кредитора держать должника вазерри, не давая ему ничего, кромѣ хлѣба и воды, «и кладя ему на ноги столько желѣза, сколько ему заблагоразсудится».

Подобныя постановленія, иногда болѣе, иногда менѣ строгія, встрѣчаются во множествѣ во французскихъ источникахъ, вообще сохранившихъ германское право въ его наиболѣе чистой, какъ напр., въ извѣстномъ французскомъ судейникѣ «*Assises de Jerusalem*», имѣющемъ ориенталистическое происхожденіе, во многихъ французскихъ и бельгійскихъ «*coutumes*» и въ цѣломъ рядѣ южнофранцузскихъ статутовъ. Пунктирные стремленія французскихъ королей, въ особенности Людовика Святого, направленные къ облегченію положенія должниковъ, только частью сопровождались успѣхомъ. Въ ниско привилегіи торговато сословія провинціи Шампани входило также право кредиторовъ заирать у себя своихъ должниковъ. Въ южно-французскомъ индустриальномъ центрѣ, Лионѣ, достигшемъ въ XV столѣтіи своего развѣта, коммерческіе

тору все свое имущество. Все зависѣло тогда отъ воли заимодавца: если онъ соглашался въ этомъ случаѣ брать на себя расходы по содержанию должника въ тюрьмѣ, послѣдній немедленно лишался свободы. Въ другихъ случаяхъ расходы по содержанию несло государство.

Чрезвычайно поучительно долговое право сѣверныхъ народовъ, въ особенности древнихъ норвежцевъ. И здѣсь господство кредитора надъ несостоятельнымъ должникомъ не абсолютно. Должникъ не порабощенъ, онъ врученъ кредитору въ качествѣ залога, которымъ тотъ пользуется, какъ онъ пользуется рабочей силой своего работника. Если кредитору выгодно, онъ самъ для себя эксплуатируетъ силу и способности должника, въ противномъ случаѣ онъ можетъ продать другому свое «право пользованія» за сумму, равную размѣру долга. При такой продажѣ должникъ долженъ быть предложенъ предварительно своимъ родственникамъ и только, если тѣ откажутся его купить, онъ можетъ быть приобрѣтенъ и чужими. При этомъ продается только право пользованія силой должника, который остается *de jure* свободнымъ. Продажа должника въ рабство наказывается подобно продажѣ всякаго свободного норвежца. При долгахъ, размѣръ которыхъ не превышаетъ извѣстной суммы (цѣны несвободнаго), должникъ могъ ставить въ распоряженіе кредитора вмѣсто себя свое дитя.

Положеніе должника у норвежцевъ лучше всего выясняется изъ слѣдующаго. При нанесеніи ему кѣмъ либо увѣчья, виновный платилъ штрафъ, полагавшійся по закону за изувѣченіе свободного гражданина. Но такъ какъ рабочая сила должника принадлежала кредитору, то послѣднему изъ штрафа удѣлялась сумма, равная той, которую онъ получалъ бы при изувѣченіи его лучшаго работника. Затѣмъ слѣдуетъ еще указать на то, что по прошествіи извѣстнаго промежутка

времени, въ продолженіе котораго должнику предоставлялось раздобыть деньги для уплаты долга, кредиторъ имѣлъ право тѣлесно наказывать должника, какъ и всякаго своего работника.

Если должникъ не подчинялся добровольно приказаніямъ кредитора и отказывался исполнять возложенныя на него работы, то наступаютъ слѣдующія любопытныя послѣдствія, возбуждшія послѣ изслѣдованій Іакова Гримма живѣйшій интересъ всѣхъ ученыхъ: кредиторъ обращался еще разъ къ родственникамъ должника, предлагая имъ выкупить его; если тѣ отказывались, то онъ имѣлъ право отрѣзывать куски тѣла должника, «*гдѣ онъ пожелаетъ, сверху или снизу*». Мы имѣемъ тутъ полнѣйшую аналогію съ «*partis secanto*» двѣнадцати таблицъ. Нѣкоторые изслѣдователи видѣли въ этомъ постановленіи только право кредитора наказывать лѣниваго работника или средство для освобожденія своего хозяйства отъ лишней обузы—въ такомъ случаѣ это изувѣченіе стояло-бы только въ отдаленной связи съ долговымъ правомъ. Но такое представленіе совершенно невѣрно. Изувѣченіе было совершенно законнымъ *наказаніемъ* должника, не примѣнявшимся только въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны находили болѣе выгоднымъ для себя устроиться другимъ образомъ. Чтобы лучше понять смыслъ этого наказанія, мы должны обратиться къ господствовавшему въ еще болѣе древнюю эпоху возрѣнію, по которому каждая часть тѣла должника представляла опредѣленную стоимость, и отсѣченіемъ или отрѣзываніемъ этихъ частей погашалась опредѣленная часть долга. Два мѣста изъ норвежскаго права, на которыя указалъ въ свое время *Maitter*, подтверждаютъ до очевидности наше мнѣніе. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дѣло идетъ о лицахъ, осужденныхъ за какія нибудь преступленія къ платежу штрафа, говорится, что если эти лица не въ состояніи платить, то они должны быть

предложены своимъ родственникамъ для выкупа; если тѣ отказываются, виновному можетъ быть «отрубленъ кусокъ, сверху или снизу». Болѣе поучительно второе мѣсто, гдѣ говорится о мѣрахъ, которыя могутъ быть употреблены противъ должника изъ низшихъ классовъ. Кредиторъ связываетъ его по рукамъ и ногамъ и предлагаетъ его родственникамъ выкупить его; если тѣ отказываются, то всѣ члены тѣла должника подвергаются оцѣнкѣ, и извѣстное число членовъ, стоимость которыхъ по оцѣнкѣ, въ совокупности, составляетъ сумму, равную размѣру долга, становится собственностью кредитора: онъ можетъ ихъ отрѣзать, или отрубить, не подвергаясь за это никакому наказанію. Это мѣсто бросаетъ свѣтъ на всю исторію долговаго права, и позволяетъ проникнуть въ смыслъ многихъ постановленій его. Было время, когда по воззрѣніямъ народнымъ каждый членъ человеческого тѣла представлялъ собою опредѣленную денежную стоимость, и вслѣдствіе этого устанавливалась извѣстная эквивалентная плата различныхъ размѣровъ за всякій поврежденный членъ. Если за отрубленные члены справедливо платить деньгами, то легко возникаетъ мысль, что, наоборотъ, за неуплоченныя деньги можно рубить члены. Если глазъ, ухо, рука были таксированы и представляли извѣстную сумму денегъ, то очевидно, что кредиторъ могъ взыскать свой долгъ, конфисцируя эту сумму, этотъ глазъ, ухо и т. д. Какъ ни дико и ужасны подобныя понятія, они все же исторически вѣрны: когда дѣло идетъ о понятіяхъ или учрежденіяхъ первобытнаго времени, то дикость и безчеловѣчность ихъ служатъ только признаками достовѣрности ихъ существованія.

Теперь постановленіе двѣнадцати таблицъ, съ его загадочнымъ выраженіемъ, болѣе или менѣе выступаетъ предъ нами въ вѣрномъ освѣщеніи: кредитору дозволялось отрѣзывать

куски тѣла должника, не стѣняясь количествомъ, *si plus minusve secuerunt, se fraude esto*; теперь ясно, что римское право желало этимъ постановленіемъ сдѣлать шагъ впередъ и освободить кредиторовъ отъ соблюденія строгихъ правилъ соразмѣренія между суммой долга и качествомъ и числомъ членовъ, отрѣзываемыхъ у должника. Каждый отрѣзанный кусокъ тѣла уже не имѣлъ таксированной цѣны и не представлялъ погашенія долга въ опредѣленной части, какъ прежде. Тоже самое выражено въ упомянутыхъ норвежскихъ законахъ, разрешающихъ кредитору рѣзать куски тѣла должника «вверху или внизу», «*ofan esta nestan*». Эти постановленія являются уже продуктомъ позднѣйшей точки зрѣнія, не признававшей принципа, по которому каждый членъ тѣла должника представлялъ строго опредѣленную стоимость.

Теперь только мы можемъ перейти къ выясненію вопроса о томъ, было-ли описанное выше зависимое положеніе должника у норвежцевъ предписано закономъ, или-же оно устанавливалось въ силу добровольно заключеннаго договора. Изъ приведеннаго выше отрывка изъ древнихъ норвежскихъ законовъ можно заключить о справедливости второго предположенія: тамъ говорится, что всѣ требованія кредитора могутъ быть изложены въ договорѣ, заключенномъ съ должникомъ въ присутствіи свидѣтелей и имѣющемъ тогда обязательную силу. Правда, въ нѣкоторыхъ древне-норвежскихъ законахъ упоминается о зависимомъ положеніи должника *ex lege*, но тамъ рѣчь идетъ о долгахъ особаго рода, возникшихъ вслѣдствіе неуплаты штрафовъ за разные проступки, и сказанное тамъ врядъ ли находило приложение въ другихъ случаяхъ. И дѣйствительно, разъ кредитору давалось право распоряженія тѣломъ своего должника, то въ законномъ порабощеніи уже и надобности не было: должникъ въ своихъ интересахъ старался продать

свою свободу, чтобы этим спасти свое тело. Это совершенно тѣ-же отношенія, которыя законъ XII таблицъ создалъ въ Римѣ, гдѣ должникъ старался отвратить отъ себя катастрофу, заключая договоръ съ кредиторомъ. Продажей своей свободы должникъ спасаетъ свое тѣло отъ изувѣченія и только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оказываетъ сопротивление, когда онъ не исполняетъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, въ силу которыхъ облегчалась его участь, — тогда выступаетъ на сцену страшная тѣнь расправы съ должникомъ во всей ея ужасающей дикости. Понятно, что при дальнѣйшемъ развитіи правовыхъ возрѣній, право изувѣченія все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ, и зависимое отношеніе должника къ кредитору принимаетъ законный характеръ. Съ теченіемъ времени участь должника еще болѣе улучшается, и наконецъ норвежское законодательство дошло въ своемъ развитіи до постановленія, по которому несостоятельный должникъ, обѣднѣвшій вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, остается на свободѣ, если онъ присягнетъ, что онъ уплотитъ свои долги при первомъ благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ.

Въ Исландіи мы не находимъ этого столь-же дикаго, сколько и характернаго права изувѣченія, но за то здѣсь встрѣчается закрѣпощеніе должника въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Между прочимъ бѣднымъ родителямъ предоставлялось отдавать въ залогъ кредиторамъ своихъ дѣтей. Что касается положенія закрѣпощеннаго должника, то оно здѣсь было почти такимъ-же, какъ въ Норвегіи. И здѣсь кредиторъ имѣлъ только право пользованія трудомъ должника; этотъ трудъ засчитывался ему, уменьшая сумму долга; должникъ остается во владѣніи правами родства и кровавой мести: кто его убиваетъ, долженъ заплатить установленную пеню его родственникамъ, которые однако обяыны изъ этой суммы уплатить

кредитору долгъ; и, наоборотъ, при убійствѣ кого нибудь изъ родственниковъ должника, послѣдній получаетъ свою часть изъ штрафа, уплоченнаго виновнымъ. Должникъ можетъ наследовать движимое имущество своихъ родственниковъ; владѣніе же недвижимымъ имуществомъ ему запрещено.

Интересно, что кредиторы, въ обезпеченіе своихъ интересовъ, прибѣгали къ публичному провозглашенію своихъ правъ надъ должникомъ: никто послѣ такого опубликованія не имѣлъ права принимать у себя должника или пользоваться его услугами.

Если мы зададимъ себѣ вопросъ объ историческомъ происхожденіи права порабощенія должника, то окажется, что и здѣсь это право является уже смягченіемъ болѣе древняго и болѣе жестокаго закона, — смягченіемъ, вѣроятно возникшимъ также на почвѣ добровольнаго соглашенія между обѣими сторонами. Это болѣе жестокое наказаніе, замѣняемое впоследствии правомъ закрѣпощенія, было не изувѣченіе какъ, въ Норвегіи, а объявленіе должника внѣ покровительства закона. Неисполненіе предписанныхъ закономъ обязательствъ считалось оскорбленіемъ общественной власти, и виновный лишался ея покровительства.

Замѣчательную аналогию этому представляетъ древнешведское долговое право. Первоначально несостоятельный должникъ — правда, послѣ опредѣленныхъ, иногда очень длинныхъ, процедуръ — объявлялся внѣ закона, исключался изъ общины и разсматривался даже, какъ врагъ общества. По сравненію съ этимъ порабощеніе являлось уже смягченіемъ, которое въ большинствѣ случаевъ и предпочиталось должниками. Чѣмъ рѣже становятся случаи объявленія должниковъ внѣ закона, тѣмъ болѣе порабощеніе принимаетъ характеръ предписанной закономъ мѣры. Этимъ объясняется, что это право, встрѣчающееся въ древнѣйшихъ источникахъ только спорадически, въ при-

мнениі къ рѣдкимъ случаямъ, позже примѣняется почти всегда, безъ исключенія. У шведовъ различали два вида порабощенія: одинъ, болѣе строгій, при которомъ должнику не зачитывался его трудъ, другой, болѣе мягкій, гдѣ должникъ могъ отработать свой долгъ. Послѣдній видъ лишенія свободы примѣнялся несравненно чаще перваго, и въ особенности въ законодательствѣ шведскихъ городовъ часто встрѣчается постановленіе: кто не можетъ платить, долженъ отработать свой долгъ.

Почти тѣ-же отношенія мы находимъ въ ходѣ развитія датскаго долговаго права. И здѣсь несостоятельный должникъ первоначально подвергался отлученію, лишь постепенно исчезающему со сцены. Въ датскихъ источникахъ мы встрѣчаемъ указанія на то, что заимодавцы мучили своихъ должниковъ, объявленныхъ внѣ закона, преслѣдуя ихъ жестокими побоями. Противъ особенно жестокихъ заимодавцевъ были изданы даже спеціальныя постановленія.

Точно также и у славянъ мы встрѣчаемъ послѣдовательно всѣ стадіи развитія долговаго права, начиная съ порабощенія должника и кончая заключеніемъ его въ общественныхъ тюрьмахъ.

По русскому праву, а именно по извѣстной «Правдѣ» XIII столѣтія, должникъ, имѣющій чужеземца въ числѣ своихъ кредиторовъ, можетъ быть проданъ въ рабство. Подчиненныя отношенія должника къ кредитору, при которыхъ первый можетъ отработать свой долгъ, существовали въ Россіи до послѣдняго времени.

Что въ Богеміи практиковалась продажа несостоятельныхъ должниковъ, доказываютъ намъ такъ наз. *Luga Zupalogum* (*Statuta ducis Ottonis*) 1222 года, содержавшіе впрочемъ только подтвержденіе болѣе древняго права. Арестованіе дол-

жника, даже безъ посредства суда, еще долго было въ ходу у чеховъ.

И въ Моравіи продавали несостоятельныхъ должниковъ. Законы моравскихъ городовъ содержатъ слѣдующее постановленіе изъ германскаго права: должникъ выдается кредитору, который его можетъ держать въ заключеніи, не давая ему ничего, кромѣ хлѣба и воды.

Въ статутахъ Далмаціи мы также находимъ систему выдачи должника кредитору, но гораздо чаще должникъ подвергался заключенію въ государственной темницѣ, причемъ кредиторъ долженъ былъ платить расходы по содержанію его.

Въ Черногоріи несостоятельный должникъ и теперь еще подлежитъ личному задержанію по рѣшенію суда; практикуется также и отработка долга.

Польскіе законы о должникахъ во многомъ напоминаютъ германское право. По статутамъ Казимира III, должникъ связаннмъ выдается на руки кредитору. Подобныя-же постановленія заключаются въ утвержденныхъ въ 1540 году Сигизмундомъ «*Statuta Mazoviac*». При этомъ не исключалась и возможность заключенія въ государственныхъ тюрьмахъ.

Подобныя-же постановленія мы находимъ и въ венгерскомъ правѣ: кредиторъ держалъ должника взаперти, не давая ему ничего, кромѣ хлѣба и воды. Но и тутъ, какъ въ Германіи, мрачныя средневѣковыя законы, подъ вліяніемъ болѣе гуманныхъ теченій времени, замѣнялись постепенно болѣе мягкими постановленіями.

Постепенно смягчаются постановленія о должникахъ во многихъ странахъ Европы. Въ приведенныхъ выше отрывкахъ изъ французскихъ и итальянскихъ статутовъ, въ ирландскомъ судебникѣ *Senchus Mor* это прогрессивное движеніе уже очень замѣтно. Германскій судебникъ *Sachsenspiegel*, хотя и признаетъ еще за кредиторами право заковывать сво-

ихъ должниковъ, предписываетъ имъ, однако, содержать послѣднихъ не хуже своей челяди и запрещаетъ побои и другія мученія. Вообще, чѣмъ ближе къ XV столѣтію, тѣмъ чаще встрѣчаются постановленія, направленные къ облегченію участи должниковъ. Во многихъ мѣстахъ заключеніе въ домъ заимодавца замѣняется домашнимъ арестомъ должника, такъ что послѣдній только тогда выдается кредитору, если онъ оказывается внѣ четырехъ стѣнъ своего жилища.

Но важнѣйшей реформой того времени является замѣна выдачи должника въ руки кредитора общественнымъ заключеніемъ, арестомъ въ долговой тюрьмѣ, въ долговой башнѣ (Schuldthurm). Это и удобнѣе было для самихъ кредиторовъ, потому что не всегда у кредитора имѣлось въ его домѣ помѣщеніе для должника, да и вообще ему доставляло, вѣроятно, мало удовольствія имѣть должника постоянно у себя на глазахъ и стеречь его. Въ такихъ случаяхъ кредиторы обращались въ магистратъ съ просьбой помѣстить ихъ должниковъ въ тюрьму, въ башню, что мало по малу вошло въ обычай, пока не стало, наконецъ, обязательнымъ. Переходною ступенью отъ системы частнаго заключенія къ общественному являлись практиковавшіеся, напр. во Франкфуртѣ на Майнѣ, аресты должниковъ въ помѣщеніяхъ, нанятыхъ кредиторами у частныхъ чужихъ лицъ. Помѣщеній, предлагавшихся въ наемъ для этой цѣли, было въ средніе вѣка очень много. Когда мы узнаемъ, какъ ужасно было содержаніе должниковъ въ этихъ частныхъ домахъ, мы склонны признать учрежденіе долговыхъ тюремъ большимъ шагомъ впередъ. Этотъ шагъ, совершившійся въ разныхъ странахъ далеко не одновременно, встрѣтилъ вездѣ сильную оппозицію въ консервативныхъ элементахъ народной жизни. Но и въ общественныхъ тюрьмахъ положеніе должниковъ часто было крайне жалкимъ. Во мно-

гихъ мѣстахъ арестованнымъ предоставлялось самимъ заботиться о своемъ пропитаніи: это значило, другими словами, что они должны были прибѣгать къ частной благотворительности, протягивая всѣмъ проходящимъ руки за подавніемъ.

Не слѣдуетъ забывать, что такое обращеніе съ должниками въ тѣ времена являлось для большинства народа вполне естественнымъ. Мы не можемъ мѣрить нашимъ нравственнымъ масштабомъ этическія понятія другого времени. Тогда участь должника также мало ужасала и трогала людей, какъ насъ въ настоящее время мало возмущаетъ казнь убійцы. Гуманистическія идеи были тогда достояніемъ лишь небольшого числа свѣтлыхъ личностей, которымъ приходилось выдерживать страшную борьбу въ стремленіи урвать нѣсколько жертвъ у Молоха устарѣвшихъ правовыхъ возрѣній.

Нельзя упустить изъ виду и того, что въ старыхъ возрѣніяхъ заключалось зерно правды, что имъ часто нельзя отказать въ нравственности мотивовъ. Справедливость требуетъ строгаго наказанія злостнаго и легкомысленнаго банкрота; преувеличенная мягкость законовъ о банкротствѣ всегда сопровождается печальными послѣдствіями. По нашимъ возрѣніямъ въ высшей степени несправедливо причинять страданія невинному должнику, обѣднѣвшему вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, но для нашихъ предковъ такого различія не существовало. Первоначально, при присужденіи наказанія, степень участія воли въ проступкѣ не играла никакой роли, и не мало времени потребовалось для того, чтобы уголовное право стало обращать вниманіе на элементъ виновности. Такой-же путь прошло и долговое право, которое въ средніе вѣка преслѣдовало должника независимо отъ его виновности, и лишь съ теченіемъ времени могло уступить мѣсто болѣе мягкимъ зако-

намъ о несостоятельности, опредѣляющимъ наказаніе должника по степени его виновности.

Въ этихъ законахъ мы однако еще встрѣчаемся съ самыми жестокими наказаніями древняго долговаго права. То, что представлялось правильнымъ въ послѣднемъ, естественно находили нужнымъ удержать; должникъ ставится на одну доску съ воромъ и присуждается нерѣдко даже къ смертной казни. Но, несмотря на строгость наказаній, переходъ къ новѣйшимъ законамъ обозначаетъ собою громадный прогрессъ въ развитіи права, такъ какъ тяжелыя наказанія уже не истекаютъ изъ долговыхъ отношеній, а являются уголовно-правовымъ слѣдствіемъ противозаконнаго поступка, преступной воли должника. Уголовныя идеи, находившіяся въ скрытомъ видѣ въ старомъ долговомъ правѣ, нашли полное выраженіе въ новѣйшихъ законахъ, въ которыхъ получилъ признаніе принципъ субъективной виновности должника. Разсмотрѣніе дальнѣйшаго развитія этихъ законовъ выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи, такъ какъ насъ тутъ интересуетъ вопросъ не объ уголовномъ, а объ экзекуціонномъ правѣ, хотя изъ вышесказаннаго видно, что строгаго историческаго разграниченія этихъ обѣихъ областей не существуетъ и что зародыши уголовного права встрѣчаются и въ глубокой древности.

Медленность развитія новыхъ возрѣній и сопротивленіе, которое они вездѣ встрѣчали, показываетъ, насколько глубоко, укоренились понятія древняго долговаго права. Римское долговое право достигло известной степени гуманизма, для воспринятія которой правовая жизнь среднихъ вѣковъ оказалась недостаточно зрѣлой. Юліанскіе законы, а еще болѣе каноническое право, протянули должнику руку помощи правомъ *cessio bonorum*, т. е. предоставленіемъ должнику возможности избавиться отъ всякихъ наказаній, если онъ уступалъ все

свое имущество кредитору. Средневѣковая наука энергично требовала этого права, причемъ ей иногда оказывалась поддержка со стороны выдающихся вліятельныхъ личностей. Такъ напр., Людовикъ Святой въ приказѣ 1235 г. и Альфонсъ Мудрый въ судебникѣ, изданномъ въ серединѣ XIII столѣтія, признаютъ за должникомъ право *cessio bonorum*. По этимъ постановленіямъ только тотъ должникъ подвергается заключенію, который не платитъ своихъ долговъ, но въ то же время не желаетъ уступать своего имущества.

Право *cessio bonorum* признавалось и законодательствами нѣкоторыхъ городовъ, но вообще введеніе этой льготы встрѣчало величайшія трудности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это право вообще не признавалось средствомъ избавить должника отъ заключенія; тамъ-же, гдѣ оно признавалось таковымъ, оно было обставлено столь позорными для должника процедурами, что мы, читая ихъ описанія, содрогаемся при мысли, что насъ отдѣляетъ всего нѣсколько столѣтій отъ этого страшнаго времени. Въ особенности по статутамъ итальянскихъ городовъ, въ которыхъ процвѣтала торговля, вслѣдствіе чего вызывалась забота о развитіи кредита и объ огражденіи его отъ злоупотребленій, — должники, которымъ предоставлялось право *cessio bonorum*, подвергались возмутительно жестокому обращенію. Происходившій при этомъ обрядъ клеймилъ должника на всю жизнь печатью позора. Несчастнаго выводили на площадь, полную народомъ, ставили его на особый камень и заставляли раздѣться до нага. Затѣмъ надъ нимъ совершалиеь до такой степени позорныя процедуры, что онѣ въ настоящее время совершенно не поддаются описанію. Если должникъ и оставался послѣ этого свободнымъ, то эта свобода, купленная цѣной позорнаго клейма, его мало могла радовать. Эти процедуры предписывались также статутами нѣкоторыхъ французскихъ городовъ. Въ Лі-

онѣ были въ силѣ постановленія, заимствованныя изъ законовъ итальянскихъ городовъ. Въ Авиньонѣ полуобнаженнаго должника заставляли бѣгать по улицамъ, причѣмъ подгоняли его ударами плети. Если должникъ былъ евреемъ, то ему при этомъ дозволялось прикрыться только рубахой. Въ Германіи и Нидерландахъ мы находимъ свидѣтельства подобной же жестокости. Поэтому средневѣковые юристы называютъ эту льготу *cessio bonorum terribilis*.

Если прежде было въ обычаѣ изувѣчить тѣло должника, то ему теперь срывали одежду съ тѣла, если прежде его лишали жизни, то его теперь лишали идеальнаго, но столь-же драгоценнаго блага—его чести. Несостоятельный должникъ считался опороченнымъ, изгнаннымъ изъ общества, онъ лишался даже своихъ гражданскихъ правъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обязывался носить на одеждѣ внѣшніе знаки своего состоянія—желтую заплату на спинѣ или зеленую шапку, какъ это было вездѣ предписано прокаженнымъ и публичнымъ женщинамъ. Примѣры подобнаго опороченія должниковъ не рѣдки у большинства народовъ: стоитъ только припомнить «покрываніе корзинами» въ греческомъ правѣ.

Лишеніе должника одежды было выработано любекскимъ правомъ въ цѣлую систему. Здѣсь считалось облегченіемъ для должника, если кредиторъ вмѣсто того, чтобы арестовать должника, лишалъ его верхней одежды. Это смягченіе практиковалось при небольшихъ долгахъ или, когда дѣло шло о задолжавшейся женщинѣ.

Если въ одномъ мѣстѣ должника лишали одежды, то въ другомъ его лишали жилища. Во многихъ городахъ должникамъ запрещалось жить въ одной и той-же квартирѣ долѣе опредѣленнаго, весьма короткаго срока. Такимъ образомъ его гнали изъ одного жилища въ другое, изъ одной части города

въ другую, пока для него, наконецъ, пребываніе въ стѣнахъ города становилось фактически невозможнымъ. Последнее фактическое запрещеніе получило вскорѣ и свое юридическое выраженіе въ постановленіяхъ многихъ городскихъ статутовъ, которыми должники изгонялись изъ черты города, что обозначало лишеніе свободы отрицательнаго свойства: должника не заключали въ опредѣленное мѣсто, но ограничивали его право пребыванія въ извѣстномъ мѣстѣ, дѣлая для него недоступною цѣлую территорию и притомъ территорию, бывшую для него средоточіемъ всѣхъ его интересовъ, привычекъ и связей. Ужъ вышеописанныя позорныя процедуры и постыдныя одѣянія служатъ предвѣстниками системы изгнанія: должника лишали сначала возможности честнаго существованія, ему не давали покоя въ его жилищѣ, подкапывались подъ его домашній очагъ и наконецъ его просто прогоняли изъ его роднаго города. Многочисленные свидѣтельства всего этого заключаются въ соответственныхъ статутахъ Италіи, Германіи, Голландіи и Фландріи. Но особенный интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи швейцарскіе источники, въ которыхъ находятся всѣ стадіи идеи изгнанія несостоятельныхъ должниковъ въ ея различныхъ примѣненіяхъ.

Еще дальше шло законодательство сѣверныхъ странъ: здѣсь должникъ объявлялся внѣ закона, исключался изъ людскаго общества и переставалъ считаться человекомъ. Никто не смѣлъ давать ему гостепримство, но всякій могъ его безнаказанно убить. Все это уже упоминалось раньше. Но этимъ не исчерпывались мѣры противъ должниковъ. Во многихъ мѣстахъ противъ нихъ употреблялось еще болѣе крайнее средство, а именно отлученіе отъ церкви, затрогивавшее уже не только временные мірскіе интересы должника, но угрожавшее ему вѣчной погибелю его души. Такъ какъ церковь считала

грѣхомъ неисполненіе взятыхъ на себя обязанностей, то между епископами рано вошло въ обычай отлучать неплатящихъ должниковъ отъ церкви. Особенно часто это практиковалось относительно должниковъ церкви, епископовъ и аббатовъ и вообще при всѣхъ долгахъ, къ платежу которыхъ приговаривали церковные суды. Это средство было тѣмъ дѣйствительнѣе, что обыкновенно за отлученіемъ отъ церкви непосредственно слѣдовали строжайшія мѣры со стороны свѣтскихъ властей.

Не смотря на то, что постановленія о заключеніи за долги постепенно исчезали изъ долговаго законодательства, въ области договорнаго права господствовала прежняя строгость. Это дало кредиторамъ возможность совершенно парализовать дѣйствіе новыхъ реформъ: при совершеніи займа заключался договоръ, по которому кредитору присваивались всѣ права, отмѣненные новыми законоположеніями. Можно себѣ легко представить, что капиталисту нетрудно было заставить нуждающагося бѣдняка отказаться отъ благодѣяній, предоставленныхъ ему законодательствомъ. Такимъ образомъ жестокія права кредиторовъ еще долго существовали *de facto*, не поддаваясь вліянію прогрессирующаго права, пока послѣднее не окрѣпло настолько, чтобы подчинить себѣ и эти отношенія.

Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что и у римлянъ существовало такое лишеніе свободы должника по договору, но это не совсѣмъ вѣрно. Римляне старались всегда по возможности уничтожать такія распоряженія собственной личностью, по крайней мѣрѣ въ теоріи. На практикѣ въ римской правовой жизни многое совершалось не по указанію *Cognus iuris*, и изслѣдованіе этихъ отступленій представляетъ важную, но еще не рѣшенную задачу исторіи культуры и права.

Такая отдача въ залогъ собственной свободы встрѣ-

чается въ германскомъ правѣ въ различныхъ степеняхъ и видахъ. Договоры, по которымъ должники, въ случаѣ неуплаты, становились рабами кредиторовъ, которые могли ихъ продать или дѣлать съ ними, что угодно, встрѣчались у германцевъ, очень часто. Кромѣ ясныхъ свидѣтельствъ изъ законодательствъ сѣверныхъ народовъ, въ пользу достовѣрности этого говорятъ еще сообщенія Тацита, не находящаго обыкновенно достаточно похвалъ для германцевъ. Кто не знаетъ того мѣста изъ его «*Germania*», гдѣ онъ, описывая страсть германцевъ къ играмъ, рассказываетъ, что проигравшійся до тла часто ставилъ на кости свою свободу и становился въ случаѣ неудачи рабомъ выигравшаго? Если это было возможно при игрѣ, то вѣроятно еще чаще происходило въ экономическихъ отношеніяхъ.

Такое же заключеніе мы можемъ сдѣлать относительно индусовъ, также отличавшихся страстью къ играмъ. Изъ *Mahābhāgata* и изъ индійскихъ преданій (въ превосходномъ нѣмецкомъ переводѣ *Holzmann'a*) мы видимъ, что древніе индусы часто проигрывали женъ, дѣтей и собственную свободу. И дѣйствительно, какъ мы видѣли раньше, у индусовъ существовало порабощеніе должниковъ по договору.

По этой же причинѣ закладываніе собственной личности встрѣчается и у франковъ. Такъ какъ германское право признаетъ не только полнѣйшую свободу и абсолютную неволю, но также цѣлый рядъ промежуточныхъ состояній, то и договорныя условія у франковъ были различны: въ однихъ случаяхъ кредиторъ имѣлъ только право пользованія одушевленнымъ залогомъ, прекращавшееся при взносѣ долга, въ другихъ случаяхъ порабощеніе должника было полное. Франкское законодательство всегда признавало подобные договоры дѣйствительными, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда кредиторомъ бывалъ еврей, а должникомъ христіанинъ.

Подобная продажа собственной личности «по необходимости», т. е., вѣроятно, подъ давленіемъ большихъ долговъ, упоминается и въ законахъ фризовъ и баюваровъ. О соответствующихъ постановленіяхъ въ древнемъ долговомъ правѣ сѣверныхъ народовъ уже раньше говорилось подробно.

Договоры, въ которыхъ одинъ изъ контрагентовъ обязывался, при неисполненіи своихъ обѣщаній, отправиться въ заключеніе, встрѣчаются очень часто даже въ концѣ среднихъ вѣковъ. Они часто упоминаются и подвергаются обсужденію со стороны юридическихъ писателей того времени. Правовыя послѣдствія подобныхъ договоровъ опредѣлялись многочисленными статутами.

Особенно часто подобныя указанія встрѣчаются во французскихъ Coutumes, господствовавшихъ, какъ извѣстно, въ дореволюціонное время почти исключительно въ области французскаго гражданскаго права. Такъ какъ королевскимъ распоряженіемъ, въ силу котораго заключеніе за долги перестало быть законнымъ наказаніемъ, не были предусмотрѣны случаи договорныхъ заключеній, то естественно, что такіе договоры заключались очень часто, и законодательство должно было занять по отношенію къ нимъ опредѣленное положеніе. Въ многочисленныхъ Coutumes, въ которыхъ идетъ рѣчь о подобныхъ договорахъ, послѣдніе признаются дѣйствительными. Очень поучительна Coutume Бретани, гдѣ, кромѣ договорнаго заключенія въ тюрьмѣ, разсматривается и договорное *ostagium*, этотъ особенный родъ лишенія свободы, встрѣченный нами уже въ Марсели, при которомъ право пребыванія должника ограничивается не четырьмя стѣнами темницы, а стѣнами города, изъ котораго онъ не смѣлъ удалиться.

Подобныя договоры, обязывавшіе должниковъ не отлучаться изъ города до уплаты долговъ, встрѣчаются несравненно чаще договорныхъ заключеній. *Ostagium* — институтъ французскаго

происхожденія и встрѣчается, кромѣ Марсели и Бретани, также и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи. Старѣйшій изъ источниковъ, въ которомъ упоминается подобный договоръ, марсельскаго происхожденія, долженъ быть отнесенъ къ 1069 году.

Позже эти договоры измѣнили свой характеръ и превратились въ *Wirthshausclausel* (харчевенный договоръ). Должникъ или его поручитель должны были поселиться въ гостинницѣ и «тратиться» тамъ до погашенія долга, такъ что тутъ центр тяжести лежитъ уже не въ лишеніи свободы, а въ расходахъ, которые должны обременять должника. Подобныя обязательства давались часто очень высокопоставленными лицами; исполненіе обязательства лежало на должникѣ, или, чаще всего, на поручителѣ, соглашавшемся тратиться въ гостинницѣ на счетъ перваго. Этотъ дурной обычай нашелъ распространеніе и на сѣверѣ. Въ Швеціи мы находимъ его, начиная съ XIV столѣтія; онъ практиковался также въ Богеміи и Польшѣ.

Подобныя договоры намъ не покажутся удивительными, если мы припомнимъ, что въ то время закладываніе своего тѣла и даже своей жизни въ обезпеченіе долговыхъ или иныхъ обязательствъ было весьма обычнымъ явленіемъ. Что у германцевъ было въ обычаѣ давать въ залогъ члены своего тѣла и свою жизнь, объ этомъ повѣствуютъ многія сочиненія, которыя, конечно, не содержали бы подобныхъ чертъ, если-бы ихъ не существовало въ дѣйствительной жизни. Если люди рисковали тѣломъ, жизнью, честью при игрѣ, или при пари, что бы придать больше вѣсу своимъ утвержденіямъ, то вполне естественно, что они подвергали опасности эти высшія блага для болѣе благородныхъ и серьезныхъ цѣлей, для обезпеченія даннаго слова. У насъ имѣются несомнѣнныя доказательства того, что такіе договоры представляютъ не вымыселъ фантази или сказочное преувеличеніе, а грозную дѣйствительность,

что должникъ въ самомъ дѣлѣ отдавалъ кредитору фунтъ своего мяса, членъ своего тѣла или даже свою жизнь. Въ дошедшемъ до насъ договорѣ, заключенномъ въ Кельнѣ въ 1263 году, одинъ изъ контрагентовъ обязывается, въ случаѣ неисполненія имъ своего обѣщанія, дать отрубить себѣ голову. Этотъ договоръ является далеко не единичнымъ. Иногда должникъ обязывается въ случаѣ неуплаты долга перейти въ совершенное распоряженіе кредитора, такъ что-бы послѣдній могъ съ нимъ сдѣлать, что ему угодно; иногда кредиторъ выговариваетъ себѣ право отрубить несостоятельному должнику извѣстные члены. Не только жизнь, но и спасеніе души отдавалось въ залогъ: такъ по многимъ договорамъ должникъ въ случаѣ неуплаты подвергался отлученію отъ церкви. Нерѣдко закладываются права состоянія и гражданскія права. Вопросъ о дѣйствительности договоровъ, ведущихъ за собою объявленіе должника внѣ закона, подробно разсматривается у *Gaill, de pace publica II, c. 2.* Особенно часто встрѣчаются въ древнемъ сѣверо-германскомъ правѣ подобные договоры, обуславливающіе тяжелыя наказанія, объявленіе внѣ закона или изгнаніе контрагента.

Особенно часто практиковалось закладываніе своей чести, причемъ должникъ закрѣплялъ свое обѣщаніе исполнить обязательство честнымъ словомъ. Завѣреніе «честнымъ словомъ» дошло до нашихъ дней. Но въ настоящее время нарушеніе послѣдняго можетъ имѣть только моральныя послѣдствія, тогда какъ въ прежнее время это завѣреніе имѣло вполнѣ юридическое значеніе и при неисполненіи такимъ образомъ даннаго обязательства должникъ считался опороченнымъ. Въ средніе вѣка употреблялись различныя обороты рѣчи при завѣреніи честью: принято было давать обѣщанія словомъ кавалера, княжескимъ достоинствомъ, даже дѣвичьей или женской честью. Неиспол-

нявшій обѣщанія объявлялся безчестнымъ, вѣроломнымъ и клятвопреступникомъ. Но этимъ послѣдствія во многихъ случаяхъ не ограничивались: многіе подобные договоры влекли за собою разныя позорныя процедуры, которымъ должникъ долженъ былъ подвергаться въ случаѣ неуплаты. Такъ, въ одномъ условіи, заключенномъ въ 1578 году, кредитору дается право «выставить должника у позорнаго столба, церковной паперти или гдѣ онъ захочетъ и осыпать его предъ всѣми честными людьми насмѣшками, ругательствами и всяческими поношеніями». Нерѣдко примѣнялась *pictura contumeliosa*, т. е. должникъ обязывался носить на себѣ позорнаго содержанія аншлагъ или рисунокъ. Иногда кредиторъ выговаривалъ себѣ право распространять пасквили, поносящія должника. Аналогиченъ распространенный на востокѣ обычай закладывать бороду, такъ какъ тамъ снятіе бороды считается большимъ позоромъ.

Вообще въ средніе вѣка было въ обычаѣ закладывать все, что у должниковъ имѣлось святого и высокаго: монастыри закладывали моши (такъ, одинъ монастырь заложилъ главу св. Іоанна), а епископы свои митры, перстни и посохи.

Сюда также должны быть отнесены употреблявшіяся въ договорахъ формулы проклинанія. Хотя бѣдствія, которыя, въ силу этихъ договоровъ, должны были обрушиваться на голову должника, нельзя собственно считать юридическими послѣдствіями нарушенія обязательствъ, такъ какъ наступленіе этихъ послѣдствій не гарантировалось законодательствомъ, а они являлись ударами судьбы, обрушивавшимися на должника въ его земной и загробной жизни, — но тѣмъ не менѣе убѣжденіе, что подобные удары судьбы должны постигнуть должника именно въ силу заключеннаго договора и вслѣдствіе неисполненія его должникомъ, является юридической идеею. Подобныя формулы

проклятія очень стары: они встрѣчаются еще въ древнихъ халдейскихъ источникахъ, относящихся къ X стол. до Рожд. Хр. Въ германскихъ источникахъ встрѣчаются также такіе договоры, въ которыхъ проклятія украшены всѣми вымыслами фантазіи и угрожаютъ должнику всевозможными земными и вѣчными муками. Нарушитель договора уподобляется тамъ Каину, Искаріоту и другимъ типичнымъ злодѣямъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, историческій ходъ развитія долговыхъ отношеній представляется въ слѣдующемъ видѣ: первоначально неуплата всякаго долга сопровождалась гибельными послѣдствіями для тѣла и жизни должника, позже эти послѣдствія наступали только послѣ заключенія соответственнаго договора; первоначально всякій несостоятельный должникъ терялъ свою свободу, вполнѣдствіи лишенію свободы подвергались лишь тѣ, которые обязывались къ этому договоромъ; первоначально неуплата всякаго долга разрушала существованіе должника, позже это дѣйствіе имѣли только долги съ условленнымъ правомъ изгнанія; первоначально всякій несостоятельный должникъ считался безчестнымъ, позже лишь тотъ, который закладывалъ свое честное слово. Изъ этого не слѣдуетъ, что эти стадіи развитія всегда и вездѣ слѣдовали одна за другой въ одинаковомъ порядкѣ, подобно діалектической формѣ развитія Гегелевой философіи. Исторія культуры сохраняетъ въ своемъ единствѣ индивидуальное разнообразіе и варьируетъ основную идею развитія права въ такихъ же многообразныхъ формахъ, какъ законы органическаго возникновенія варьируются въ развитіи отдѣльныхъ организмовъ. И тутъ, въ правообразованіи, какъ это видно изъ изложеннаго выше, выступаетъ неизмѣнно одна основная черта, которую можно прослѣдить въ культурномъ развитіи разныхъ народовъ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ.

Законность и справедливость такихъ договоровъ между кредиторами и должниками подразумѣвалась само собою: въ дѣйствительности подобныхъ договоровъ также мало сомнѣвались, какъ въ правѣ кредиторовъ отбирать въ закладъ, на основаніи заключеннаго условія, такіе предметы, которые въ другихъ случаяхъ по закону не могли служить залогомъ. Такое сомнѣніе и не могло возникнуть въ то время, когда законодательство еще только что выходило изъ той стадіи развитія, которая стремилась закрѣплять и освящать договорныя отношенія. Какъ можно было сомнѣваться въ правильности этихъ договоровъ, — въ эпоху, когда народныя воззрѣнія оказывали сопротивленіе законодательству, пытавшемуся впервые нѣсколько смягчить участь должника, когда жизнь и свобода еще не считались неприкосновенными благами, когда рабство въ формѣ крѣпостного состоянія было въ полномъ раздвѣтѣ, когда ежедневно наблюдались случаи продажи собственной личности въ крѣпостничество? Наоборотъ, для такого времени представляется вполнѣ естественнымъ тотъ фактъ, что послѣ того какъ распоряженіемъ Людовика Святого заключеніе за долги было уничтожено, такое заключеніе считалось тѣмъ не менѣе возможнымъ по договору. Это общепринятое въ то время мнѣніе поддерживалось величайшимъ юристомъ XIII столѣтія Беаупюа'омъ и нашло подтвержденіе въ приказѣ французскаго короля Филиппа Красиваго, изданномъ въ 1303 году. Въ Германіи законность заключенія по договору признана также въ 1277 году рѣшеніемъ императора Рудольфа I.

Точно также знаменитый «законъ семи частей» Альфонса Мудраго, послѣ всеобщаго введенія права *cessio bonorum*, оставляетъ въ силѣ заключеніе по договору.

Лишь въ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія законодательства поднимаются изрѣдка робкіе и неувѣренные голоса противъ

дѣйствительности подобныхъ договоровъ. Постепенно съ теченіемъ времени получаетъ распространеніе болѣе гуманное примѣненіе законовъ о должникахъ. Новыми законами не только отменяется право ареста должника, но вмѣстѣ съ тѣмъ примѣняется другое толкованіе, въ силу котораго должникъ освобождается отъ суровыхъ послѣдствій древняго долговаго права, даже если послѣднія обуславливаются какими-бы то ни было добровольными договорами. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ тѣмъ, что для дѣйствительности такихъ договоровъ, требовалось, какъ необходимое условіе, присутствіе судьи; только договоры, заключенные въ его присутствіи, признавались дѣйствительными. Дальнѣйшее выраженіе эта перемѣна нашла въ практикѣ судовъ, настаивавшихъ, правда, на исполненіи условій, но смягчавшихъ и урѣзавшихъ послѣдствія договоровъ, вопреки содержанію и смыслу послѣднихъ. Эти прогрессивные шаги совершились въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ юридическихъ писателей, какъ романистовъ, такъ и процессуалистовъ, которые, подвергая постоянно обсужденію вопросы о дѣйствительности той или другой договорной статьи, тѣмъ самымъ подрывали старое утвердившееся въ нравахъ долгое право. Наконецъ, прежде всего въ Италіи, а затѣмъ и въ Германіи и Франціи, дошли до того, что всѣ подобные договоры начали считать совершенно недѣйствительными: законодательство не только болѣе не гарантировало наступленій послѣдствій договоровъ, но стало даже запрещать заключеніе извѣстныхъ условій. Такъ, въ итальянскихъ статутахъ и также въ *Grand coutumier de France* XIV столѣтія мы находимъ выраженную мысль, что отказъ отъ права *cessio bonorum* недѣйствителенъ, такъ какъ послѣдствія подобнаго отказа подвергаютъ опасности жизнь должника. Это воззрѣніе получило распространеніе и проводилось на практикѣ за долго передъ

тѣмъ, какъ оно нашло себѣ полное выраженіе въ юриспруденціи. Судъ старшинъ (*Schöffengericht*) города Брюнна подвергалъ обсужденію вопросъ о томъ, можно-ли считать дѣйствительнымъ договоръ, по которому должникъ обязывается въ случаѣ неуплаты долга лишиться жизни или свободы, и рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, такъ какъ, по его мнѣнію, тутъ затрогиваются неотъемлемыя права личности, которыми никто не можетъ распоряжаться въ силу какихъ-бы то ни было договоровъ. Эта мысль нашла себѣ выраженіе въ многочисленныхъ статутахъ, постановляющихъ, что, за нѣкоторыми исключеніями, несостоятельный должникъ не можетъ быть лишенъ свободы, даже если-бы онъ заключилъ съ кредиторомъ соотвѣтственный договоръ.

Во Франціи договорный арестъ былъ ограниченъ распоряженіемъ 1566 года и за исключеніемъ одного specialнаго случая, перешедшаго въ *Code civil*—совершенно отмененъ актомъ 1667 года.

По мѣрѣ того, какъ договоры, касавшіеся жизни и свободы должника, перестали считаться законными, возникали сомнѣнія и относительно дѣйствительности договорныхъ отлученій отъ церкви. Верховный имперскій судъ высказался также противъ условленнаго объявленія должника внѣ закона, и послѣдовавшихъ соотвѣтствующихъ постановленій въ провинціальномъ законодательствѣхъ, имперскій полицейскій уставъ 1577 года tit, 35, § 7 запретилъ заключеніе договоровъ, дававшихъ кредитору право поносить должника и распространять про него пасквили. Тотъ же полицейскій уставъ tit 17, § 10 объявляетъ незаконными, какъ *ostagium*, такъ и харчевенные договоры. до того времени очень часто практиковавшіеся и приводившіе къ большимъ злоупотребленіямъ. Заключеніе подобныхъ договоровъ уже и

раньше запрещено было законодательствами отдѣльных германскихъ государствъ. Подобное же запрещеніе издано польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ въ 1347 году. Хотя эти обычаи, вслѣдствіе слабости имперской власти той эпохи, еще и продолжали существовать и послѣ изданія упомянутыхъ законовъ, но корни этихъ обычаевъ были уже все таки подрублены, и окончательное исчезновеніе ихъ было только вопросомъ времени.

Въ какой степени это развитіе права уже совершилось въ ту эпоху, къ которой относится дѣйствіе нашей драмы? Этотъ вопросъ долженъ служить юридической точкой отправленія при разборѣ «Венеціанскаго купца».

Радикальная перемѣна въ правовыхъ воззрѣніяхъ, которую мы только что отмѣтили, совершилась не сразу, не скачкомъ. Эти воззрѣнія въ своемъ развитіи прошли чрезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней, пока они не нашли себѣ яснаго юридическаго выраженія въ законодательствѣ. Для полнаго и зрѣлаго пониманія нашего поэта, мы должны выяснитъ себѣ характеръ этихъ переходныхъ ступеней. При этомъ окажется, что еще прежде, чѣмъ законодательство начинаетъ считать интересующіе насъ договоры, стоящіе въ противорѣчій съ созрѣвшимъ правовымъ сознаніемъ, недѣйствительными — еще до того времени въ народномъ сознаніи начинаетъ чувствоваться реакція противъ этихъ договоровъ, не съ точки зрѣнія права, а съ точки зрѣнія нравственности и общественной благопристойности. Еще задолго передъ тѣмъ, какъ настаиваніе со стороны кредитора на исполненіи договорныхъ статей сдѣлалось противозаконнымъ, оно стало считаться нечестнымъ, непристойнымъ, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ противъ должника не имѣ-

лось особенно тяжелыхъ обвиненій, поведеніе кредитора, эксплуатирующаго законнымъ образомъ свои права, вызывало въ обществѣ негодованіе. Въ хорошемъ обществѣ не допускается многое изъ того, что не запрещается законодательствомъ. Литературныя хищенія, напримѣръ, считались чѣмъ-то очень некрасивымъ уже тогда, когда о законахъ, охраняющихъ авторскія права, еще и рѣчи не могло быть, да и теперь плагиатъ, не затрогивающій правъ собственности автора и, стало быть, не преслѣдуемый закономъ, вызываетъ однако въ литературномъ мірѣ общее презрѣніе къ плагиатору. Точно также, когда законодательство приняло не особенно счастливое рѣшеніе — отмѣнить законы, наказывающіе лихоимство, то этой отмѣной престижъ ростовщиковъ въ обществѣ нисколько не повысился, и ремесло ихъ продолжаетъ и теперь считаться очень грязнымъ. Тоже самое можно сказать относительно долговыхъ договоровъ: общественное мнѣніе осуждало и своимъ вліяніемъ значительно ограничивало жестокость кредиторовъ гораздо раньше того, какъ законодательство выступило на защиту должниковъ.

Но Шейлокъ не изъ тѣхъ людей, которые стѣсняются общественнаго мнѣнія и сообразуются въ своихъ дѣйствіяхъ съ отвлеченными понятіями: ему чуждо вліяніе этическихъ факторовъ. Онъ глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ, его не трогаютъ даже замѣчательныя слова Порціи о милосердіи, которыя никто не можетъ слушать безъ умиленія, эти золотыя слова, которыя никогда еще не были произнесены устами смертнаго съ такой чудной простотой и граціей:

По принужденію милость
 Не дѣйствуетъ, а падаетъ она,
 Какъ тихій дождь, струящійся на землю
 Изъ облаковъ. Благословленье въ ней
 Сугубое; она благословляетъ

Тѣхъ, кто даетъ и кто беретъ ее.
 Сильнѣй всего она въ рукахъ у сильныхъ;
 Она—царямъ приличнѣе вѣнца;
 Монарховъ скиптръ—знакъ временной ихъ силы,
 Онъ атрибутъ величія; изъ него
 Исходитъ страхъ предъ властью государей.
 Но скиптра мощь предъ милостью—ничто.
 Въ сердцахъ царей владычествуетъ милость,
 Какъ атрибутъ Всевышняго—и та
 Земная власть всѣхъ ближе къ власти Бога,
 Которая и правый судъ творить
 И милуетъ...

Съ точки зрѣнія Шейлока, заключенное имъ условіе законно и должно быть во что-бы то ни стало выполнено.

Это воззрѣніе безъ сомнѣнія раздѣлялось и законодательствомъ того времени. Шекспиръ прекрасно характеризуетъ опору, которую Шейлокъ находитъ въ современномъ ему правѣ; на упрекъ новѣшихъ юристовъ съ Іерингомъ во главѣ, по мнѣнію которыхъ вексель долженъ былъ съ самаго начала быть признаннымъ недѣйствительнымъ, поэтъ мѣтко возражаетъ словами Порціи:

Искъ затѣяли вы странный,
 Но вмѣстѣ съ тѣмъ такого рода онъ,
 Что помѣшать не могутъ вамъ законы (Венеціи).

Въ этомъ убѣжденъ и Шейлокъ; со свойственной ему циничностью онъ замѣчаетъ:

Ругательствамъ твоимъ не соскоблить
 На векселѣ печати. Значитъ крикомъ
 Ты лишь свою печенку надорвешь.

Такимъ образомъ онъ твердо рѣшился воспользоваться услугами закона и требовать его примѣненія со всѣми его неумолимыми послѣдствіями; онъ пытается выжать до по-

слѣдной капли благопріятное для него право, онъ такъ крѣпко натягиваетъ всѣ нити закона, что онѣ наконецъ рвутся. Кое въ чемъ можно, правда, найти смягчающія обстоятельства для Шейлока, а именно въ жестокости, съ которою всѣ обходились съ нимъ и его единовѣрцами:

Тотъ мяса фунтъ, котораго теперь
 Я требую, мнѣ очень много стоитъ.

Какой цѣной этотъ фунтъ мяса купленъ, это онъ часто повторяетъ:

„Если еврей оскорбляетъ христіанина, въ чемъ выражается его христіанское смиреніе? Въ мести. Если-же христіанинъ оскорбляетъ еврея, въ чемъ должно состоять терпѣніе его—по христіанскому образцу? Ну, тоже въ мести“.

Еще прежде онъ говоритъ;

Антоніо, припомните, какъ часто
 Въ Реальто вы ругались надо мной.
 Я это все всегда переносилъ
 Съ терпѣніемъ, плечами пожимая;
 Терпѣніе-же—наслѣдственный удѣлъ
 Всей націи еврейской.

Другимъ смягчающимъ обстоятельствомъ для него можетъ служить и то, что требованіе фунта мяса не являлось чѣмъ то очень исключительнымъ, такъ какъ въ то время безпрепятственно допускались различныя другія жестокости, для отмѣны которыхъ современное Шейлоку общество еще не достаточно созрѣло. Этимъ обстоятельствомъ Шейлокъ и воспользовался для своей тонко продуманной юридической защиты, съ которой онъ обращается къ венеціанскому суду:

„Обдумайте вы вотъ что: есть не мало
 У васъ рабовъ; а такъ какъ вы себѣ

Кушили ихъ, то наравнѣ съ ослами
 Собаками, мулами, тѣхъ людей
 На рабскія, презрѣнныя работы
 Вы гоните. Скажи теперь я вамъ:
 „Пустите ихъ на волю! Пожените
 «Ихъ на своихъ наслѣдникахъ! Зачѣмъ
 «Подъ ношами тяжелыми потѣютъ
 «Несчастные?» — — — — —

— — — — — Вы на это
 Мнѣ сказали-бы: „рабы всѣ эти намъ
 Принадлежатъ“ Ну, такъ и я отвѣчу.
 Тотъ мяса фунтъ, котораго теперь
 Я требую—мнѣ очень много стоитъ;
 Онъ мой, и я хочу имѣть его.
 Откажете—я плюну на законы
 Венеціи: въ нихъ значить силы нѣтъ.
 Я жду суда. Дождусь ли? отвѣчайте!

Конечно, сила его доводовъ только кажущаяся. Во всякомъ обществѣ имѣются большыя мѣста, но изъ этого очевидно не слѣдуетъ, что можно не признавать требуемыхъ этимъ обществомъ справедливости и благопристойности.

Съ другой стороны, эти смягчающія обстоятельства совершенно пропадаютъ передъ выступающими чертами величайшей низости, которыя проникаютъ весь образъ Шейлока. Это слѣдуетъ подчеркнуть, въ виду довольно распространенной тенденціи къ идеализированію личности Шейлока. Вѣдь утверждалъ-же когда то Гейне, что Шейлокъ самый респектабельный изъ всѣхъ мужескихъ лицъ драмы. Шейлокъ — не типичный національный мститель, чуждый всякаго эгоизма и поставившій себѣ задачей жизни отомстить за обиды, нанесенныя его народу. Шейлокъ — не Мордо-

хай, даже если ненависть къ иновѣрцамъ и составляетъ одну изъ основныхъ чертъ его характера. Мстительность Мордохая имѣетъ болѣе благородный оттѣнокъ и не свидѣтельствуетъ о такой нравственной низости; Мордохай-носитель національнаго чувства, осуществляющій стремленія цѣлаго народа. Его мстительность — это мстительность цѣлаго народа. Народы-же созданы для борьбы, борьба является для нихъ элементомъ жизни, факторомъ развитія и прогресса. Въ противоположность этому, мстительность Шейлока низкое чувство, порожденное исключительно себялюбіемъ и неудовлетворенной жадностью. Низкой душѣ Шейлока чуждо всякое благородное движеніе: онъ и у себя дома жалкій крикунъ, вѣчно брюзжащій, которому недоступны и непонятны никакіе порывы, никакая свѣжесть чувства. Поэтому у него не уживается слуга, и собственная дочь убѣгаетъ изъ его дома. Она говоритъ Ланчелоту:

Нашъ домъ вѣдь адъ, а ты, веселый чертъ,
 Въ немъ истреблялъ отчасти запахъ скуки.

и

Увы! Какой я страшный грѣхъ свершаю
 Тѣмъ, что стыжусь быть дочерью того,
 Кто мой отецъ! Но только, вѣдь, по крови
 Я дочь его, а не по чувствамъ.

Поэтъ чрезвычайно мѣтко характеризуетъ Шейлока, заставляя его сказать при видѣ Антоніо:

„Его за то такъ ненавижу я,
 Что онъ христіанинъ; но вдвое больше
 Еще за то, что въ гнусной простотѣ
 Взаимы даетъ онъ деньги безъ процентовъ.
 И роста курсъ сбиваетъ онъ межъ насъ“.

и нѣсколько позже:

„Онъ ругался надо мной и сдѣлалъ мнѣ убытку на полмилліона“

и

„Вотъ тотъ дуралей, что деньги безъ процентовъ
дастъ займы.

И въ заключеніе:

...„Пусть мнѣ хоть разъ одинъ
Ему бока пощупать доведется,
Ужъ ненависть старинную свою
Я утоплю“.

И когда его жалкое покушеніе кончается неудачей, онъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, старается выгадать что нибудь для своего кармана: сначала онъ требуетъ тройную сумму долга, а потомъ не прочь принять и капиталъ. Шейлокъ—ростовщикъ низшаго сорта, опасный по упорству и беспощадности, съ которою онъ преслѣдуетъ свои цѣли, еще болѣе опасный той завидной виртуозностью, съ которою онъ подвигается на почвѣ формальнаго права. О трагизмъ его личности уже изъ эстетическихъ основаній не можетъ быть рѣчи, его паденіе—драматическій сигналъ того, что язва лихоимства вытравлена, и мы съ удовольствіемъ теряемъ изъ виду это лицо, обезчестившее святотатственнымъ образомъ храмъ права.

Выше была рѣчь объ общественномъ мнѣніи и о вліяніи его на наши поступки. Этимъ не сказано, что возрѣнія и поведеніе свѣта должны всегда быть обязательны для насъ; напротивъ, есть случаи, когда добродѣтель повелѣваетъ намъ прорвать сѣть общественныхъ предразсудковъ, навязанныхъ намъ обществомъ, въ качествѣ кодекса нравственности и приличій, когда мы должны стараться сложить власть условныхъ понятій, узкаго конвенціонализма, которая часто держитъ въ рабствѣ нашу собственную мораль и сковываетъ наши нравственныя убѣжденія. Въ этомъ отношеніи Шекспиръ произнесъ свое вѣское слово, вложивъ въ уста Коріолану:

Если бы нами во всемъ руководилъ обычай,
То прахъ времянь лежалъ бы, истлѣвая.

Но такая борьба съ обществомъ должна быть облагорожена чистыми, чуждыми эгоизма мотивами, основанными на любви къ человѣчеству, если не къ человѣчеству современному, то къ человѣчеству будущаго. Даже если эта борьба ведется съ узкой сферѣ мелкихъ интересовъ, она должна быть одухотворена идеями высшаго порядка, составляющими звѣнья въ томъ могучемъ кольцѣ, которое охватываетъ все человѣчество. Каждый изъ насъ призванъ служить человѣчеству всѣми фибрами своего существа; только въ работѣ для всеобщаго лежитъ истинное величіе и глубочайшее благородство, и всякій, кто злоупотребляетъ общими интересами для своихъ узкихъ эгоистическихъ цѣлей, разрываетъ святотатственной рукой узы, связывавшіе его съ человѣчествомъ и съ высокими цѣлями послѣдняго:

„Кто живетъ лишь для себя, злоупотребляетъ
жизнью“. (Шекспиръ, „Венера и Адонисъ“).

Кто безкорыстно, побуждаемый высшими идеальными стремленіями, бросаетъ обществу перчатку въ лицо, тотъ герой. Но кто топчетъ ногами завѣты общества и стремится осушить чашу права для своихъ эгоистическихъ низкихъ цѣлей, тотъ является парією, отверженнымъ по своей собственной винѣ, такъ какъ онъ, поставивъ свои интересы выше чести и нравственности, самъ нарушилъ тѣ основы, безъ которыхъ цивилизованное общество не въ состояніи существовать.

Таково именно положеніе Шейлока. Каково должно быть отношеніе суда къ нему? Можетъ-ли судъ отмѣнить хоть одну іоту закона на томъ основаніи, что по народнымъ возрѣніямъ исполненіе этого закона является беспощаднымъ оскорбленіемъ общественнаго приличія и добрыхъ нравовъ? Конечно,

нѣтъ. Право должно оставаться правомъ, даже если отдельные личности и пользуются имъ для своихъ безнравственныхъ цѣлей. Законъ можетъ требовать отъ каждаго подчиненія своимъ постановленіямъ, но онъ никого не можетъ заставить быть добрымъ или добродѣтельнымъ. Всякое вмѣшательство гражданскаго права въ область морали — а попытки подобныхъ вмѣшательствъ нерѣдки — жестоко метитъ за себя. Такое смѣшеніе этихъ двухъ областей ведетъ прежде всего къ тому, что понятіе права постепенно улетучивается: примѣненіе закона подвергается испытанію и становится въ зависимость отъ разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ различныхъ случайныхъ вопросовъ — о томъ, не слѣдуетъ ли принять во вниманіе тѣ или другія соображенія морали и слѣдовать голосу состраданія, великодушія или тому подобныхъ побужденій, — а это въ свою очередь ведетъ къ тому, что самые законные интересы отдаются на поверхностный судъ измѣнчивой морали, и святилище внутренней жизни открывается любопытству государственно-полицейскаго ока. Между вполне понятнымъ благожелательнымъ пользованіемъ своими правами и корыстнымъ эксплуатированіемъ правовыхъ учрежденій существуетъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней, и стремленіе подвергать испытанію каждый разъ степень честности или благородства обвинителя было бы также мало осуществимо, какъ и губительно для правосудія. Но смѣшеніе права и морали — этихъ двухъ областей этической жизни, вызвало бы другой, еще болѣе серьезный вредъ, который выступаетъ всякій разъ, когда то, что должно быть предоставлено свободной этической инициативѣ каждаго, подпадаетъ регламентаціи со стороны государства и закона. Въ этихъ случаяхъ получается то печальное послѣдствіе, что внутренняя честность гаснетъ подъ давленіемъ условнаго внѣшняго благочестія, что самостоятельность

характера замѣняется пассивностью маріонетокъ, и люди превращаются въ жалкихъ лицемѣрныхъ ворчуновъ. Лишь на свободѣ могутъ взойти и уродиться сѣмена добродѣтели, и поэтому право, — это человѣческое учрежденіе, порожденное свободой, не должно посягать на жизнь своей собственной матери.

Мысль, что законъ не можетъ зависѣть отъ степени честности предъявляющаго искъ, выражена крючкотворомъ-обвинителемъ въ драмѣ Шекспира съ поразительной яркостью, но и съ вполне безпримѣрнымъ цинизмомъ:

«Вы спросите, зачѣмъ предпочитаю
Тремъ тысячамъ червонцевъ мяса фунтъ
Негоднаго? На это не желаю
Я отвѣчать. Положимъ, что скажу:
«Таковъ мой вкусъ!» Отвѣтъ-ли это будетъ?
Представьте вотъ, что крыса завелась.
Въ моемъ дому и не даетъ покоя,
И я тому, кто отравитъ ее,
Хочу отдать червонцевъ десять тысячъ.
Достаточно для васъ такой отвѣтъ?
Есть многіе, которые не любятъ
Смотрѣть на пасть раскрытую свиньи;

...
Какъ объяснить нельзя опредѣленно
Причинъ того, что одному свинья
Съ открытымъ ртомъ противна,

... Такъ точно не могу я
И не хочу представить вамъ другихъ
Причинъ, какъ то, что ненависть и злобу
Питаю я къ Антонію, что онъ
Противенъ мнѣ» ...

Эти слова представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ величайшую профанацію, которой когда либо подвергалось святилище права, болѣе дерзкую профанацію, чѣмъ всякія нарушенія зако-

новъ или крющкотворства: тутъ мы имѣемъ дѣло съ злоупотребленіемъ права посредствомъ права-же, злоупотребленіемъ, предъ которымъ законъ безсиленъ; тутъ право и судъ поправны и унижены, превращенные въ орудіе низкихъ стремленій.

Долженъ-ли былъ судъ санкціонировать требованіе Шейлока? По истинѣ трагическое положеніе. Трагизмъ заключается въ положеніи судьи, который видитъ себя орудіемъ въ рукахъ безсовѣтнаго мошенника, орудіемъ подлаго злодѣйства и не знаетъ, какъ выйти изъ этого положенія. Въ жизни почти каждаго судьи встрѣчаются моменты, созданные подобнымъ положеніемъ, моменты, когда у него душа разрывается при мысли, что съ его помощью совершается обезчещеніе самого святого, что онъ содѣйствуетъ превращенію божественной искры, принесенной Прометеемъ съ неба, въ пламя, которое должно превратить въ пепель сѣятилище правосудія. Чье сердце не обливадается кровью при видѣ ростовщика, который, воспользовавшись сначала добродушной слабостью или временнымъ затрудненіемъ должника, старается потомъ открыто, съ помощью суда, пустить по міру несчастнаго отца семейства? Или чье сердце не обливадается кровью при видѣ того, какъ какой-нибудь мстительный негодай, вродѣ Зембринскаго въ знаменитомъ романѣ Крашевскаго «Morituri», скупааетъ всѣ векселя должника, чтобы однимъ ударомъ уничтожить его существованіе и прогнать его съ его очага, тогда какъ должникъ безъ этого могъ-бы еще постепенными уплатами поправить свои дѣла?

Какъ часто въ подобномъ случаѣ судья, пересиливая свое негодованіе, прибѣгаетъ къ добродушнымъ увѣщаніямъ, ласковымъ словамъ, даже къ просьбамъ, чтобы только не играть по приказу злодѣя роли палача. Такая тяжелая минута трогательно изображена Шекспиромъ: двадцать торговыхъ людей,

сенаторы и самъ дожъ безуспѣшно уговариваютъ ростовщика. Серьезное, внушительное и полное достоинства обращеніе дожа, кончающееся словами: « Жидъ, добраго отвѣта ждемъ отъ тебя », которымъ дожъ старается смягчить ужасное положеніе, — остается тщетнымъ.

Этимъ трогательнымъ моментомъ драма поставлена на свою наибольшую высоту; драматическое напряженіе достигаетъ такой степени, что развязка становится необходимой. Зритель невольно спрашиваетъ себя, не можетъ ли судъ на одинъ только разъ уклониться отъ пути правосудія и лишить жестокосердаго обвинителя его законныхъ правъ? Не предпочесть ли одинъ только разъ совершенную справедливость исполненію ужаснаго условія? Эта мысль отвергнута Шекспиромъ съ чрезвычайно глубокой мотивировкой: если допустить одно нарушеніе закона, то за нимъ послѣдуютъ двадцать другихъ, еще худшихъ нарушеній; въ торговлѣ исчезнетъ кредитъ, государство потеряетъ свой престижъ, и повсюду проникнетъ беззаконіе и произволъ.

„Нѣтъ, такъ нельзя. Установленный законъ
Перемѣнить нельзя ни чьею властью
Въ Венеціи. Какъ происшедшій фактъ,
Запишется рѣшеніе такое,
И вторгнется затѣмъ не мало зла
Въ республику по этому примѣру.
Нѣтъ, такъ нельзя!“

Уже Senchus Mor, древнеирландскій судебникъ говорить:

There are three periods at which the world is worthless; the time of a plague; the time of a general war; the *dissolution of express contracts* *).

*) Существуетъ три эпохи, во время которыхъ жизнь теряетъ всякую цѣну: время природнаго бѣдствія, время всеобщей войны и время, когда заключенные договоры уничтожаются.

Судъ долженъ такимъ образомъ рѣшить не въ пользу Антоніо. Условіе должно быть признано дѣйствительнымъ; жестокий обвинитель, не знающій пощады, не признающій вышнихъ завѣтовъ, требуетъ исполненія закона *jusqu'à outrance*, со всѣми его крайними послѣдствіями—судъ остается только закрыть лицо, подобно Юнію Бруту, и пожертвовать Антоніо.

Каждому извѣстно рѣшеніе мудраго и справедливаго Даниїла, которое, подобно солнечному лучу, разсѣивающему ночную мглу, вноситъ свѣтъ въ мрачную драму Шейлока. Послѣ этого рѣшенія мы всѣ испытываемъ чувство облегченія, какъ будто освободились отъ власти дьявола, которому была продана наша душа. Но справедливо ли это рѣшеніе также съ точки зрѣнія права—съ точки зрѣнія не метафизической справедливости, а той реальной «земной справедливости, которая управляетъ людскими отношеніями»? Повидимому на это приходится дать отрицательный отвѣтъ.

Въ юриспруденціи считается ненарушимымъ правиломъ, что если одинъ предоставляетъ другому какое нибудь право то онъ ему этимъ самымъ разрѣшаетъ дѣлать все, что нужно для реализаціи этого права. Кому дано право черпать воду изъ колодца, тому разрѣшено и ходить по землѣ хозяина колодца. Жильцу, нанявшему квартиру, предоставлено уже тѣмъ самымъ право пользованія лѣстницами и входной дверью. Кому разрѣшено ходить по чужому участку земли, тому разрѣшено уже и дышать воздухомъ этого мѣста, или давить попадающихъ ему подъ ноги червячковъ и жучковъ. Рѣшеніе мудраго и справедливаго Даниїла находится въ противорѣчій съ этимъ принципомъ: ибо ясно, что кому разрѣшено вырѣзать мясо, тому разрѣшено и проливать кровь, если эта операція не можетъ быть совершена безъ пролитія крови. И если тотъ, кто имѣетъ право вырѣзать фунтъ мяса,

вырѣзываетъ не цѣлый фунтъ, а ограничивается только половиной, то противъ этого равнымъ образомъ ничего нельзя имѣть, такъ какъ кредиторъ можетъ по своей доброй волѣ отказаться отъ извѣстной части слѣдуемаго ему; даже небольшое превышеніе вѣса ему не можетъ быть поставлено въ вину, такъ какъ всѣ человѣческія операціи могутъ быть выполнены только съ приблизительной точностью, и незначительныя ошибки не должны быть приняты во вниманіе. Такими софизмами можно сдѣлать всякое право призрачнымъ: можно разрѣшить фабриканту устройство и эксплуатацію фабрики, а потомъ запретить ему пускать дымъ черезъ трубу; можно разрѣшить жильцу жить въ домѣ, а потомъ запретить ему внести свою мебель или даже запретить ему войти въ свою квартиру одѣтымъ. Точно также обыкновенную покупку мяса по вѣсу можно сдѣлать невозможной, такъ какъ ни у одного мясника не найдется абсолютно вѣрныхъ вѣсовъ, на которыхъ онъ могъ-бы свѣсить мясо безъ малѣйшей ошибки. Такихъ примѣровъ можно было-бы насчитать безчисленное множество. Такая уловка обращаетъ право въ его тѣнь, и поэтому нисколько не лучше явнаго правонарушенія. Объясненіе Pietscher'a, что противники Шейлока находились въ состояніи вынужденной обороны и что позволительно употреблять хитрость противъ хитрости, крючкотворство противъ крючкотворства и придирки противъ придирокъ,—тутъ совершенно не у мѣста. Правда, всякій долженъ защищаться противъ правонарушеній, и при вынужденной оборонѣ можно добиваться силой или хитростью того, чего нельзя достичь другими средствами. Но тутъ рѣчь идетъ не о вынужденной оборонѣ противъ правонарушенія, а о борьбѣ противъ безнравственнаго употребленія, сдѣланнаго изъ закона; поступку-же, который, при всей своей безнравственности, еще дер-

жится въ границахъ права, нельзя противопоставить незаконныя дѣйствія. Должникъ не вправѣ убивать кредитора или поддѣлать встречные векселя, если-бы даже кредиторъ и взыскивалъ свой долгъ самымъ жестокимъ образомъ, издѣваясь надъ всеми требованіями нравственности и общественныхъ приличій. И если даже допустить, что невозможно не относиться снисходительно къ должнику, который въ подобномъ положеніи сталъ бы чаще, чѣмъ это обыкновенно принято, прибѣгать къ уверткамъ и уловкамъ, то суду и мудрому, справедливому Даніилу все таки непристойно отклоняться отъ прямого пути правосудія на скользкій путь крючкотворства.

Все это говорить, повидимому, за то, что Іерингъ правъ, и послѣ паденія занавѣса въ нашей душѣ должно бы остаться чувство неудовлетворенной справедливости. Но если все это такъ, то чѣмъ объясняется, что, присутствуя при этомъ рѣшеніи, мы нисколько не испытываемъ боли отъ падающихъ на наше правовое чувство осколковъ разбитаго права? Если Іерингъ правъ, то на днѣ нашихъ ощущеній должна была бы остаться горечь, отравляющая чистое наслажденіе, и юристъ долженъ былъ бы чувствовать себя столь же мало удовлетвореннымъ, какъ моралистъ, въ виду противорѣчія, нарушающаго нравственную міровую гармонію, или какъ музыкантъ при диссонансѣ, врывающемся въ стройный міръ звуковъ. Если же наше внутреннее чувство показываетъ намъ, что рѣшеніе суда правильно, что оно правильно не только съ нашей современной точки зрѣнія, но также съ точки зрѣнія той эпохи, то слѣдовательно въ нашемъ изслѣдованіи чего-то не достаетъ, въ нашемъ логическомъ ходѣ мыслей вѣроятно упущенъ изъ виду какой-нибудь правовой факторъ. И это дѣйствительно такъ: упущенный нами факторъ—это правовое сознаніе судьи, живущій въ судѣ правовой инстинктъ, еще не

развившійся въ вполне ясное познание и скрывающійся по этому за призрачными доводами мудраго Даніила.

Развитіе права во время дѣйствія нашей драмы вступило уже въ новый фазисъ, при которомъ шейлоковскій договоръ противорѣчитъ уже не только нравственности и чувству благопристойности, но также и правовымъ воззрѣніямъ: этотъ договоръ представляется чувству судьи чѣмъ-то варварскимъ, стоящимъ внѣ цивилизованнаго права и не подлежащимъ его санкціи.

Совершившійся тутъ процессъ принадлежитъ къ жизненнымъ процессамъ права: принципы, принадлежащіе къ другимъ этическимъ областямъ, усваиваются правомъ и становятся его нераздѣльными частями. Право растетъ и развивается въ здоровой атмосферѣ этической жизни и всасываетъ жизненные соки изъ богатой сокровищницы нравственныхъ истинъ. Постановленіе морали, запрещающее въ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ наносить хитростью ущербъ кому-нибудь, существовало уже гораздо раньше, чѣмъ право обратило вниманіе на эту область, гораздо раньше, чѣмъ римскіе юристы установили *clausula bonae fidei* и *exceptio doli* и тѣмъ ввели это этическое постановленіе въ область права. Для насъ теперь представляется яснымъ и очевиднымъ, что вездѣ, гдѣ совершается обманъ, вездѣ, гдѣ кому-нибудь несправедливо нанесенъ ущербъ, законъ долженъ вступить за обманутаго; но было время, когда это вовсе не казалось очевиднымъ, когда такого рода обманъ казался, хотя безнравственнымъ, но не подлежащимъ вѣдѣнію права, недосягаемымъ для закона. Каждый знаетъ прекрасный разсказъ Цицерона о хитромъ сиракузскомъ купцѣ, обманувшемъ благороднаго римскаго гражданина Канія. Этотъ купецъ пригласилъ Канія въ свой садъ и устроилъ ему нѣчто вродѣ спектакля съ декорациями и статистами, подобно

знаменитымъ потемкинскимъ фееріямъ: множество рыбаковъ маневрировали въ лодкахъ передъ садомъ и поминутно вносили рыбу за рыбой, пока Каній не попался въ разставленные ему сѣти, купивши виллу съ садомъ за дорогую цѣну и заключивши соотвѣтственное условіе (вродѣ нашего векселя). На завтра римскій гражданинъ не нашелъ ни рыбаковъ, ни лодокъ, ни рыбы, и былъ, конечно, не мало разочарованъ, замѣтивши, какъ основательно его надули. Весь его гнѣвъ и досада не повели однако ни къ чему: законъ того времени не имѣлъ средствъ помочь ему; Каній былъ пойманъ въ сѣтяхъ права. Тогда еще не существовало знаменитаго закона Эквилія Галла противъ *dolus malus*, противъ обмана и ухищреній въ гражданскомъ оборотѣ. Этимъ закономъ — изданнымъ въ 688 г. города Рима — правовой жизни былъ данъ сильный спасительный толчекъ, и законодательство приобрѣло новый могучій рычагъ для дѣйствія. У всякаго, взирающаго въ вѣчномъ городѣ на развалины форума, грудь должна высоко подниматься при мысли о культурной благодати, распространенной съ этого мѣста по всему міру. Изданіе Эквиліева закона, завоевавшего судопроизводству новую позицію, представляетъ юридическій фактъ величайшей важности: Эквилію удалось фиксировать находившуюся въ воздухѣ идею и обратить ее въ неотъемлемую принадлежность права. Начиная съ этого момента, принципъ довѣрія проникаетъ постепенно во всѣ поры римскаго права и становится его главнымъ украшеніемъ, его постояннымъ преимуществомъ предъ законодательствами другихъ странъ, ибо нигдѣ процессъ поглощенія этой этической идеи правовой жизнью не совершился въ такомъ размѣрѣ и съ такой энергіей, какъ въ Римѣ.

Этотъ самый процессъ поглощенія мы можемъ прослѣдить и въ области авторскихъ правъ. Какъ мы уже выше за-

мѣтили, самоукрашеніе чужими перьями, хищеніе и эксплуатированіе въ свою пользу чужой работы мысли, съ давнихъ поръ считалось дѣломъ очень некрасивымъ и непристойнымъ; перепечатываніе чужихъ сочиненій осуждалось общественной совѣстью прежде, чѣмъ возникло сознаніе, что контрафакція не только безнравственна, но и незаконна. Когда Лютеръ въ 1525 году писалъ, что плагиаторъ воръ и ничѣмъ не лучше разбойника большой дороги, то самый важный шагъ уже былъ совершенъ: право авторской собственности, еще непризнанное законодательствомъ, вошло однако уже въ правовое сознаніе лучшихъ людей и нашло себѣ отголосокъ въ общественномъ чувствѣ законности. Долгое время считалось жестокимъ и безнравственнымъ со стороны кредитора, если онъ, отбирая имущество должника, не оставлялъ ему предметовъ первой необходимости для жизни; позже эта этическая мысль проникла и въ законодательство и вызвала постановленіе, запрещающее кредитору отбирать у должника предметы, необходимые для насущныхъ жизненныхъ потребностей. Этотъ ростъ, это развитіе права не должны быть поняты такимъ образомъ, что право непосредственно и просто выхватываетъ постановленія морали и превращаетъ ихъ въ обязательные законы — мы уже раньше показали, насколько можетъ быть вреденъ подобный синкретизмъ. Тутъ рѣчь идетъ объ органическомъ поглощеніи и усвоеніи отдѣльныхъ этическихъ элементовъ, о самостоятельной органической переработкѣ этического матеріала въ составныя части праваго организма — совершенно также, какъ растительные и животные организмы воспринимаютъ извнѣ матеріалъ, который они перерабатываютъ, органически превращаютъ въ составныя части своего существа.

Этотъ процессъ совершается не по приказанію извнѣ, а дѣйствіемъ духовныхъ силъ, управляющихъ исторіей человѣ-

чества. Правда, на законодательствѣ, собственно говоря, лежитъ обязанность наблюдать постоянно за пульсомъ народнаго инстинкта и вносить, какъ только общественное правовое сознание достигаетъ нужной степени насыщенія, твердымъ грифелемъ закона новое постановленіе въ книгу права. Но такая задача не по силамъ какому бы то ни было законодательству: вліяніе самыхъ разнообразныхъ вѣшнихъ и внутреннихъ причинъ не позволяетъ законодательству слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ правовыхъ идей. Но что не подь силу законодательству, то исполняется судомъ, правда безсознательно и часто незамѣтно для самого суда, но тѣмъ не менѣе непрерывно исполняется. Ибо никакое судопроизводство, будь оно самымъ ученымъ и абстрактнымъ въ мірѣ, не въ состояніи вполне изолировать себя отъ праваго сознания народа, такъ какъ оно не можетъ выйти изъ той духовной атмосферы, изъ которой право, подобно новому Антею, ежедневно черпаетъ новую силу и крѣпость. Это правовое чувство народа безсознательно для судьи проникаетъ въ его операциіи и направляетъ съ непреодолимой силой его приговоръ въ известную сторону; судья тогда довольствуется самыми плохими доводами, которые сами по себѣ никого убѣдить не могутъ, его обоснованіе приговора служитъ ему только палліативнымъ средствомъ къ приданію надлежащаго юридическаго рельефа живущему въ немъ свѣтлому сознанию, о которомъ онъ еще не имѣетъ яснаго представленія. Когда это сознание у судьи настолько сильно, что ему кажется невозможнымъ дать рѣшеніе, добытое логической дедукціей, то онъ хватается за каждую соломинку, за каждый кажущійся доводъ, лишь бы какънибудь мотивировать свое рѣшеніе и не казаться для окружающихъ плохимъ юристомъ, поддающимся вліянію чувства. Насколько могущественно вліяніе юриспруденціи, руководимой правовымъ

сознаніемъ, на ходъ исторіи культуры, показываютъ преторіанское право въ Римѣ или суды шеффеновъ въ средніе вѣка. Это вліяніе доказывается также правосудіемъ нашихъ дней, (въ меньшей степени — нѣмецкимъ, которому и теперь еще не мѣшало-бы отбросить значительную долю формальнаго педантизма), но главнымъ образомъ французскимъ и англійскимъ судопроизводствомъ. Но лучшимъ доказательствомъ указаннаго вліянія служить насквозь проникнутое духомъ современности торговое право: въ этой области возникли и развились на практикѣ многочисленныя правовыя учрежденія безъ содѣйствія закона.

Это-то проникающее душу правовое сознание повліяло на рѣшеніе мудраго Даниіла. Его время дошло уже до инстинктивнаго сознания, что шейлокское условіе не должно быть приведено въ исполненіе, но соответствующее идейное выраженіе этого сознания еще не было найдено. Это могучее душевное движеніе еще не было разложено на свои идейные элементы и не находило опоры въ твердыхъ посылакахъ. Такъ, иногда нами овладѣваетъ известное эстетическое убѣжденіе, и мы не въ состояніи найти ни объясненія, ни научно-эстетическаго выраженія этого впечатлѣнія.

Теперь ясно, почему мудрый Даниілъ такъ плохо мотивировалъ свое рѣшеніе. Онъ произнесъ хорошій приговоръ, но плохо обоснованный; такой приговоръ слѣдуетъ предпочесть плохому приговору, но хорошо обоснованному: пусть у насъ будутъ хорошія рѣшенія, — хорошія мотивировки уже послѣ найдутся. Всегда и вездѣ ходъ вещей совершился въ такомъ порядкѣ послѣдовательности. Когда права изобрѣтателей и авторовъ еще не были юридически конструированы, вездѣ говорилось уже о духовной *собственности*, и во Франціи и въ Англии еще въ наше время слово «собственность» употребляютъ по

отношенію къ именамъ, маркамъ и торговымъ знакамъ. Нетрудно доказать юридическую несостоятельность этого понятія, но было-ли правильно со стороны нѣмецкаго педантизма выбросить за бортъ драгоценныя блага изъ-за того, что они были заключены въ ненадлежащія рамки? Слѣдовало-ли вылить содержимое изъ за того, что сосудъ былъ некрасивъ и оскорблялъ взоръ юриста? Неправильные мотивы служили часто, хотя конечно не всегда, лѣстницей, по которой поднималось правовое сознаніе.

Къ подобнымъ невѣрнымъ мотивамъ судья въ особенности часто прибѣгаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему становится поперекъ дороги какой нибудь оцѣпенѣвшій законъ, оставшійся отъ старыхъ временъ и, въ качествѣ развалины старыхъ порядковъ, совершенно не отвѣчающій духу нашего времени. Открыто преступить подобный законъ не рѣшится ни одно законодательство, но вездѣ въ такомъ случаѣ наблюдается одно и тоже зрѣлище: юристы тысячею окольных путей стараются обойти несвоевременное постановленіе. Мы не станемъ здѣсь разбирать вопросъ о правильности такого образа дѣйствія, не имѣемъ тутъ въ виду ни хвалить, ни порицать его, а констатируемъ только эволюціонный, всемірно-историческій фактъ, встрѣчающійся въ развитіи права всѣхъ временъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. Въ Индіи древніе судебники считаются святыми и неизмѣнными, и никто не осмѣлится поступать вопреки ихъ указаніямъ; тѣмъ не менѣе индійскимъ юристамъ и въ голову не приходитъ примѣнять въ жизни это безчисленное множество законовъ, образующихъ рѣзкій контрастъ съ современной культурной и правовой жизнью. Чтобы освободиться отъ этого бремени, предназначеннаго вѣчно тяготѣть надъ индійскимъ правомъ, юристы прибѣгаютъ къ «толкованію» законовъ. Въ этомъ искусствѣ индійскіе

юристы достигли по истинѣ гениальной виртуозности: подъ ихъ руками интерпретируемый законъ въ самое короткое время превращается въ другой законъ, съ совершенно противоположнымъ содержаніемъ, постановляющимъ не то, что онъ дѣйствительно постановляетъ, а то, что данному времени соответствуетъ. Какъ иначе могъ бы великій индійскій юристъ Jîmûta Vâhana написать свое знаменитое уложеніе, произведшее полнѣйшій переворотъ во многихъ областяхъ права, если-бы онъ не пользовался постоянно спеціально-индійскимъ искусствомъ толкованія. Совершенно аналогичное явленіе повторилось и въ Германіи въ эпоху, когда *Cornus juris* считался имперскимъ и всемірнымъ правомъ, пригоднымъ для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, каждому слову котораго нужно неуклонно слѣдовать. Но *Cornus juris* въ многихъ пунктахъ совершенно негоденъ для нѣмецкихъ отношеній: онъ рассчитанъ на другую культурную эпоху, на совершенно другихъ людей, и намъ также невозможно руководствоваться во всемъ *Cornus juris*, какъ эскимосу трудно жить исключительно пищею южанъ, фидами и финиками. Юристы того времени обладали достаточно практическимъ взглядомъ, что бы видѣть это несоответствіе; они глядѣли не только въ свои книги, но и осматривались вокругъ себя въ практической жизни; и такъ какъ имъ казалось невозможнымъ, что бы такое совершенство, какъ римское право, могло не гармонировать съ практическою жизнью, то они пускались въ самыя странныя толкованія, которыми они спасали букву, жертвуя содержаніемъ. *Cornus juris* долженъ былъ терпѣливо переносить коверканія и истязанія, которымъ подвергался его текстъ. Неподходящіе для новаго времени законы до тѣхъ поръ подкапывались этими толкованіями, пока позднѣйшіе юристы могли сказать, что эти законы уже уничтожены практикой.

Поэтъ рисуетъ намъ въ своей драмѣ великій всемірно-историческій процессъ: побѣду очищеннаго правосознанія надъ мракомъ, окутывавшимъ дѣйствовавшее законодательство и правосудіе, побѣду, скрывающуюся за призрачными доводами, выступающую подъ маской фальшивой мотивировки, но не теряющую отъ этого ни своей грандіозности, ни своей значительности. Это не побѣда одного процесса, это побѣда исторіи права вообще. Солнце прогресса, послѣ долгаго времени, снова бросаетъ свои согрѣвающие лучи въ храмъ правосудія, и царство Зарастра торжествуетъ надъ силами тьмы. И когда послѣ суда Шейлока оставляютъ силы, онъ падаетъ не подъ бременемъ ложнаго рѣшенія суда, какъ это думаетъ Іерингъ, онъ падаетъ потому, что голосъ мудраго и справедливаго Данила нанесъ ударъ больному мѣсту въ сердцѣ ростовщика, что онъ затронулъ въ немъ то человѣческое, которое не можетъ быть совершенно чуждо ему, какъ челоуѣку, и этимъ разрушилъ все зданіе его хитро-сплѣтенной аргументаціи. Если бы Шейлокъ чувствовалъ себя уязвленнымъ въ своихъ правахъ, то почему онъ не старался обнаружить своимъ острымъ развѣдающимъ умомъ всю ложность доводовъ мудраго Данила? Вѣдь это и мы въ состояніи сдѣлать, а мы далеко не обладаемъ такою виртуозною ловкостью въ искусствѣ формальнаго толкованія права, какимъ обладалъ Шейлокъ.

Онъ внутренно сознаетъ, насколько несправедливы его стремленія, но онъ считаетъ ихъ обезпеченными современнымъ ему законодательствомъ. Онъ знаетъ, что нѣтъ логически-юридической возможности избѣжать его аргументацій, но онъ знаетъ также, что онъ подвигается на скользкой почвѣ, гдѣ правда и неправда подаютъ одна другой руки и гдѣ малѣйшее колебаніе можетъ привести его къ паденію. Онъ чувствуетъ, что судья воспользуется какой нибудь юридической формальностью,

чтобы способствовать побѣдѣ живаго права, — и его предчувствіе сбылось! Не сознаніе оскорбленнаго права ошеломляетъ Шейлока, — его приводитъ въ оцѣпенѣніе медузина голова права.

Шейлока нельзя поэтому считать борцомъ за право; если онъ фактически и борется за право, то его можно назвать борцомъ, развѣ въ отрицательномъ смыслѣ — въ томъ смыслѣ, что, обнаруживая своими стремленіями всю несостоятельность формальнаго судопроизводства его времени, онъ тѣмъ самымъ содѣйствуетъ прогрессу права. Въ исторіи развитія права часто наблюдаются подобныя явленія: иногда какой нибудь устарѣвшій законъ номинально еще долго остается въ силѣ и не отмѣняется потому, что всѣ убѣжденные въ его непримѣнимости, молча, соглашались такъ или иначе обходить его, — пока не явится какой нибудь Шейлокъ, который своимъ грубымъ прикосновеніемъ къ больному мѣсту не обнаружитъ настоятельную потребность радикальнаго лѣченія. Такъ, въ Англіи впродолженіе столѣтій существовалъ въ уголовныхъ дѣлахъ очень странный порядокъ судопроизводства: частный обвинитель присылалъ обвиняемому вызовъ на поединокъ, обвиняемый могъ принять этотъ вызовъ, или-же могъ отказаться, сославшись на судъ. Въ теченіе долгаго времени никому въ голову не приходило отнестись къ этой формальности, какъ къ дѣйствительному вызову, всякій считалъ это формальнымъ предупрежденіемъ наступающаго судебного слѣдствія. Но вотъ одинъ упрямый сынъ Альбіона отнесся серьезно къ этой церемоніи и пожелалъ во что-бы то ни стало драться со своимъ обвинителемъ. Слѣдствіемъ этого было то, что законодательство видѣло себя вынужденнымъ отмѣнить въ 1819 г. окончательно эту формальность прежняго порядка судопроизводства.

И у насъ потребность въ законахъ противъ ростовщичества не такъ живо чувствовалась бы, если-бы отдѣльные

случаи своей выходящей из ряда вонъ несправедливостью не обратили на себя всеобщаго вниманія. Въ мировыхъ процессахъ вліяютъ положительные и отрицательные дѣятели, и зло такой-же важный факторъ мирового развитія, какъ и добро.

Обиліе юридическихъ идей разсыпано поэтомъ по всему его произведенію. По истинѣ приходится изумляться этой почти сверхчеловѣческой интуитивной силѣ познания поэта, которая еще болѣе бросается въ глаза, когда мы узнаемъ о юридической бѣдности источниковъ, служившихъ Шекспиру. Сказкой о закладѣ куска мяса занимались, какъ извѣстно, очень многіе: такъ, мы ее находимъ у Джіованни Фіорентино, въ *Gesta Romanorum* и въ другихъ обработкахъ. По всей вѣроятности эта сказка, подобно многимъ другимъ, — восточнаго происхожденія. Индійскій сказочный міръ, изъ котораго, какъ кажется, взятъ и мотивъ нашей сказки, содержитъ множество судебныхъ рѣшеній подобнаго-же сказочнаго характера. Въ этихъ сказкахъ все рассчитано на неожиданность, эффектъ и остроуміе рѣшенія, юридическая же сторона оставлена безъ вниманія. Такъ напр. мы находимъ тамъ слѣдующія интересныя рѣшенія: Нѣкто, споткнувшись, падаетъ и при паденіи наступаетъ на ребенка и придавливаетъ его до смерти; на жалобу матери судъ постановляетъ, что виновный обязанъ въ наказаніе дать матери естественнымъ путемъ возможность родить другое дитя. Или нѣкто бросается съ цѣлью самоубійства съ обрыва, падаетъ на стоящаго внизу старика и убиваетъ его; по жалобѣ сына постановляется рѣшеніе суда, по которому виновный обязанъ стать подъ обрывомъ въ такое положеніе, въ которомъ находился убитый, и обвинителю дается право прыгнуть сверху и задавить его: понятно, что обвинитель легко отказывается отъ права про-

изводить подобные эксперименты. Или нѣкто зажимаетъ лошаадь, и такъ какъ у него нѣтъ упряжи, то онъ привязываетъ телѣгу къ хвосту лошади; при подъемѣ хвостъ отрывается; владѣлецъ лошади подаетъ жалобу въ судъ, который присуждаетъ виновнаго держать у себя лошаадь до тѣхъ поръ, пока у нея не выростетъ хвостъ. Или еще примѣръ: нѣкто считается мертвымъ, смерть его засвидѣтельствована двумя свидѣтелями, и его вдова снова выходитъ замужъ. Спустя шесть лѣтъ, является мнимый мертвецъ и требуетъ свою жену; рѣшеніе суда гласитъ: такъ какъ его смерть доказана двумя свидѣтелями, то онъ, хотя и притворяется живымъ, конечно мертвъ, и — его слѣдуетъ немедленно похоронить.

Въ числѣ подобныхъ сказокъ слѣдуетъ искать источникъ великаго творенія Шекспира. Въ ребяческомъ преданіи онъ съумѣлъ отыскать глубокой смыслъ и изъ простой сказки онъ создалъ художественную сцену суда, превосходящую все, что когда либо было написано.

Нужно-ли еще указывать на чудную драматическую жизнь, которою проникнута вся сцена, на постоянно растущее напряженіе борющихся элементовъ, на замѣчательное искусство, съ которымъ исчерпаны всѣ здоровые душевные мотивы, на чисто шекспировскую силу и характерность языка, два противоположныхъ полюса котораго представлены въ рѣчахъ Шейлока и Порціи. Погруженный въ тихую печаль Антоніо, мужественный Бассаніо, веселый Граціано — каждый говоритъ вполне характеризующимъ его языкомъ.

Но насъ, юристовъ, нелегко удовлетворить, и одинъ пунктъ приговора можетъ легко вызвать разные сомнѣнія. Не слѣдуетъ ли видѣть несправедливость въ томъ, что Шейлоку не только отказано въ его мнимыхъ правахъ, но онъ под-

вергается по приговору даже наказанію, которое должно разрушить все его существованіе. Если Шейлокъ и добивался смерти Антоніо, то онъ добивался ея путемъ правосудія, онъ добивался соотвѣтственнаго судебного приговора, онъ ссылался на законъ, формально не отмѣненный и оставшійся еще въ силѣ, хотя его уже опередило правовое сознаніе. Если уголовный судъ могъ обвинить Шейлока въ покушеніи на убійство, то съ такимъ-же правомъ кредиторъ, который предлагалъ-бы арестовать должника, послѣ того какъ заключеніе за долги уже отмѣнено, или, вѣрнѣе, считается отмѣненнымъ по мнѣнію большинства юристовъ, могъ-бы также быть обвиненъ въ покушеніи на лишеніе свободы. И дѣйствительно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ несправедливостью. Но необходимость этой несправедливости доказана ходомъ всемірно-историческаго развитія, и, принимая этотъ элементъ въ свою драму, Шекспиръ въ качествѣ историка права превзошелъ самъ себя. Ни одинъ прогрессъ въ мірѣ—и также прогрессъ права—не совершился безъ индивидуальной несправедливости; всѣ великіе шаги челоуѣчества совершаются черезъ трупы—точно также какъ всякая наша прогулка для пользы здововья или удовольствія приносятъ смерть множеству невинныхъ насѣкомыхъ или червячковъ. Наказаніе Шейлока является необходимостью—для того, чтобы вѣнчать побѣду, одержанную новой идеею, при ея вступленіи въ правовую жизнь. Этотъ процессъ долженъ былъ служить устрашающимъ примѣромъ для какого нибудь будущаго Шейлока, который рѣшился бы налагать взысканіе за долги на челоуѣческое мясо и своими ростовщическими продѣлками подкапываться подъ чье-либо существованіе, рассчитывая, что въ худшемъ случаѣ онъ ничего не потеряетъ, а при измѣнчивости судебныхъ воззрѣній можетъ добиться успѣха. Отнынѣ кто станетъ собирать лохмотья стараго права, чтобы съ ихъ

помощью вредить своему ближнему, — тотъ играетъ своей жизнью! Это нужно было запечатлѣть въ памяти у всѣхъ и на всѣ времена, и для начала долженъ былъ служить хорошимъ примѣромъ типичный шакаль: ножъ, занесенный Шейлокомъ надъ Антоніо, не только выпадаетъ изъ его рукъ, но и падаетъ на его собственную голову; ему досталось больше права, чѣмъ онъ того желалъ.

Но и драматическій планъ пьесы настоятельно требуетъ, чтобы надъ Шейлокомъ разразилась разрушительная гроза. Подобно тому, какъ трагическій герой, долго съ нечелоуѣческой силой борющийся противъ судьбы, въ концѣ концовъ необходимо долженъ пасть въ этой борьбѣ, такъ какъ силы одного челоуѣка ограничены, и продолженіе борьбы должно быть оставлено героямъ слѣдующихъ поколѣній—такъ и Шейлокъ, этотъ хищный звѣрь, бросившій вызовъ всему, что имѣлось въ обществѣ святого и высокаго, долженъ быть раздавленъ свѣтлыми силами судьбы. Это даетъ намъ яркое, утѣшительное зрѣлище того, какъ пробуждающаяся цивилизація выметаетъ оставшіеся въ обществѣ темные элементы, какъ соляпе, прикрытое на время облаками, въ концѣ концовъ побѣдоносно разливаетъ надъ обществомъ свои жизненные лучи. А что Шейлокъ, стараясь ввергнуть Антоніо въ погибель, тѣмъ самымъ усердно роетъ себѣ могилу, и что послѣ кажущейся удачи, положеніе дѣлъ внезапно предстаетъ предъ нимъ въ настоящемъ свѣтѣ — въ этомъ заключается юморъ пьесы, это заставляетъ насъ вмѣстѣ съ Граціано отъ души смѣяться надъ жалкой обезвреженной гадinou, въ особенности когда помилованіемъ дожа главное бѣдствіе, которое должно бы разразиться надъ головой Шейлока, отвращено. Это примирительное заключеніе представляетъ прекрасный переходъ къ

чудному пятому дѣйствию, проникнутому волшебной поэзію, къ этой несравненной сценѣ въ лунную ночь:

... Въ такую ночь, какъ эта
 Когда зефиръ деревья цѣловаль,
 Не шелестя зеленою листвою—
 Въ такую ночь, я думаю, Троицъ
 Со вздохами всходилъ на стѣны Трои
 И улеталъ тоскующей душой
 Въ станъ греческій, гдѣ милая Крессиде
 Покоилась въ ту ночь.

Здѣсь однако кончается область юриспруденціи и только въ концѣ, въ вопросныхъ пунктахъ, въ *interrogatories* встрѣчаются юридическіе намеки, вспыхиваютъ отблески страшной юридической грозы, только что пронесшейся надъ головами дѣйствующихъ лицъ.

Въ извѣстномъ смыслѣ съ шекспировской драмой можетъ быть сопоставлено высшее и величайшее твореніе нѣмецкой поэзіи—мы говоримъ, конечно, о Фаустѣ. И здѣсь герой заключаетъ договоръ, которымъ онъ передаетъ себя въ руки злодѣя, и притомъ злодѣя *ex professo*, самого сатаны; и здѣсь сатана въ концѣ концовъ теряетъ игру, съ той только разницей, что здѣсь процессъ пересаженъ съ всемірно-исторической области въ метафизическую, внѣ-историческую.

Договоръ съ дьяволомъ закрѣпленъ здѣсь кровавой подписью, и Фаустъ вдобавокъ еще увѣряетъ:

„Nur Keine Furcht, dass ich dies Bündniss breche.“

Соотвѣтственно этому, всѣ старыя преданія, и даже еще *Marlowe*, отправляютъ Фауста во всей формѣ къ дьяволу. У Гете однако дьяволъ кончаетъ плохо. Когда дѣло доходитъ до исполненія условія, дьяволу становится тоскливо на душѣ.

„Doch leider hat man jetzt so viele Mittel,
 Dem Teufel Seelen zu entziehn.

Auf altem Wege stösst man an,
 Auf neuem sind wir nicht empfohlen

— — — — —
 Uns geht's in allen Dingen schlecht!
 Herkömmliche Gewohnheit, altes Recht,
 Man kann auf gar nichts mehr vertrauen“.

Несмотря на всѣ старанія Мефистофеля, на всѣ подстереганія, душа Фауста все таки ускользаетъ отъ него, толпы дьявола разсѣваются розами изъ рукъ святыхъ покаянницъ, и самъ архидьяволъ отвлекается на старости лѣтъ отъ своей цѣли ликомъ херувимовъ.

Die hohe Seele, die sich mir verpfändet,
 Die haben sie mir pfiffig weggepascht.
 Bei wem soll ich mich nun beklagen?
 Wer schafft mir mein erworbnes Recht?

Дьяволъ знаетъ, что ему никто не поможетъ: старыя времена прошли. Наивныя воззрѣнія прежнихъ дней могли допустить закладъ души, но очищенная нравственность уже не признаетъ эти договоры дѣйствительными. Мы всѣ пронибнуты убѣжденіемъ, что и самому нечестивому злодѣю не закрыть путь къ примиренію со свѣтлыми силами, что всепрощающая любовь не отталкиваетъ и величайшаго грѣшника, если онъ снова обращается къ свѣту и къ спасенію.

„Wer immer strebend sich bemüht
 Den können wir erlösen“.

Поэтому дьявольскій договоръ не имѣетъ никакой силы ¹⁾:

¹⁾ Интересно въ этомъ отношеніи одно мѣсто изъ старой книги о Фаустѣ, гдѣ одинъ монахъ старается обратить Фауста на путь спасенія (*Simrock*, *Volksbücher* IV, стр. 86). Фаустъ отвѣчаетъ между прочимъ монаху: «Я уже слишкомъ далеко зашелъ, я собственной кровью записалъ дьяволу, что мое тѣло и моя

дьяволъ долженъ проиграть. А что у дьявола его добыча вырывается не окольными путями, а непосредственно и открыто; — это знаменіе времени, всемірно-историческій процессъ, перенесенный въ область метафизическаго. Ибо по гениальному изложенію Гете у дьявола имѣется тоже своя

душа ему принадлежать навѣки: какъ-же мнѣ теперь отступить, какъ мнѣ можно помочь? Монахъ объясняетъ, что если онъ прилежно будетъ взывать къ божественному милосердію, то онъ еще можетъ помочь себѣ постомъ и искреннимъ раскаяніемъ. На это Фаустъ между прочимъ возражаетъ: «Къ тому-же было-бы нечестно и постыдно для меня, если-бы я сталъ поступать противъ записи, которую я закрѣпилъ собственнѣй кровью. Дьяволъ вѣдъ сдержалъ все, что онъ обѣщаль, я тоже хочу исполнить и свои обязательства». Когда монахъ услышалъ эти слова, онъ вскипѣлъ гнѣвомъ и закричалъ: «Такъ убирайся-же ты, проклятое порожденіе дьявола, если ты не хочешь дать себѣ помочь и самъ желаешь своей гибели!» Въ Фаустѣ Marlowe'a герой послѣ заключеннаго договора взываетъ къ Спасителю за помощью. На это ему говорятъ:

Вельзесулъ: Мы пришли сказать тебѣ, что ты святотатствуешь.

Люциферъ: Ты взываешь къ Христу противъ контракта!

Дѣйствительно, юриспруденція того времени самымъ серьезнымъ образомъ поставила вопросъ, имѣеть-ли дьяволъ право жаловаться на неисполненіе заключеннаго съ нимъ договора, и рѣшила этотъ вопросъ утвердительно, обосновавъ это рѣшеніе самымъ милымъ образомъ мѣстами изъ Corpus juris: рѣшили, что тутъ имѣютъ дѣло съ actio praescriptis verbis, которая можетъ быть направлена дьяволомъ противъ человѣка, но не наоборотъ (см. Rhamm Hexenglaube und Hexenprocesse, стр. 11). Шекспиръ шутя пользуется этимъ элементомъ въ своихъ чудныхъ фальстафовскихъ сценахъ:

Поймсъ: Скажи-ка, Гансъ, какъ вы покончили съ дьяволомъ относительно твоей души, которую ты ему продалъ въ послѣднюю страстную пятницу за рюмку мадеры и кусокъ каплуна?

Принцъ Гейнрихъ. Серъ Джонъ держитъ свое слово, дьяволъ можетъ быть доволенъ сдѣлкой; серъ Джонъ никогда еще не преступалъ своего слова: онъ даетъ дьяволу дьявола.

Поймсъ: Такъ ты осужденъ на вѣки за то, что держишь дьяволу слово.

Принцъ Гейнрихъ. Не то онъ былъ-бы осужденъ за то, что онъ обманулъ дьявола. (Гейнрихъ IV ч. I).

исторія и дьяволъ тоже жалуется, что добрыя старыя времена прошли. Развитіе человѣческихъ понятій о дьяволѣ гениальнымъ образомъ въ Фаустѣ приурочено къ самому дьяволу и превращено въ его исторію.

Мы съ восторгомъ привѣтствуемъ паденіе дьявола, потерявшаго свою игру, несмотря на договоръ, закрѣпленный кровавой подписью, и съ такимъ же восторгомъ мы внимаемъ радостному извѣстію, что договоръ Шейлока изорванъ обновленнымъ правомъ въ куски. И когда трясушійся, согбенный Шейлокъ удаляется невѣрными шагами, мы знаемъ, что право обнаружилъ свой полный блескъ и что духи тьмы, летавшіе до сихъ поръ вокругъ слабаго свѣта, окончательно попрятались въ свои норы. Побѣда надъ Шейлокомъ—высшее выраженіе человѣческаго права, какъ побѣда надъ дьяволомъ есть высшее выраженіе божественнаго права: дьяволъ остается темной силой, даже если онъ и является предъ судомъ съ бумагой и кровью, Шейлокъ остается врагомъ права, даже если онъ выступаетъ, вооруженный формальнымъ договоромъ и печатью. И жалѣть Шейлока изъ-за того, что фунтъ человѣческаго мяса не попалъ подъ ножъ этого палача, столь-же несправедливо, какъ если-бы мы стали соболѣзновать дьяволу, когда изъ его когтей ускользаетъ высокая душа блуждающей «раздвоенной натуры», вступающая въ то царство свѣта, гдѣ все брѣнное есть только слабое «подобіе», мимолетный рефлексъ одного вѣчнаго и безконечнаго.

II.

ГАМЛЕТЪ.

Драма кровавой мести.

Съ невольнымъ страхомъ приступаемъ мы къ юридическому разсмотрѣнію величайшаго творенія, которое когда либо создавали человѣческое глубокомысліе и фантазія поэта. Мы приступаемъ къ изученію творенія, которое исчерпать вполнѣ не въ силахъ даже самый мудрый человѣкъ, къ которому даже такой мыслитель, какъ Гете, по его же словамъ, только рискнулъ прикоснуться. Твореніе это—Гамлетъ. Въ немъ геній поэта забросилъ якорь мысли въ такую глубину, въ которую никто до него и послѣ него не въ состояніи былъ проникнуть, и почти съ нечеловѣческой силою дерзнулъ раздвинуть границы нашего міра и приподнять завѣсу, отдѣляющую насъ отъ иныхъ міровъ. Чувства, испытываемыя нами по прочтеніи Гамлета, удивительно схожи съ тѣми, которыя испыталъ Конфуцій, когда онъ узрѣлъ великаго мыслителя Лаотзе и цѣлый день, затѣмъ, смотрѣлъ вдаль, не произнося ни слова отъ удивленія. Конфуцій передаетъ свои ощущенія такъ: «я знаю какъ летаютъ птицы, какъ плаваютъ рыбы, какъ бѣгаетъ дикій звѣрь; бѣгающихъ животныхъ можно поймать въ сѣти и капканы, рыбъ можно захватить неводомъ, въ птицъ можно стрѣлять изъ лука, но я не знаю, какъ мнѣ изловить дракона: то онъ мчится по вѣтру, то онъ взносится

къ небу.. Сегодня я видѣлъ Лаотзе, и это для меня тотъ-же драконъ».

Обыкновенно въ Гамлетѣ видятъ героя бездѣйствія, который на крыльяхъ своего духа достигаетъ высшихъ областей мысли, но при этомъ всегда удаляется отъ земной цѣли, имъ себѣ намѣченной; вслѣдствіе этого онъ никогда не въ состояніи въ надлежащій моментъ приступить къ требуемому обстоятельствомъ реальному дѣйствованію, а гдѣ приступаетъ къ нему, тамъ оно вызываетъ у него психическія эмоціи, рефлексъ, первое возбужденіе,—задерживающіе и уничтожающіе всю энергію его воли. Въ литературѣ Гамлетъ фигурируетъ, какъ человѣкъ, у котораго сила рефлекса вполнѣ поглощаетъ способности воли и въ которомъ эволюція рѣшимости подавляется вѣчно прибывающими новыми психическими элементами. То самое мышленіе, которое возноситъ Гамлета въ такую высь, служить для него и пунктомъ его паденія.

Но можетъ быть бездѣйствіе Гамлета проистекаетъ отъ другихъ причинъ и безсиліе воли бѣднаго принца имѣетъ подъ собою нравственную основу? Можетъ быть его бездѣйствіе вызывается и объясняется нравственной высотой и чистотой его существа, не желающаго себя загрязнить реальнымъ дѣломъ? Можетъ быть на Гамлетѣ, на его примѣрѣ подтверждается макиавелистическая теорія, по которой настоящій человѣкъ дѣла для успѣха дѣла долженъ умѣть въ извѣстныхъ случаяхъ жизни отстранять отъ себя всякія нравственныя и правовыя соображенія и своимъ здоровымъ кулакомъ уничтожить зданіе всѣхъ этическихъ сомнѣній!

Около этихъ вопросовъ группируется другое направленіе среди изслѣдователей Гамлета. Если прежніе изслѣдователи, какъ Шлегель, Гервинусъ, Геблеръ, Шторффришъ, Вишеръ, Везе, усматривали нравственную несостоятельность Гамлета въ томъ

фактъ, что онъ немедленно, вслѣдъ за сдѣланнымъ имъ ужаснымъ открытіемъ, не сталъ мстить и не обмылъ свой мечъ въ крови коронованнаго плута, то представители другого направленія, къ которымъ принадлежатъ Ульрици, Либау, Гертъ и др., изображаютъ Гамлета, какъ носителя высшей нравственной идеи — идеи, выраженной въ словахъ нашего Спасителя: «Мнѣ отомщеніе и азъ воздамъ!»

Мы не вполне раздѣляемъ заключенія представителей этого направленія, но думаемъ, что ихъ основная точка зрѣнія внесла много новаго и устойчиваго въ великій вопросъ, о «гамлетизмѣ» и тѣмъ самымъ способствовала выясненію въ существенныхъ частяхъ великаго драматическаго произведенія.

Въ Гамлетѣ ясно вырисовывается юридико-этический конфликтъ. Мы видимъ тутъ столкновение двухъ различныхъ правовыхъ взглядовъ на кровавую мечь: древняго праваго воззрѣнія, по которому кровавая мечь есть дѣло не только дозволенное, но и заслуживающее похвалы, и позднѣйшаго этически-праваго взгляда, по которому кровавая мечь не должна быть допустима, какъ явленіе, не соотвѣтствующее цѣлямъ организованной государственной жизни и стоящее въ противорѣчій съ новѣйшимъ государственнымъ принципомъ, требующимъ, чтобы мечь, служащій индивидууму орудіемъ мщенія, былъ вырванъ изъ его рукъ и переданъ уголовной юстиціи, государствомъ установленной и отъ него получающей свою нравственно-правовую санкцію. Этотъ конфликтъ двухъ воззрѣній есть та глубокая трагическая коллизія, въ которой пришлось занять мѣсто принцу-мыслителю и благодаря которой онъ долженъ былъ погибнуть послѣ того, какъ самымъ ужаснымъ образомъ была исковеркана и сокрушена нѣжная организація его глубоко нравственной души.

Этотъ конфликтъ изображенъ въ «Гамлетѣ» съ удиви-

тельною глубиной, и кульминаціоннымъ пунктомъ этой захватывающей трагедіи является то, что судьба съ рѣдкою жестокостью пронію вложила въ руки принца тотъ самый мечъ правосудія, отъ котораго онъ въ теченіе всей своей жизни такъ мучительно отказывался и устранился!

Духъ отца Гамлета стоитъ вполне на почвѣ старыхъ воззрѣній о кровавой мечи. Онъ появляется въ полномъ вооруженіи, и ужасныя слова его, обращенныя къ сыну, — «отмести, отмести за гнусное, неслыханное убійство!» воодушевляють всю сцену на террасѣ въ Гельсингерѣ въ ту страшную зимнюю ночь. Обстановка, среди которой появляется духъ отца, и произнесенныя имъ слова вполне соотвѣтствуютъ характеру умершаго короля. Это не былъ человекъ мысли, а крѣпкій и рѣшительный человекъ дѣла; у него была прямая, открытая натура, черпавшая свои воззрѣнія изъ народныхъ понятій того времени и ими освящавшая свое міросозерцаніе. Отецъ Гамлета думалъ о кровавой мечи, какъ думаетъ о ней Лаэртъ, когда въ моментъ разгорѣвшагося бунта онъ врывается въ королевскій дворецъ; онъ на нее смотрѣлъ такими-же глазами, какими смотрѣлъ и весь народъ его времени. Не таковъ Гамлетъ. Его благородный духъ, его этически-правовые взгляды возвышаются надъ народными понятіями; онъ стремится проникнуть въ міръ будущихъ временъ и народовъ и въ поляхъ своей мысли задѣваетъ сферу уже позднѣйшаго, болѣе высокаго, болѣе благороднаго, болѣе культурнаго міросозерцанія. Онъ удаляется отъ общепринятыхъ взглядовъ своего времени, и духъ его поднимается на ту высоту, съ которой глазамъ его открывается горизонтъ безконечнаго. Возвышенная культурная идея, отворачивающаяся отъ индивидуальной мести и признающая только «цѣлое» общество призваннымъ къ управленію мечемъ правосудія — вотъ что подчиняетъ себѣ

ОДНОКОПИЕ
 СЕРИИ
 С. ИВАНОВИЧ
 СЕРИИ
 С. ИВАНОВИЧ
 СЕРИИ
 С. ИВАНОВИЧ

Гамлета, волнуетъ его, руководить имъ въ его поступкахъ и рѣчахъ. Такова та прочная нравственная основа, на которой зиждется его бытіе. И вотъ посреди этого круга идей раздается вдругъ ужасный призывъ къ кровавой мести; призывъ этотъ доносится до чуткаго слуха Гамлета съ того свѣта, съ принудительною силою чего-то неземнаго, сверхчеловѣческаго, и глубоко потрясаетъ душу Гамлета. Предъ нимъ предстала страшная альтернатива: или отречься отъ своихъ нравственныхъ принциповъ, или презрѣть вызывающій къ нему загробный голосъ оскорбленнаго духа, — и въ душѣ принца поднимается ужаснѣйшая борьба, которая искажаетъ все его существо, которая даетъ начало трагическому конфликту и въ которой заключается узелъ разыгрывающейся трагедіи.

Но прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе, мы должны рассмотреть вопросъ, много разъ занимавшій вниманіе изслѣдователей — о реальности или идеальности появленій духовъ у Шекспира. Этотъ вопросъ имѣетъ значеніе основнаго вопроса и для нашего юридическаго анализа.

Должно ли съ точки зрѣнія нравственной считать волю такого духа чѣмъ-то безусловнымъ, неоспоримымъ? Можно-ли дѣлать изъ требованій, предъявляемыхъ къ намъ призраками съ того свѣта, предметъ нравственнаго разсужденія? Представляются ли такія требованія выраженіемъ чистой трансцендентальной святости, исходящей изъ загробнаго міра, того міра, въ которомъ нѣтъ пороковъ и грѣховъ и гдѣ, какъ въ очищенномъ золотѣ, всякое сомнѣніе разсѣяно и всякій нравственный вопросъ получилъ свое надлежащее разрѣшеніе? Не имѣютъ-ли слова духа такое же значеніе, какъ и слова Аполлона Локсія въ «Орестеѣ» Эсхила, гдѣ Орестъ говоритъ: «Приговоръ Локсія не предастъ меня?».

поверхностнаго критика, разсуждавшаго о Шекспирѣ по поводу известнаго монолога «быть или не быть», многіе стали за нимъ повторять и высказывать ту мысль, что всякаго рода сомнѣнія относительно загробнаго міра должны исчезнуть и перестать существовать для тѣхъ, которые получили съ того свѣта самое вѣрное, самое очевидное откровеніе. Такая критика не достойна такого великаго поэта и мыслителя, какъ Шекспиръ. Шекспиръ никогда не низводитъ идеи о трансцендентальномъ на степень банальныхъ представленій дѣйствительности и, выводя на сцену духовъ, проникая въ безконечное и приподнимая завѣсу съ таинственныхъ міровъ, онъ никогда не включаетъ эти явленія таинственнаго въ рамки дѣйствительнаго, а оставляетъ, какъ нѣчто необъяснимое, неосязаемое, непостижимое для человѣческаго ума. Въ противоположность глубокомысленному Шатобриану, Шекспиръ съ своимъ великимъ гениемъ пользуется появленіемъ духовъ лишь для своихъ художественныхъ цѣлей и самый вопросъ о духахъ оставляетъ открытымъ, необъяснимымъ, нерѣшеннымъ. Мы не находимъ у Шекспира на этотъ счетъ никакихъ категорическихъ объясненій и заключеній.

Шекспиръ также весьма далекъ отъ аргументацій нынѣшнихъ спиритовъ, которые изъ факта лицезрѣнія духа, не задумываясь, выводятъ разнообразныя и пространныя заключенія о самостоятельной индивидуальной жизни души независимо отъ тѣлесной оболочки, о продолжающейся за гробомъ жизни души безъ тѣла и даже въ соединеніи съ воздушными формами земнаго тѣла. Несмотря на появленіе духа умершаго отца, Гамлетъ продолжаетъ видѣть въ загробномъ мірѣ нѣчто для насъ вполне недоступное, неизвѣстное, покрытое таинственнымъ мракомъ, который намъ духъ не раскрываетъ.

не очевиднымъ фактомъ, не абсолютной истиной, а лишь таинственнымъ видѣніемъ изъ того міра, «откуда еще никогда ни одинъ путникъ не возвращался».

Какъ мы уже видѣли, появленіе духа оказало потрясающее вліяніе на психику Гамлета. Намъ необходимо, поэтому, объяснить какъ нибудь этотъ феноменъ и не довольствоваться однимъ фактомъ появленія предъ глазами Гамлета тѣни его отца. Но какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить это? При помощи чувственного опыта мы не можемъ его объяснить. Попробуемъ стать на другой путь.

Какъ извѣстно, и Кантъ пытался представить научное объясненіе интересующаго насъ феномена. Усилія свои Кантъ направилъ противъ спиритуализма, который въ призракахъ видитъ дѣйствительное, реальное, пространственное появленіе духовъ. Но, какъ уже замѣтилъ Шопенгауэръ, критическое перо Канта не задѣло вовсе того извѣстнаго идеалистическаго воззрѣнія, которое, исходя изъ относительности пространства и времени, считаетъ возможнымъ появленіе духовъ и допускаетъ, что они иногда переступаютъ предѣлы мѣста и времени и могутъ быть видимы въ самомъ огромномъ отдаленіи отъ насъ—въ пространствѣ и во времени, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ. Самъ Кантъ не былъ чуждъ такого же идеалистическаго воззрѣнія, и его критика спиритуализма, очевидно, не могла обладать поражающею силою, потому что отказаться отъ этого идеализма было бы равносильно непризнанію самого Канта и его величайшихъ заслугъ. Кантъ вообще считаетъ этотъ вопросъ, какъ и другіе подобные вопросы изъ области сверхчувственного, неподлежащимъ научному изслѣдованію, выходящимъ изъ сферы человѣческаго разума. Съ этимъ взглядомъ Канта, однако, нельзя согласиться. Этотъ взглядъ неправиленъ уже потому, что феномены, подобные

тѣмъ, которые насъ теперь интересуютъ, вводятъ насъ гораздо глубже въ тайны философіи, чѣмъ все то, что мы отыскиваемъ при помощи нашего чувственного опыта, который въ результатъ можетъ имѣть значеніе только относительной истины. Утвержденіе Канта, что подобныя явленія слишкомъ недостоверны для того, чтобы мы могли изъ нихъ сдѣлать предметъ научнаго изслѣдованія, во всякомъ случаѣ голословно и, притомъ, разбивается, какъ Шопенгауэромъ, такъ и самимъ Кантомъ. Его приглашеніе, обращенное къ ученому міру,—не тратить силъ на подобные вопросы,—звучитъ также странно, какъ если бы къ палеонтологамъ обратились съ предложеніемъ не заниматься изслѣдованіями остатковъ далекой старины, уцѣлѣвшихъ на землѣ, тогда какъ на ней ползаетъ и летаетъ масса существъ, требующихъ и ожидающихъ научнаго изслѣдованія.

Школа Канта оставила намъ идею относительности понятій *пространства* и *времени*. Такимъ образомъ наши представленія, связанныя съ пространствомъ и временемъ, имѣютъ лишь относительное значеніе. Наша дѣйствительность лишь относительная дѣйствительность; мы видимъ вещи и познаемъ ихъ сущность лишь въ той ихъ видимости и познаваемости, которая доступна намъ при нашихъ ограниченныхъ относительныхъ понятіяхъ времени и пространства, а не въ той всеобщей абсолютной сущности, которая дѣйствительно обнимаетъ и наполняетъ каждое представляющееся нашимъ глазамъ явленіе и которая функционируетъ *an sich*, внѣ времени и внѣ пространства.

И если это такъ, если пространство и время имѣютъ лишь относительную дѣйствительность,—не невозможно, что въ иной моментъ, на одно мгновеніе вдругъ разрывается завѣса времени и раздвигаются границы пространства, и челове-

скому взору открывается то, что лежит по ту сторону этихъ границъ. Именно потому, что наши понятія времени и пространства относительны, не невозможно пророческое предчувствіе будущаго, или проникновеніе въ давно прошедшее, — не невозможно то ясновидѣніе, которое разсѣиваетъ сумерки, наложенныя временемъ, и открываетъ предъ нашей потрясенной душой давно минувшія существованія, оживляя обликъ умершаго лица въ его мышленіи, чувствованіи и хотѣніи. Если дѣйствительно существуютъ сны и видѣнія, касающіеся будущаго, то могутъ быть и такіе сны и видѣнія, которые касаются прошлаго, и стало быть, факты этого прошлаго могутъ выступать предъ нами со всею ясностью и овладѣвать нашею трепетною душою.

Но въ ясновидѣніи, обращенномъ къ прошлому или будущему, мы не должны видѣть чувственнаго воспріятія. Это одна изъ тѣхъ способностей человѣческой души, которая не поддается изображенію. Шекспиръ изумительно понималъ эту способность предчувствія и такъ охарактеризовалъ ее въ Антоніѣ и Клеопатрѣ:

Гадатель: Лучше-бъ я никогда не приходилъ отсюда (изъ Египта), а ты бы не шелъ туда.

Антоній: Если можешь, такъ скажи почему?

Годатель: I see it in my motion, have it not in my tongue—то есть «причину эту я чувствую, но высказать ее не могу».

Эти предчувствія никогда не получаютъ полного выраженія въ нашемъ сознаніи, ибо могутъ передаваться ему лишь непрямымъ путемъ и въ неполномъ видѣ. Наше сознаніе можетъ функционировать лишь въ опредѣленныхъ формахъ и по опредѣленнымъ категоріямъ, присущимъ нашему мыслительно-

му аппарату, и слѣдовательно волнующій насъ матеріалъ чувствованій и предчувствованій достигаетъ сознанія только при посредствѣ этихъ формъ и категорій, въ неполномъ, частичномъ, отрывочномъ видѣ, съ примѣсью смутныхъ представленій, неясныхъ образовъ, нерѣдко символическихъ концепцій.

Это вполне подтверждается наблюденіями надъ снами. Всѣ изслѣдователи жизни снова говорятъ намъ, что истины, которыя намъ открываются въ снахъ, входятъ обыкновенно въ сознаніе въ образахъ и символическихъ очертаніяхъ чрезъ посредство пробудившихся родственныхъ созвучій нашей сферы мышленія. И такъ, если предчувствія будущаго, испытываемыя нами во время сна, кристаллизируются въ нашей психикѣ въ символическихъ образахъ, если предвидѣніе какого либо факта въ будущемъ, которое открывается намъ нашей таинственною способностью сновидѣній, переходитъ въ наше сознаніе при посредствѣ представленій и образовъ, заложенныхъ въ сферѣ нашего мышленія и нашего чувствованія, и только въ этихъ присущихъ человѣку формахъ получаетъ свое выраженіе, если, наконецъ, даже въ снахъ, самыхъ ясныхъ, возвѣщенная намъ истина раскрывается предъ нами не въ чистомъ своемъ видѣ, а смѣшавшись съ чувственными образами нашей фантазіи, то такое-же положеніе вещей должно имѣть мѣсто и при болѣе сложныхъ сновидѣніяхъ, при иллюзорныхъ видѣніяхъ на яву, при лицедрѣніи духа. Точно также и при ясновидѣніи въ прошедшемъ истина предстаетъ предъ нами не въ чистомъ видѣ, а въ смѣшеніи съ нашими представленіями и отражаясь въ формахъ, присущихъ нашему мышленію. Отсюда затрудненія, возникающія при попыткахъ отдѣлить въ сновидѣніяхъ или въ явленіяхъ духовъ истинное зерно, трансцендентную правду отъ картинъ нашего собственнаго духа, въ которомъ истина оказывается запертою, какъ въ цвѣтномъ пузырькѣ. Этимъ объ-

ясняется, почему каждое сновидѣніе или просто видѣніе отражаетъ и должно отражать на себѣ идеи времени и кругъ представлений индивидуума. Въ видѣніи можетъ заключаться только извѣстная крупная незыблемой истины, а во всемъ остальномъ оно видоизмѣнено, преобразовано и окрашено въ цвѣтъ, вполне согласный съ формами мышления и чувствования, свойственными извѣстной исторической эпохѣ и извѣстному общественному кругу.

Герой шекспировской трагедіи, Гамлетъ, озаряется предчувствіемъ или, вѣрнѣе, *послѣдствіемъ*, относящимся къ загадочной смерти его отца. Это прошлое возникаетъ предъ нимъ, и его ясновидѣніе открываетъ ему неслыханное, ужасное злодѣйство. Возвѣщеніе это дается Гамлету въ образѣ его отца, какимъ онъ у него сохранился въ памяти—весь закованный въ сталь и со слѣдами на лицѣ «болѣе страданія, чѣмъ гнѣва»; возвѣщеніе это дается Гамлету въ словахъ, соответствующихъ образу мышления и чувствования его отца; оно представляется ему въ формѣ вѣроисповѣдной, въ формѣ вѣры въ страшное страданіе на томъ свѣтѣ. Возвѣщеніе это окружено представленіями того времени, среди которыхъ Гамлетъ былъ воспитанъ. Тогда вѣрили въ то, что въ опредѣленный часъ на разсвѣтѣ появляется духъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ пѣніемъ пѣтуховъ. Мы дѣйствительно видимъ, что привидѣніе говоритъ и поступаетъ вполне согласно съ характеромъ отца Гамлета, какъ его всѣ помнятъ и какимъ онъ былъ бы на самомъ дѣлѣ, еслибы еще разъ вступилъ въ дѣйствительность. Поэтому-то на террасѣ тѣнь появляется вооруженною съ ногъ до головы, а въ спальнѣ комнатѣ матери Гамлета—безъ оружія. На террасѣ тѣнь замѣтили многія лица. Это объясняется легко, если принять во вниманіе, что содержаніе ихъ идей было одинаково. Исторія свидѣтельствуетъ

о многихъ случаяхъ, когда извѣстный призракъ видѣли многіе люди, имѣвшіе одинаковаго содержанія идеи. Доказательства этому можно найти у Ренана. Всѣ, увидѣвшіе призракъ умершаго отца Гамлета, знали его хорошо, были проникнуты тѣмъ же предчувствіемъ, какъ и Гамлетъ, и это предчувствіе, ими всѣми испытанное, могло вылиться во образѣ дорогого покойника, и всѣ они указали Принцу на террасу, гдѣ среди мрачной обстановки душа его постигла ту тайну, которая имѣла руководящее значеніе для всей его жизни. Такимъ образомъ, мы видимъ, что появленіе духа умершаго отца Гамлета было видѣніемъ общимъ; эта общность видѣнія имѣетъ подъ собою глубокія основанія, какъ и тѣ различныя душевныя состоянія, въ которыхъ находятся дѣйствующія лица въ разныхъ фазахъ разыгрывающейся передъ зрителями трагедіи. Что таково, именно, было воззрѣніе Шекспира, это вытекаетъ также съ полною очевидностью еще изъ того, что у него духъ говоритъ о чистилищѣ. Такимъ образомъ, Шекспиръ вложилъ въ уста духа такія рѣчи, которыя отвѣчаютъ понятіямъ времени, въ какое онъ появляется.

Вотъ почему, такіе мыслители, какъ самъ Шекспиръ и Гамлетъ, инстинктивно предугадывающіе философію будущихъ временъ, не могутъ довольствоваться появленіемъ духа, какъ фактомъ конкретной дѣйствительности. Это обстоятельство служитъ причиною того, что Шекспиръ взвѣшиваетъ слова духа на вѣсахъ скептика-ислѣдователя. Для Шекспира появленіе тѣни умершаго такъ-же мало можетъ обезпечить вѣру въ загробную жизнь, какъ мало оно можетъ внушить твердое убѣжденіе въ справедливости и нравственности идеи мщенія, которую пропагандируетъ эта тѣнь умершаго короля. И Шекспиръ въ лицѣ Гамлета не считаетъ себя свободнымъ отъ нравственной отвѣтственности на томъ только одномъ основаніи, что можетъ сослаться на

голосъ духа. Ему онъ приписываетъ значеніе постольку, поскольку онъ исходитъ изъ образа прежде жившаго на землѣ честнаго, сильнаго и прямодушнаго человѣка. Непокосимый результатъ лицемерія духа этого послѣдняго сводится только къ живѣйшему сознанію объ ужасномъ, злодѣйскомъ поступкѣ. Все прочее имѣетъ смыслъ психической прибавки, работы фантазіи, безъ участія дѣйствительности.

Въ виду этого представляется неправильнымъ мнѣніе, что появленіе духа выходитъ за черту чисто человѣческаго и вѣчно истиннаго, что оно выражаетъ суевѣрный страхъ и втиснуто съ этой цѣлью въ драму. Напротивъ, воплощенное въ духѣ отца Гамлета чувство мщенія есть ничто иное, какъ отблескъ идеи кровавой мести, которая проникла собою его время и которую Гамлетъ всосалъ въ себя вмѣстѣ съ молокомъ матери и усвоилъ въ школѣ своего отца. Требованіе, предъявленное къ Гамлету духомъ его отца, есть торжественное напоминаніе о кровавой мести, величественное воплощеніе правовой мысли, господствовавшей въ то время. Это претензія, которую заявляетъ сама исторія и которою, подобно звуку трубы, возвѣщается великій законъ нравственно-правоваго порядка то эпохи, составляющей сущность, квинтъ-эссенцію мыслей и чувствованій людей того періода исторіи.

И какъ появленіе духа въ трагедіи Шекспира изумительно вѣрно построено на истинныхъ человѣческихъ душевныхъ состояніяхъ! Всякому видѣнію, заключающему въ себѣ извѣстную крупную реальность, въ какой-бы формѣ оно ни являлось, — въ сновидѣніи или на яву, должно необходимо предшествовать такое духовное состояніе души человѣка, которая дѣлаетъ ее способною къ дѣйствительному воспріятію откровенія. Только въ такомъ напряженномъ состояніи чувствованія духъ становится воспримчивымъ и ему дѣлается доступнымъ міръ таинствен-

наго. Мы дѣйствительно видимъ, что во второй сценѣ перваго акта Шекспиръ мастерски изобразилъ такое душевное состояніе Гамлета; онъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла нарисовалъ намъ картину подготовительнаго состоянія души Гамлета, его настроенія, наполненнаго чувствомъ какого-то безпокойства, общимъ недовольствомъ, томленіемъ, ужасомъ, — настроенія, въ которомъ ему представляется весь современный общественный бытъ устарѣлымъ и отравленнымъ духомъ измѣны, низости, гнусности, въ которомъ всѣ успокоительные, активные моменты дѣятельности становятся безцѣльными и лишенными почвы и вмѣсто нихъ грозно вырастаетъ пророческое предчувствіе поразительнаго злодѣяства.

По поводу все той-же проблемы, связанной съ появленіемъ духа умершаго короля, Трандорфъ удачно замѣтилъ, что призывъ его есть не голосъ Божества или высшей справедливости, а голосъ страсти, доносящійся изъ загробнаго міра. Въ свою очередь, и Гертъ правильно указалъ на то, что у Шекспира духъ появляется вовсе не съ опредѣленными божественными полномочіями, а только какъ средство иллюзіи. Раздѣляя эти два мнѣнія, мы, съ своей стороны, находимъ, что самый образъ мыслей духа отца Гамлета, какъ и все его настроеніе, вполне доступны критикѣ, ибо ничѣмъ не отличаются отъ мыслей и настроенія людей, пережившихъ отца Гамлета. Сужденія и настроенія духа въ разсматриваемой трагедіи Шекспира упирается своими устоями въ почву исторически развившагося нравственно-правоваго воззрѣнія. Это послѣднее, какъ мы скоро увидимъ, проникаетъ правовую жизнь всѣхъ рѣшительно народовъ, на извѣстной ступени ихъ развитія.

Одинъ изъ самыхъ универсальныхъ правовыхъ институтовъ, отмѣченныхъ исторіею всѣхъ народовъ на извѣстной ступени развитія, это — *институтъ кровавой мести*. Кровавая месть представляется древнѣйшимъ видомъ уголовной юстиціи.

Она имѣетъ смыслъ *юстиціи* уголовной, — такъ какъ она не просто месть, ничѣмъ не урегулированная, служащая лишь къ удовлетворенію слѣпой, безграничной страсти къ мщенію, а месть, упорядоченная правовою привычкою и практикою. Это та месть, въ которой ясно обозначены крайніе дозволенные предѣлы пользованія ею и точно указаны лица, имѣющія право прибѣгать къ ней. Она имѣетъ значеніе не только средства, служащаго къ удовлетворенію потребности мщенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и долга, серьезной, священной обязанности. Обязанность эта, въ особенности, интенсивна по отношенію къ сыну, отцу котораго было причинено зло; она считается на столько священной, что изъ нея дѣлаютъ важнѣйшую задачу сына, его жизненную задачу, передъ которою отступаетъ на задній планъ все прочее. Она находится въ связи съ религіознымъ воззрѣніемъ, что человѣкъ умершій до тѣхъ поръ не успокоится, пока за него не отомстятъ, пока зло, ему при жизни причиненное, не будетъ смыто. Этимъ соображеніемъ объясняется тотъ правовой обычай, по которому нельзя хоронить умершаго до тѣхъ поръ, пока за его кровь не будетъ пролита кровь другаго, въ смерти его виновнаго. Такъ, на примѣръ, оно было у Фризовъ до XIII-го вѣка.

Позднѣ вошелъ въ употребленіе обычай отнимать у покойника его правую руку, съ тѣмъ чтобы, по исполненіи мести, положить ее обратно въ могилу. Другой обычай состоялъ въ томъ, что у покойника отрѣзали кусокъ его окровавлен-

ной ткани, который сохранялся въ качествѣ «memento» учиненнаго злодѣйства и необходимой за него кровавой мести. Съ этимъ, вѣроятно, стоитъ въ связи и то, что въ Греціи убійца, съ цѣлью обезпечить себѣ безопасность, имѣлъ обыкновеніе отнимать части руки и ноги у убитаго имъ человѣка и класть ихъ подъ мышки послѣдняго: рука загубленнаго имъ человѣка была для него страшна.

Кровавую месть мы встрѣчаемъ у австралійскихъ негровъ, у Полинезійцевъ, Папуасовъ, Малайцевъ. Здѣсь она практикуется въ самой дикой формѣ: виновнаго не только убиваютъ въ отместку за учиненное имъ дѣяніе, но даже съѣдаютъ. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, мѣстахъ существуетъ обычай откупаться отъ мести уплатою опредѣленной суммы денегъ. Местъ и выкупы мы встрѣчаемъ также у народовъ Золотаго Берега, у нѣкоторыхъ племенъ восточной Африки, гдѣ кровавая месть (*merbat*) получаетъ значеніе мести семейной, такъ что за убійство члена одной семьи лишается жизни членъ другой, причѣмъ безразлично, умышленно или случайно учинилъ убійство виновный. Въ тоже время и у этихъ народовъ допускается возможность денежнаго выкупа, какъ суррогата кровавой мести, хотя слѣданными наблюденіями удостовѣрено, что къ этому способу они прибѣгаютъ не особенно охотно. Если, однако, заинтересованныя стороны согласились относительно замѣны мести деньгами, то избирается особый посредникъ, который и улаживаетъ конфликтъ между пострадавшею семьею и обидчикомъ. Потребная сумма за кровавую обиду вносится въ равныхъ частяхъ виновнымъ и взрослыми членами его семьи, а семья пострадавшая производитъ дѣлежъ полученнаго вознагражденія въ такой постепенности, что половина его приходится на долю ближайшаго родича убитаго,

а остальную половину дѣлятъ между собою поровну взрослые члены семьи.

У другихъ народовъ восточной Африки денежное вознагражденіе за кровавую обиду бываетъ весьма велико и, сверхъ того, замѣчено, что обиженная семья не охотно соглашается замѣнять имъ освященное вѣками ея право требовать крови за кровь. Но если ужъ послѣдовало согласіе на принятіе вознагражденія отъ виновнаго, то семья послѣдняго обязана нести свою денежную повинность, обеспечивающую ей жизнь и спокойствіе, вплоть до седьмого колѣна.

Если теперь мы бросимъ взглядъ на бытъ народовъ, населяющихъ Америку, то увидимъ, что обычай кровавой мести является характернымъ, почти что специальнымъ признакомъ краснокожихъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно припомнить столько разъ описанный обычай ихъ сдирать кожу у погибшихъ въ сраженіи враговъ, обычай пожирать сердце у навшаго на полѣ битвы недруга. Это, какъ признано въ литературѣ, есть крайнее торжество страсти мщенія. Кровавая мечь играетъ важнѣйшую роль въ жизни племенъ, разсѣянныхъ по средней и южной Америкѣ, напр., у карайбовъ, индѣйцевъ, населяющихъ Бразилію. Передаютъ, что у нихъ кровавая мечь есть дѣло совѣсти и чести, что она направляется не только противъ обидчика, но и противъ его близкихъ, даже не рѣдко противъ цѣлаго племени, къ которому онъ принадлежитъ, что обидчика стараются обыкновенно погубить такимъ же образомъ, какимъ тотъ расправился съ своею жертвою. Въ роли вожаковъ и руководителей мщенія выступаютъ, конечно, ближайшіе родичи убитаго. Только у болѣе мягкихъ по своему праву племенъ Америки встрѣчается система выкуповъ, вмѣсто кровавой мести.

Кровавую мечь мы встрѣчаемъ также на Огненной Землѣ.

Также у эскимосовъ встрѣчаемъ мы тотъ же кровавый обычай. Онъ также извѣстенъ на Кавказѣ, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ всѣ родичи убитаго обязаны мстить за него, даже если смерть была причинена случайнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого обычая обыкновенно виновный со всею своею семьею обращается въ бѣгство. Желая расчистить себѣ путь къ примиренію, онъ въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ посылаетъ ежемѣсячно по овцѣ родичамъ своей жертвы, а послѣ истеченія этого времени заводитъ переговоры, и конфликтъ заканчивается внесеніемъ денегъ одною стороною и принятіемъ ихъ другою.

Въ особенности поучительно познакомиться съ обычаемъ кровавой мести у тѣхъ европейскихъ народностей, которыя еще не совсѣмъ подпали подъ благодѣтельное иго культуры.

Въ Черногоріи, начиная съ 1855 года, именно со времени изданія уложенія Данила, правительство дѣлаетъ все возможное, чтобы искоренить обычай кровавой мести, но до сего времени пока безъ видимаго успѣха. Одинъ изъ компетентныхъ изслѣдователей правовыхъ и нравственныхъ порядковъ въ Черногоріи, пишетъ объ интересующемъ насъ предметѣ слѣдующее: ¹⁾ «Мститель подстерегаетъ всюду свою жертву; онъ не работаетъ, не знаетъ сна и покоя. Даже духовникъ въ церкви не можетъ избѣжать мести, ибо если мститель не можетъ убить настоящаго убійцу, то онъ убиваетъ его ближайшаго родича. За погубленную голову да падетъ голова погубившаго ее! Въ глазахъ народа тотъ безчестенъ, кто за обиду не мститъ; въ особенности усердствуютъ здѣсь женщины, подстрекая и поощряя мужчинъ. Съ выполненіемъ дѣла мщенія, черногорецъ подымаетъ голову, дѣлается гордымъ, какъ будто онъ и впрямь одержалъ блестящую побѣду». Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что по мѣстнымъ законамъ убійца

¹⁾ Popovic, Recht und Gericht in Montenegro. (1877 г.).

не отвѣчаетъ, если, будучи реально оскорбленъ, т. е. дѣйствіемъ «in contumētia», мститъ виновному.

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ царить строгое кровавое право, возстановленіе вреда, отъ обиды личной возникшаго, при посредствѣ денегъ считается чѣмъ-то позорнымъ. Въ Черногоріи прежде такъ и было, и только въ послѣднее время произошли въ этомъ отношеніи нѣкоторыя перемѣны. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, изысканіе почвы, на которой возможно придти къ соглашенію, есть дѣло родичей убійцы, а веденіе переговоровъ есть дѣло старѣйшихъ или даже духовныхъ лицъ. При этомъ лицо, призванное къ выполненію своей кровавой задачи, дѣлаетъ видъ, что никакихъ переговоровъ вести не хочетъ, мнимо противится имъ, заставляетъ бить себѣ челомъ и соглашается, въ концѣ концовъ, только послѣ того, какъ ему не мало разъ кланялись. Любопытная деталь всей этой церемоніи заключается въ томъ, что семья виновнаго приводитъ съ собою 12 женщинъ съ 12 младенцами, и мститель, изъявившій согласіе на примиреніе, цѣлуетъ одного изъ младенцевъ, а его родственники мужскаго пола—другихъ. По выполненіи этого обряда, дѣло сводится къ двумъ главнымъ пунктамъ: къ денежному вопросу и къ обряду униженія виновнаго. Рѣшеніе денежнаго вопроса возлагается на старѣйшину. Все вознагражденіе потерпѣвшихъ лицъ дѣлится на двѣ части: во первыхъ, деньги примирительныя и, во вторыхъ, вознагражденіе въ собственномъ смыслѣ слова. Вознагражденіе поступаетъ въ пользу семьи потерпѣвшей и приносится ей семьею виновнаго. Затѣмъ, наступаетъ день примиренія, въ который виновный подвергается разнымъ унижающимъ его достоинство обрядамъ, въ присутствіи мстителя. Стоя на колѣняхъ, виновный покрываетъ поцѣлуями руки, ноги мстителя. Такъ продолжается это до тѣхъ

поръ, пока мститель не сдѣлаетъ ему знака подпяться. Послѣ этого самъ мститель пѣлуетъ обидчика въ знакъ состоявшагося примиренія. Общая семейная трапеза завершаетъ собою описанный процессъ.

Въ то время, какъ, такимъ образомъ, въ Черногоріи замѣчаются попытки урегулировать институтъ кровавой мести, попытки, исходящія отъ самого законодателя, у албанцевъ этотъ институтъ процвѣтаетъ. У нихъ месть направляется не только противъ убійцы, но и противъ его семьи, такъ что сторонами, враждующими другъ съ другомъ, являются семьи, а не отдѣльныя лица, почему это положеніе вещей и напоминаетъ древнюю германскую «Familienfehde», о которой рѣчь будетъ у насъ въ своемъ мѣстѣ. Съ точки зрѣнія исторіи права поучительно, въ особенности, то, что въ случаѣ бѣгства виновнаго, родичи его захватываются въ плѣнъ и держатся въ немъ до той поры, пока бѣглець снова предстанетъ передъ лицами, имѣющими право на его кровь. Самая месть приводится въ исполненіе здѣсь съ тою же безусловностью, какъ и въ Черногоріи, но здѣсь вмѣшательство духовенства имѣетъ значительно болѣе активный характеръ. Въ случаѣ примиренія имѣютъ мѣсто тѣже обряды, какіе мы описали, говоря о Черногоріи.

Знаменита и общеизвѣстна «вендета» на Корсикѣ. Это самая вѣрная копія съ господствовавшихъ когда-то повсемѣстно въ странахъ семитическаго и индогерманскаго происхожденія культурныхъ условій. «Не мститъ за себя—говоритъ Грегоровіусъ (*Gregorovius*, Corsica, I, 149)—значить, по понятіямъ истинныхъ корсиканцевъ, позорить себя. Чувство мести у нихъ есть чувство естественное, страсть, въ теченіе вѣковъ признанная и ими освященная. Въ пѣсняхъ месть имѣетъ свой культъ и ее празднуютъ какъ религію благочестія». Понятно,

поэтому, что на Корсикѣ считаютъ человѣкомъ позорнымъ того, кто мѣшкаетъ въ приготовленіяхъ къ мести; такого человѣка вѣчно бранятъ, презираютъ и поносятъ. Эпитетъ «*gim-besso*» — обычный эпитетъ, который единогласно дается на Корсикѣ такому человѣку; это слово швыряютъ ему въ лицо при каждомъ удобномъ случаѣ. Женщины поддерживаютъ въ мужчинахъ огонь и жажду мщенія. Первая повелительная норма на Корсикѣ это — «мести за отца!» Эту норму съ дѣтства нашенываютъ матери дѣтямъ. Къ одеждѣ сына мать пришиваетъ часть окровавленной рубахи отца, какъ знакъ, напоминающій ему о его достоинствѣ мужчины и долгѣ, выполнить который для него болѣе всего обязательно. Въ дикихъ, мрачныхъ пѣсняхъ кровавая месть превозносится. Местъ распространяется не только на одного виновника, но на всю его родню, которая нерѣдко страдаетъ отъ этого въ десять разъ больше, чѣмъ самъ виновникъ злодѣйства.

Если подробнѣе заглянуть въ исторію семитическихъ и индогерманскихъ народовъ, то нельзя будетъ не замѣтить того, что на каждой почти ея страницѣ упоминается разсматриваемый институтъ кровавой мести. Арабы, какъ это всякому извѣстно, являются въ этомъ отношеніи самыми типичными представителями; кровавая месть возбуждаетъ у нихъ всѣ страсти и, какъ огненные языки, пожираетъ цѣлые роды. Магометъ дѣлалъ все возможное для упорядоченія кровавой мести. Въ коранѣ имѣются два мѣста, гдѣ предписывается каждому содѣйствовать мирнымъ переговорамъ и не допускать пострадавшихъ или заинтересованныхъ лицъ къ кровавой расправѣ съ виновнымъ человѣкомъ. Магомету приписываютъ въ одной изъ его рѣчей, произнесенной въ Меккѣ, слѣдующее наставленіе: «берегитесь сдѣлаться послѣ моей смерти опять язычниками и снова прибѣгать къ взаимной рѣзни». Изъ различныхъ мѣстъ

корана, равно какъ изъ обычнаго права, мусульманская юриспруденція позаимствовала главные руководящія положенія, на основаніи которыхъ развила правовой институтъ кровавой мести — «*kesos*». Последняя допускается только по отношенію къ виновному лицу и больше ни къ кому другому; она признается законною только въ случаѣ умышленнаго убійства; осуществлять это право предоставляется только извѣстнымъ родственникамъ убитаго, но подъ условіемъ предварительнаго на то разрѣшенія, отъ представителя власти исходящаго. Если условіе это соблюдено, если лицо имѣетъ право на кровавую расправу съ человѣкомъ, оказавшимся противъ него виновнымъ, то онъ самолично исполняетъ свой долгъ; въ противномъ-же случаѣ мѣсто его заступаетъ уголовный судья. При этомъ, мстителю вмѣняется въ обязанность не истязать и не мучить обидчика, а причинять ему только такую рану, какую онъ причинилъ убитому. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что допускается денежное вознагражденіе («*diyet*») потерпѣвшихъ лицъ, какъ средство, замѣняющее кровавую месть; оно зависитъ отъ усмотрѣнія и доброй воли родичей убитаго. Все это имѣетъ отношеніе только къ случаямъ умышленнаго убійства. Въ случаѣ неосторожнаго лишенія жизни, заинтересованные лица обязаны принять упомянутый «*diyet*», и кровавая месть признается недопустимой. «*Diyet*» вносится не только самимъ виновникомъ преступленія, но и всѣмъ кругомъ его родственниковъ («*âkilah*»). При этомъ, дѣятель, т. е. лицо, физически выполнившее преступленіе, вносить свою часть такъ-же, какъ и всѣ, принадлежащія къ тому-же роду, такъ что здѣсь господствуетъ начало равенства, свидѣтельствующее о томъ, что старинная «*Vendetta transversa*» по идеѣ своей не умерла. Такова смягченная система кровавой мести по теоріи мусульманской юриспруденціи.

Впрочемъ, далеко не все народы, исповѣдующіе Исламъ, восприняли эти смягченныя уголовно-правовыя опредѣленія, касающіяся института кровавой мести. Последняя процвѣтаетъ, на примѣръ, у бедуиновъ. Въ ихъ глазахъ мститель (tair) выполняетъ только свой священный долгъ. Въ массѣ арабскихъ плѣсень идея кровавой мести находитъ себѣ почетное мѣсто, и доблести того сына пустыни, который проливаетъ кровь за кровь, воспѣваются въ туземной поэзіи съ такими-же восторженными чувствами, какъ въ Испаніи подвиги «Cid'a». Правда, и у арабовъ, въ частности въ правѣ бедуиновъ, существуютъ опредѣленія, на основаніи которыхъ кровавая месть допускается только въ случаяхъ намѣреннаго убійства, но жизнь показываетъ, что они игнорируютъ эти опредѣленія и обращаются къ кровавой расправѣ даже тогда, когда для всѣхъ очевидно, что имѣется только неосмотрительное убійство. Точно также бедуины очень мало соблюдаютъ предписанія ихъ права ограничиваться въ случаяхъ, гдѣ допустима кровавая месть, только личностью виновника. Фактически у бедуиновъ кровавая месть сводится къ междоусобной войнѣ двухъ семействъ. Пять родственниковъ съ обѣихъ сторонъ принимаютъ участіе въ кровавой мести. Та родня, въ кругу которой разыгрывается кровавая драма, именуется «khomse». Но эти предѣлы нерѣдко въ порывахъ мщенія забываются, и тогда кровавая месть становится войною племенъ. Такая жажда мщенія не есть какая нибудь слѣпая страсть, а ясно сознаваемое чувство долга: до тѣхъ поръ, пока кровь недруга не пролита, мститель не находитъ себѣ нигдѣ покоя, воздерживается отъ всякихъ удовольствій, даетъ зарокъ не имѣть сношеній съ женщинами, не пить, не курить. Что-же касается денежныхъ выкуповъ, то таковыя, хотя и допускаются, но въ ограниченномъ объемѣ и, притомъ, какъ показываетъ опытъ, имѣ не осо-

бенно сочувствуютъ. Народъ думаетъ, что могла, гдѣ лежитъ прахъ убитаго цвѣтеть и блещеть, когда за его кровь пролита кровь врага и что, наоборотъ, когда вмѣсто кровавой мести взятъ былъ выкупъ, она приходитъ въ запустѣніе. Существуетъ даже такое народное повѣріе, что въ случаѣ пріятія заинтересованными лицами денежнаго вознагражденія, изъ головы убитаго вылетаетъ птица и требуетъ, чтобъ ей дали напиться. Вотъ почему, во первыхъ, не охотно берутъ деньги тамъ, гдѣ пролита кровь и, во вторыхъ, если берутъ, то дѣлаютъ видъ, что поступаютъ такъ не по доброй волѣ, а изъ чувства состраданія къ людямъ близкимъ виновному. Жизнь выработала здѣсь цѣлые обряды, мораль которыхъ сводится исключительно къ укрѣпленію мнѣнія другихъ въ томъ, что такое поведеніе потерпѣвшихъ лицъ—не напускное, а настоящее, безспорное. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ люди, потерпѣвшіе отъ убійства близкаго имъ челоуѣка, съ цѣлью оправдаться во мнѣніи общества, поднимаютъ крикъ, зываютъ къ небу, пускаютъ въ воздушное пространство стрѣлу, какъ знакъ кровавой мести, и если стрѣла падаетъ обратно на землю окровавленную, то думаютъ и убѣждаютъ этимъ другихъ, что месть выполнена и, такимъ образомъ, взятіе выкупа не можетъ болѣе никому казаться предосудительнымъ. Само собою разумѣется, что стрѣла падаетъ всегда на землю безъ всякихъ слѣдовъ крови, но это нисколько не смущаетъ никого, требованія морали полагаются удовлетворенными и заинтересованныя стороны убѣждены, что продѣланными со стрѣлою маневрами они въ достаточной степени подкупили публику и заручились ея снисхожденіемъ къ факту взятія денегъ тамъ, гдѣ требуется кровь.

Обыкновенно примиреніе наступаетъ только тогда, когда погашающая сила времени коснулась самого кроваваго акта и когда,

стало быть, страстная потребность въ крови недруга сдѣлалась менѣ интенсивной или совсѣмъ исчезла. Обыкновенно семья, подлежащая кровавому преслѣдованію, бѣжитъ въ чужое племя, въ чужую землю. Бѣглецы называются «dschelawu». Возвратиться въ родной край имъ можно только тогда, когда обиженная семья изъявитъ свое согласіе на принятіе денегъ. У нѣкоторыхъ племенъ вошла въ обычай личная явка виновнаго въ палатку мстителя. Виновникъ долженъ предстать передъ послѣднимъ съ повинною и изъявить готовность понести отъ руки его заслуженную кровавую кару. Если это дѣйствительно имѣло мѣсто, убійцѣ прощаютъ все и соглашаются принять отъ него деньги. «Diyet» выплачивается общими силами — родственниками и друзьями виновнаго, причемъ у нѣкоторыхъ племенъ раздѣленіе кровавой вины между сочленами «khomse» связано съ точными правилами о бремени внесенія денегъ. Наконецъ, есть указанія и на то, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ южной арабской земли султаны не разъ дѣлали попытки къ упорядоченію кровавой мести.

Кабилы, хотя и восприняли въ религіозномъ отношеніи Коранъ, примкнули, однако, не будучи семитами, къ культурѣ послѣднихъ. Кровавая месть продолжаетъ у нихъ удерживаться, поскольку ей не препятствуетъ вмѣшательство европейцевъ. Яркое описаніе правовыхъ порядковъ этихъ племенъ мы находимъ въ превосходномъ сочиненіи Ганото и Летурнэ (*Hanoteau et Letourneux, La Kabylie et les coutumes kabyles.*—Paris, 1872, 1873, III). Кровавая месть (гекба) есть дѣло цѣлаго рода (kharuba), къ которому принадлежалъ убитый. Хотя исполнительныя обязанности въ дѣлѣ мести возлагаются на особаго экзекутора, избираемаго родомъ изъ своей среды и снабжаемаго имъ полномочіями, но это не устраниваетъ отнюдь возможности фактическаго участія въ осуществленіи мести каждаго изъ сочленовъ

«kharuba», если тому представляется удобный случай. Мечь распространяется не только на убійцу, но большей частью на всю семью, къ составу которой онъ принадлежитъ. Определеніе лица, долженствующаго явиться жертвой кровавой расправы, есть задача рода (kharuba), который старается, при этомъ, имѣть въ виду, чтобы жертва отличалась такими же качествами, какими обладалъ убитый, или даже чтобы превосходилъ послѣдняго. Въ дѣлѣ избранія того или другаго способа исполненія мести родъ вполне свободенъ: правилъ въ этомъ отношеніи не существуетъ никакихъ, и убійство изъ засады считается дѣломъ дозволеннымъ столько же, сколько и открытая кровавая расправа. Соблюдается только одно правило, предписывающее, чтобы свободная свита виновника (ânaia), объявляемая неприкосновенною, не пострадала. Исполненіе кровавой мести есть дѣло семейной чести, есть повелительная норма, требованіе семейной морали, отголосокъ долга. По этимъ причинамъ, любовное соглашеніе рѣдко имѣетъ мѣсто и то только въ случаяхъ ненамѣреннаго, неосмотрительнаго убійства или такого, авторомъ котораго явился сумасшедшій человекъ. Обыкновенно въ случаяхъ этого рода слѣдуетъ торжественный обрядъ испрошенія прощенія, при чемъ въ роли примирителей выступаютъ представители духовнаго сословія («Marabouts»). Семейная обща трапеза завершаетъ всѣ унижительные для убійцы обряды и служитъ знакомъ состоявшагося между врагами примиренія. Ганото описываетъ слѣдующимъ образомъ одну изъ подобныхъ сценъ: «Человекъ, лишившій кого либо по неосторожности жизни, отправляется въ условленное мѣсто, въ сопровожденіи своей семьи и марабутовъ, и имѣя въ капюшонѣ своего плаща бѣлье. По приходѣ туда, одинъ изъ марабутовъ произноситъ рѣчь, гдѣ онъ оплакиваетъ злую судьбу, причинившую смерть жертвы, взы-

ваетъ къ высокому чувству состраданія, доводитъ до свѣдѣнія потерпѣвшихъ о всемъ сожалѣннн и горѣ виновнаго, по поводу печальнаго событія, умеляетъ, наконецъ, чтобы его простили. Затѣмъ выступаетъ впередъ убійца и въ присутствіи родственниковъ и семьи погибшаго говоритъ: «если хотите убить меня—убивайте, если нѣтъ, простите, и я буду однимъ изъ вашихъ дѣтей». Въ общемъ, на основаніи этого можно предположить, что предоставленіе виновнымъ своей личности въ руки семьи убитаго было въ древности ничѣмъ инымъ, какъ отдачею его въ рабство. Болѣе мягкою ступенью этого порядка было отслуживаніе извѣстной суммы въ теченіе извѣстнаго періода времени.

Другія племена Кабилскія подчинились относительно мягкимъ предписаніямъ корана и знаютъ систему компенсацій вмѣсто кровавой мести. Нѣкоторыя такія племена пошли еще дальше, ограничивъ право кровавой расправы только личностью виновника или же его наслѣдникомъ. Это уже переходъ къ болѣе гуманной системѣ мусульманскаго и Моисеева права.

Интересно въ разсматриваемомъ вопросѣ право Моисея. Кто намѣренно лишилъ другого жизни, тотъ отдается на распоряженіе лица, имѣющаго право кровавой мести (*goel haddâm*); лицо это имѣетъ право лишить жизни убійцу такъ же, какъ онъ расправился съ своею жертвою; это священная его обязанность въ качествѣ «*goel'a*». Ему запрещается принимать деньги, мириться съ убійцею, ибо въ противномъ случаѣ кровавый долгъ падаетъ на всю мѣстность. Въ послѣднемъ отношеніи—нельзя этого не видѣть—мусульманское право мягче Моисеева права. Кровь за кровь!—таково основное правило послѣдняго въ разсматриваемыхъ случаяхъ. Правило это настолько обязательно, что ни одно свободное государство не имѣетъ права давать убѣжище

убійцѣ, охранять его жизнь, а наоборотъ, обязано его выдать «*goel'ю*». Иначе—въ случаяхъ пенальнаго, неосторожнаго лишенія жизни. Хотя и въ этихъ случаяхъ допускается кровавая месть, но убійцѣ приходитъ на помощь самъ законъ, дозволяя ему бѣжать въ мѣста убѣжища, причемъ «*goel*» не имѣетъ уже права требовать его выдачи. По началамъ Моисеева права, убійца имѣетъ возможность оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока не умретъ высшее въ странѣ духовное лицо, что, впрочемъ, въ литературѣ представляется еще не выясненнымъ. Въ случаѣ возвращенія на родину до этого срока, привиллегія убійцы отпадаетъ, и право кровавой мести вступаетъ снова въ свою дѣйствительную силу, снова дѣлается настолько обязательнымъ, что «*goel*» не можетъ взять денегъ отъ убійцы, ни вступать съ нимъ въ мирные переговоры. На основаніи впрочемъ нѣкоторыхъ положеній Моисеева права и его литературной обработки можно предположить, что идея композиціи (*kofer*) въ дѣлахъ, гдѣ должна быть приведена въ исполненіе кровавая месть, уже зародилась въ Моисеевомъ правѣ, но еще въ очень слабой степени. Чтобы закончить съ обзоромъ положеній этого права, надо еще упомянуть, что хотя по началамъ его мститель есть всегда близкій родственникъ убитаго, но вышеуказанный эпитетъ «*goel*» сообщается всякому родственнику вообще, который является въ роли мстителя.

Въ индійскомъ правѣ, подъ вліяніемъ мощно развившейся королевской власти, обычай кровавой мести въ значительной степени искорененъ, такъ что оно гораздо болѣе приближается къ современнымъ порядкамъ, чѣмъ большинство правъ арійской или семитской семьи. Впрочемъ, на одинъ индійскій сборникъ права, именно Апостамба указываютъ, какъ на такой, въ которомъ существуютъ нѣкоторыя слѣды кровавой мести. Здѣсь, дѣйствительно, сказано, что если кто отнимаетъ у друго-

104

го жизнь, то онъ обязанъ доставить родственникамъ убитаго известное, опредѣляемое кастою, къ которой принадлежалъ послѣдній, число коровъ. Такая контрибуція предупреждаетъ кровавую месть (wairayâtanârthan). Вѣроятно изъ этихъ-то порядковъ выросла позднѣйшая система отбыванія виновнымъ наказанія въ пользу государства или духовенства. По крайней мѣрѣ, изъ многихъ другихъ сборниковъ индѣйскаго права можно извлечь такой выводъ. Конечно, трансформация эта, принимая во вниманіе пассивность и слабость энергіи сопротивленія, свойственныя индѣйскому характеру, должна была здѣсь скорѣе наступить, чѣмъ у прочихъ племенъ индо-германскаго культурнаго міра.

Болѣе пышнымъ разцвѣтомъ развился институтъ кровавой мести въ правахъ славянъ, кельтовъ, грековъ, германцевъ. У нихъ кровавая месть проникаетъ собою все право, является институтомъ, раздувающимъ въ яркое пламя потухшее правовое чувство и зажигающимъ, на подобіе огненнаго факела, всѣ племена и роды.

Въ древне-русской правовой жизни кровавая месть была правомъ и обязанностью, осуществленіе которыхъ ставило лицо значительно высоко въ глазахъ прочихъ и окружало его ореоломъ почета. Даже женщины, на которыхъ въ принципѣ не распространялась эта обязанность, выполняя ее, равнымъ образомъ, окружались большимъ почетомъ. Правда Ярослава устанавливала, что если убьетъ мужъ мужа, то братъ мститъ за брата, сынъ за отца, отецъ за сына и т. далѣе. Постепенно и на Руси входитъ въ обычай система выкуповъ въ формѣ виры. Подъ известнымъ предположеніемъ можно заключить, что въ эпоху сыновей Ярослава въ случаяхъ болѣе мягкихъ вира была, повидимому, обязательною.

Точно также и польское право рисуетъ намъ картину

— 105 —

развитой системы выкуповъ. Такъ, Статуты Казимира III говорятъ намъ о вирахъ съ крестьянъ; въ нихъ-же указываются размѣры виры съ солдатъ. Въ другихъ статутахъ регулируются виры духовныхъ и благородныхъ людей. Особенное значеніе имѣютъ опредѣленія короля Юганна Альберта, по которымъ даже въ случаѣ ненамѣреннаго убійства съ виновнаго долженъ быть взысканъ денежный штрафъ. Въ Мазовецкихъ Статутахъ отъ 1390 года предусматриваются условія права свободнаго примиренія, объемъ котораго значительно сокращенъ; въ тѣхъ-же статутахъ, болѣе поздняго только происхожденія, только пособники имѣютъ право вносить штрафъ, но никакъ не дѣятели, т. е. сами-виновники. Идея кровавой мести заявляетъ себя очень часто въ статутахъ Казимира Великаго 1347 года, а равно и въ народныхъ правахъ той эпохи. Поначаламъ тѣхъ и другихъ розыска убійцы принадлежитъ только родственникамъ убитаго и больше никому. Что месть считается не только правомъ, но и обязанностью; это ясно вытекаетъ изъ рѣдкаго въ своемъ родѣ правоваго польскаго обычая, согласно которому лицо, потерпѣвшее отъ кражи, должно самолично повѣсить вора, а въ противномъ случаѣ само можетъ быть повѣшено послѣднимъ. Это вполне понятно, потому что система кровавой мести строится на предположеніи, что осуществленіе ея есть долгъ, а если это такъ, то не можетъ явиться даже мысль о томъ, что экзекуція смертной казни ставить на низкую общественную ступень того, кто выступаетъ въ роли палача. Напротивъ, считается вполне почетнымъ дѣломъ лично привести въ исполненіе кровавую месть. Отречься отъ такого почетнаго долга никто не имѣетъ права, а если это дѣйствительно случилось, то такой человѣкъ самъ себя обрекаетъ на гибель, безъ надежды на спасеніе.

Сходно въ этомъ отношеніи и богемское право. Въ его «Ordo iudicii terrae» постановляется, что въ случаѣ, если обвиняемый въ убійствѣ, несмотря на вызовъ суда, не явился или-же, несмотря на приглашеніе помириться, не помирился съ родственниками убитаго, онъ подпадаетъ подь кровавую мечь: самъ мститель убиваетъ его и волочить его трупъ къ висѣлицѣ.

Насколько, затѣмъ, жива была идея кровавой мести у южныхъ славянъ, о томъ намъ говорятъ далматскія правовыя опредѣленія отъ XIV и XV вв.; объ этомъ свидѣтельствуется также и то обстоятельство, что часть конфискованнаго у убійцы имущества принадлежала родственникамъ убитаго. Внутри же Далмаціи кровавая мечь, повидимому, даже въ новое время есть совсѣмъ нерѣдкое явленіе.

Значительный прогрессъ представляетъ ирландско-кельтское право, въ томъ видѣ, какъ оно передано намъ въ «Brehon-Laws» и, въ особенности, въ книгѣ «Aicill». Право это знаетъ весьма развитую систему выкуповъ, по которой обращается также вниманіе на нѣкоторые моменты субъективной и объективной сторонъ въ преступленіи и принимается въ расчетъ личное правовое положеніе пострадавшаго. Отвѣтственнымъ является самъ преступникъ и также его семья, если штрафъ имъ не сполна внесенъ. Семья, впрочемъ, могла себя предусмотрительно избавить отъ этой отвѣтственности внесеніемъ въ депозитъ извѣстной суммы денегъ, на случай возможныхъ въ будущемъ преступныхъ актовъ со стороны кого либо изъ членовъ ея. Этимъ путемъ семья могла избавить себя отъ заботъ и опасеній, причиняемыхъ какимъ нибудь беспокойнымъ ея членомъ. Въ общемъ, однако, если, несмотря на все, требуемый выкупъ не представлялся, кровавая мечь снова входила въ силу.

Еще болѣе радикальною является система выкуповъ въ Валлисѣ. Выкупъ здѣсь называется «galanas», и вопросъ о томъ, кто долженъ его доставить и кому его слѣдуетъ получить, есть самая трудная и существенная часть права Кимвровъ. Доставить штрафъ обязаны самъ виновникъ и его родственники, причемъ соблюдается такой порядокъ: $\frac{1}{3}$ вносится семьею убійцы, остальные $\frac{2}{3}$ тѣми родами, къ которымъ онъ принадлежитъ, и такъ, что родственники со стороны отца обязаны внести изъ этой суммы $\frac{2}{3}$, а родственники со стороны матери $\frac{1}{3}$. Установлено также точно, до какой степени родства распространяется обязанность дѣлать взносы. Слѣдуетъ замѣтить, что эта послѣдняя представляется кумулятивной, такъ что дальніе и близкіе родственники должны одинаково выполнять ее, съ тою только разницею, что по мѣрѣ удаленія степени родства слабѣетъ и степень ручательства. Такимъ же точно правиламъ подчинялось распредѣленіе выкупа между ближайшими членами семьи, къ которой принадлежалъ убійца. Точность эта распространялась и на родственниковъ убитаго, въ качествѣ лицъ, въ пользу которыхъ шелъ представленный выкупъ «galanas». Если «galanas» не былъ представленъ, или если былъ представленъ, но съ извѣстнымъ дефицитомъ, то кровавая мечь снова вступала въ силу, какъ по отношенію къ убійцѣ, такъ и по отношенію къ роднѣ его. Болѣе мягкое начало проводится только въ «Ancient Laws, Venedot. Code III (I, § 19), по которому семья имѣетъ право отказаться отъ убійцы и, сложивъ съ себя отвѣтственность за него, отстранить кровавую мечь. Этотъ порядокъ нормируется слѣдующимъ положеніемъ: «No one is to be killed on account of another but a murderer; neither for a share of galanas, nor any thing else». Во всякомъ случаѣ, это было лишь исключеніе изъ общаго правила. Детальное зна-

комство съ постановленіями этого права приводитъ къ убѣжденію, что «galanas» представляло собою не средство въ рукахъ убійцы откупиться, а выкупъ всего рода. Въ тоже время интересна роль женщинъ во всемъ этомъ. Женщины должны только платить штрафы, а не получать ихъ, на томъ, именно, основаніи, что отъ нихъ могутъ родиться въ будущемъ дѣти. Отсюда, женщины бездѣтныя освобождались отъ обязанности вносить свою денежную лепту. Въ этомъ же смыслѣ освобождались отъ кровавой мести лица духовнаго званія, какъ не имѣющіе и не могущіе имѣть потомства, среди котораго могли бы отыскаться кандидаты на кровавую месть. Дѣти, въ возрастѣ менѣе четырнадцати лѣтъ не принимали въ кровавой мести никакого участія, ни пассивнаго, ни активнаго. Отъ нихъ не принимались никакія деньги въ случаѣ, если родственникъ оказался убійцею, и имъ запрещали принимать какія либо деньги за убитаго родственника.

Есть одна привлекательная черта даже въ этой мрачной картинѣ. Дѣло въ томъ, что кто неспособенъ къ уплатѣ выкупа, тому помогаетъ родня, даже если она не обязана по принятымъ порядкамъ участвовать въ выкупѣ. Человѣкъ, не имѣющій средствъ къ уплатѣ требуемой контрибуціи, обходитъ всѣхъ съ провожатымъ, и если кто не можетъ подъ присягою подтвердить, что онъ не принадлежитъ ни къ одному изъ четырехъ родовъ, отъ которыхъ происходитъ виновникъ убійства, тотъ долженъ внести за него выкупъ. Эта мягкая, гуманная черта встрѣчается также и въ Германіи, гдѣ само народное собраніе нерѣдко дѣлало въ пользу такихъ лицъ взносы. Но что въ Германіи было только въ обычаѣ, то здѣсь—въ Валлисѣ стало правомъ.

Слѣдуетъ также упомянуть, что для уплаты или взноса денежнаго штрафа существовали сроки: требовалось, чтобы

въ теченіе двухъ недѣль штрафы были распределены между лицами, обязанными ихъ платить, а въ теченіе четырехъ недѣль—выплачены. При этомъ, родственники со стороны отца должны были выплатить приходящіяся на ихъ долю $\frac{2}{3}$ въ два срока, а родственники со стороны женской должны были внести свою $\frac{1}{3}$ въ слѣдующій третій срокъ. Таковъ, именно, духъ постановленій законодательства Howel'я Добраго, съ именемъ котораго связывается обыкновенно основное законодательство Валлисское, изложенное въ трехъ кодексахъ: «Wenedotian, Dimetian, Gwentiau Code».

Такимъ образомъ, все изложенное свидѣлствуетъ, что всюду принято было не взаимное ручательство индивидуумовъ, а ручательство рода за родъ, вылившееся только постепенно въ индивидуальную виновность. Эта общая система денежной отвѣтственности беретъ свое начало въ тѣ времена, когда кровавая месть практиковалась между семьями. Такъ продолжалось дѣло до момента полного пресыщенія ею, когда она и вылилась въ систему выкуповъ, долженствовавшихъ осуществлять тѣ же цѣли, что и она. Начиная отъ правъ африканскихъ народовъ и вплоть до индогерманскаго права Кельтовъ и Германцевъ, проходитъ всюду та руководящая правовая мысль, что вся семья убійцы отвѣчаетъ своею кровью, тогда какъ вся семья убитаго несетъ знамя кровавой мести; начиная отъ «merbat» и «gekba» африканскихъ племенъ и примирительныхъ договоровъ ирландцевъ, кимвровъ, франковъ и саксонцевъ встрѣчаемъ мы въ правѣ одинъ и тотъ-же кровавый потокъ въ различныхъ только формахъ своего развитія. Наконецъ, какъ у нѣкоторыхъ народовъ Африки вина убійцы признается смытою тѣмъ, что онъ отдаетъ свою дочь за мужъ за сына убитаго, такъ и въ Германіи и Италиі брачный поцѣлуй служить символомъ окончанія стародавней

вражды многихъ генерацій на вѣки вѣчныя. Только позднѣе и постепенно судебное преслѣдованіе убійцы заступаетъ мѣсто самосуда, бывшаго, какъ извѣстно, въ одно и тоже время и правомъ и обязанностью, имъ санкціонированною.

Особенный интересъ представляетъ право грековъ. Въ драматическомъ миѣѣ объ Орестѣ мы находимъ типическое воспроизведеніе идеи кровавой мести и мрачную картину мстительной вражды между родами. Въ правѣ грековъ, также какъ и у другихъ народовъ, убійца подлежалъ закону кровавой мести. Мстителемъ былъ обыкновенно близкій родственникъ убитаго. Какъ въ моисеевомъ правѣ, такъ и въ правѣ грековъ, дѣйствовало тотъ категорическій императивъ, по которому за пролитую кровь должна быть пролита кровь. Преслѣдованіе убійцы считалось самою высшею этической обязанностью. Вслѣдствіе этого обыкновенно убійца не оставалось ничего другаго, какъ бросить все свое добро, покинуть родину и искать себѣ спасенія отъ оружія преслѣдователя бѣгствомъ въ чужую страну. При этомъ первоначально не обращали никакого вниманія на то, было-ли убійство умышленнымъ или невольнымъ, противоправнымъ или-же учиненнымъ въ необходимой оборонѣ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ родственники убитаго могли потребовать выкупа, хотя есть данныя предполагать, что это имѣло въ дѣйствительности мѣсто скорѣе во второмъ, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Греческая сага, представляетъ въ этомъ отношеніи много любопытныхъ чертъ, рисующихъ культурный бытъ той эпохи. Такъ, было въ порядкѣ вещей, чтобы убійца поступалъ въ рабство къ семьѣ убитаго имъ и отслуживалъ-бы такимъ путемъ свой долгъ. Это напоминаетъ намъ обычай, существовавшій у многихъ народовъ, напимѣръ, евреевъ и малайцевъ, что женихъ погашалъ работой плату, которую онъ долженъ былъ платить за жену. Позднѣе и греческое право

стало различать умышленное и неумышленное убійство. Хотя въ эту пору по прежнему родственники убитаго могли требовать кровавой мести, и она еще оставалась правомъ и обязанностью оскорбленной семьи убитаго, но осуществленіе этого права перестало быть дѣломъ частныхъ лицъ и постепенно переходитъ въ вѣдѣніе учреждений государственной юстиціи. Съ этихъ поръ понятіе мстителя замѣняется понятіемъ жалобщика или обвинителя, и въ Аѣинахъ дѣло объ умышленномъ убійствѣ подлежало вѣдомству высшаго судилища, называвшагося ареопагомъ, а дѣла о неумышленномъ—суду эфетовъ. Такого, по крайней мѣрѣ, было общее правило, изъ котораго, впрочемъ, было не мало исключеній. На убійство ненамѣренное смотрѣли какъ на такое, которое допускаетъ возможность возмѣщенія вреда. Лицо, въ немъ виновное, обязано было отправиться на нѣкоторое время въ ссылку. Обыкновенно она продолжалась до тѣхъ поръ, пока не выработается убѣжденіе въ томъ, что убійца искупилъ свою вину. Если обратиться къ Платону, то увидимъ, что у него убійца обязанъ отправиться въ чужую страну на одинъ годъ, но было-ли это также и по аѣинскому праву, или же продолжалось такое изгнаніе до примиренія пострадавшихъ съ виновнымъ и, слѣдовательно, было неопредѣленнымъ по времени,—это все въ литературѣ вопросы спорныя. Мы полагаемъ, что въ теченіе установленнаго срока примиреніе допускалось и, что, въ тоже время, по истеченіи такого срока, заинтересованныя лица должны были согласиться на примиреніе «ex arbitrio boni viri». Погашающая сила такого срока для примиренія при «ἀκούσιον φόνοισι» подтверждается и Демосфеномъ. Что касается до убійства умышленнаго, то оно считалось недопускающимъ примиренія съ виновнымъ въ немъ лицомъ. Вымогательство денегъ у убійцы запрещалось подъ страхомъ наказанія; само государство при-

водило надъ нимъ въ исполненіе свой смертный приговоръ. Согласно Демосфену, мстителъ или жалобщикъ могъ также, если хотѣлъ, присутствовать при казни. Если-же, какъ это обыкновенно дѣлалось, убійца обращался въ бѣгство, — а это было его правомъ, — то онъ навсегда лишался права вернуться назадъ; съ появленіемъ его на родинѣ, онъ объявлялся подлежащимъ по прежнему кровавой мести и обрекался на смерть. За предѣлами родной земли, по крайней мѣрѣ по началамъ Аттики, кровавая месть на него не распространялась. Требовалось только чтобы онъ не находился въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно собираются общія народныя собранія эллиновъ и гдѣ ему можно было встрѣтить согражданъ. Таковъ, именно, духъ положенія аттического права по этому предмету. Общее греческое право не такъ было мягко и нерѣдко бѣглецу отказывали въ правѣ убѣжища. Иллюстраціей, вообще, духа греческаго права въ разсматриваемой области можетъ служить одно позднѣйшее рѣшеніе аѳинскаго суда. Одна женщина убила мужа и сына, но сдѣлала это потому, что они убили ея сына отъ прежняго брака ея. Ее прямо не оправдали, но судъ опредѣлилъ, чтобы по прошествіи ста лѣтъ стороны опять явились въ засѣданіе его.

Такимъ образомъ, идея кровавой мести дожила до самыхъ позднихъ временъ греческой жизни. Напримѣръ, у Демосфена приведенъ одинъ законъ, который позволяетъ намъ бросить самый глубокій взглядъ на прежніе греческіе правовые порядки въ интересующей насъ сферѣ. Согласно этому закону, въ случаѣ убійства какого нибудь аѳинянина въ чужой странѣ, родственникамъ его дозволяется захватить въ плѣнъ родственниковъ убійцы, не больше трехъ людей, и держать ихъ въ плѣну до тѣхъ поръ, пока они не представятъ выкупа или выдадутъ виновника. Очевидно, что этотъ законъ переноситъ

суть насъ въ такую эпоху, въ которую была ответственною за кровавое дѣло виновника вся родня его или даже цѣлая общественная среда. Обычай плѣненія родственниковъ виновнаго есть лишь тѣнь того стариннаго права кровавой мести, по которому убійство, кѣмъ либо учиненное, имѣло своимъ послѣдствіемъ настоящую войну со всѣмъ родомъ и даже съ цѣлымъ племенемъ виновнаго.

Таже идея кровавой мести весьма явственно проникаетъ и положенія римскаго права. Это видно изъ того преимущества, какое оно оказывало близкимъ родственникамъ убитаго при обвиненіи (Accusatio), т. е. при уголовно-судебномъ преслѣдованіи убійцы. Именно, лица, которыя по причинѣ своего возраста, пола, состоянія, личныхъ своихъ отношеній, обыкновенно, не допускались къ участию въ обвиненіи, — въ случаяхъ, когда дѣло шло объ убійствѣ челоуѣка имъ близкаго, допускались въ качествѣ обвинителей. На нихъ въ данномъ случаѣ смотрѣли не какъ на представителей общественнаго интереса въ широкомъ смыслѣ слова, а какъ на людей, выступающихъ на обличительную трибуну въ качествѣ потерпѣвшихъ, лично и частно заинтересованныхъ въ обвиненіи виновнаго. Страшное зло, причиненное близкому имъ лицу, считалось какъ бы причиненнымъ имъ самимъ. Вотъ почему, въ этихъ случаяхъ въ роли обвинителей могли выступать и женщины.

Абсолютный характеръ кровавой мести, какъ обязанности проливать кровь за пролитую кровь, выступаетъ особенно рельефно въ извѣстномъ положеніи римскаго права, по которому послѣдникъ, не преслѣдующій лицо, причинившее смерть наследодателю, объявляется неспособнымъ къ принятію оставленнаго наследства и не можетъ пользоваться преимуществами, предоставляемыми наследнику. Мстить за насильственную смерть наследодателя считается дѣломъ почетнымъ: «По-

uestati enim heredis convenit, qualemcumque mortem testatoris inultam non praetermittere». «Cum fratrem tuum veneno peremptum esse adseveras, ut effectus successionis ejus tibi non auferatur, mortem ejus ulcisci te necesse est». Таково положеніе классическаго римскаго права, такимъ оно осталось вплоть до позднѣйшихъ моментовъ его жизни. Этому порядку вещей соответствовало и то, что если даже обвиненіе было расшатано, лицо, возбудившее преслѣдованіе, считалось совершенно обезпеченнымъ отъ предъявленія къ нему самому обвиненія въ клеветѣ. При этомъ, конечно, исходили изъ соображенія, что лицо исполняло такую обязанность, которая признана правомъ, и что не онъ самъ по доброй волѣ навязалъ себѣ роль обвинителя.

Такимъ образомъ, и римское право уплатило свою дань требованіямъ весьма древней идеи кровавой мести.

Но въ то время, какъ право моисеево, греческое и римское возвысились до того пункта, что признали заслуживающимъ искупленія только одного виновника, а не его семью, въ правѣ германскомъ семейно-правовой характеръ кровавой мести удержался въ полной силѣ и неограниченномъ объемѣ. Даже система выкуповъ («вергельда»), извѣстная германскому праву, не могла быть индивидуальною по своимъ послѣдствіямъ, т. е. не поражала въ конечномъ своемъ результатѣ только лицо виновное. Изстари заведенъ былъ въ Германіи такой обычай, что вся семья участвовала въ собираніи «вергельда», точно также, какъ и наоборотъ, таковой получала семья убитаго, причѣмъ дѣлежъ производился на основаніи нерѣдко весьма сложныхъ правилъ. Конечно, и въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, болѣе близкіе родственники ставились въ значительно лучшее положеніе, чѣмъ родственники дальніе и имѣли право на извѣстное «Præcipium». Позднѣйшій процессъ

развитія германской жизни показало, что эта особенность не случайнаго характера или чисто германская, что повсюду на извѣстной ступени культуры примиреніе между врагами есть дѣло общее для семействъ обѣихъ сторонъ, что въ покупкѣ мира на деньги принимаютъ участіе опредѣленнымъ организованнымъ образомъ члены всѣхъ заинтересованныхъ семействъ.

Что у германцевъ кровавая месть была дѣломъ семейнымъ, что до опредѣленной степени родства она обнимала всѣхъ членовъ заинтересованныхъ семей—активно и пассивно—это лучше всего усматривается изъ знакомства съ саксонскимъ народнымъ правомъ. Въ немъ ясно и категорически выражено правило, по которому кровавая месть допустима не только по отношенію къ виновнику, но и по отношенію къ его родственникамъ. И насколько здѣсь спорны и сомнительны частности вопроса, настолько не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній общій духъ закона. Съ этой точки зрѣнія, хотя по вопросу о распредѣленіи «буссы» и «вергельда», т. е. о распредѣленіи денежной суммы, пополняющей выкупъ, между членами семьи, и возникаютъ въ историко-юридической литературѣ нѣкоторыя затрудненія, но всѣ онѣ не могутъ подорвать ясности руководящаго принципа. Вообще, все это было дѣло заинтересованныхъ семействъ, которыя возбуждали вопросъ о кровавой мести и разрѣшали его. Таковы, именно, порядки у фризовъ, саксонцевъ, франковъ. Въ Салическомъ народномъ правѣ франковъ раздѣлъ «вергельда» для активной стороны производится такимъ образомъ, что вся сумма дѣлится пополамъ: одну половину получаютъ сыновья убитаго, другую—родственники по отцу или матери. Раскладка-же вергельда для пассивной стороны имѣетъ значеніе вспомошествованія со стороны родственниковъ виновнаго, какъ то можно видѣть изъ извѣстнаго титула Салическаго закона о «chge-

pecuda». Кто не въ состояніи платить своего выкупа, тотъ долженъ отречься отъ своего имущества. Для этой цѣли практиковался слѣдующій интересный обрядъ: лицо, заявившее въ такихъ случаяхъ себя несостоятельнымъ, отправлялось въ свой домъ, собирало по угламъ его пыль и, стоя у порога, бросало ее черезъ плечи свои на дворъ. Если, затѣмъ, близкіе родственники не могли ему помочь и выручить его изъ бѣдственнаго положенія, то на помощь приходили родственники дальніе въ извѣстной постепенности и въ извѣстномъ кругу: «tres de generacione matris, tres de generacione patris». (Lex Salica, 58). Если-же и изъ нихъ никто не былъ въ состояніи его выручить, то о положеніи его доводили до всеобщаго свѣдѣнія въ теченіе четырехъ разъ въ мѣстахъ, гдѣ собирались суды; въ случаѣ, если никто не отзывался, его ждала уже вѣрная смерть и онъ попадалъ всей силѣ кровавой мести. Мы видимъ, такимъ образомъ, что вышеуказанныя смягченныя начала другихъ правовыхъ порядковъ сюда еще не проникли.

Нельзя не замѣтить, что бывали попытки обойти эти суровые порядки. Нерѣдко, именно, прибѣгали къ выходу изъ состава семьи, какъ къ своего рода средству свалить съ себя непріятную обязанность участвовать въ выкупѣ за вину другого. Такой порядокъ, если припомнимъ, былъ въ правѣ ирландскомъ, гдѣ семья исторгала опаснаго члена изъ своей среды. Праву ирландскихъ Франковъ не извѣстна даже дополнительная взаимная отвѣтственность членовъ семьи, и одинъ законъ Хильдеберта II, въ концѣ VI вѣка, категорически запретилъ родственникамъ виновнаго вносить свою лепту: «nullus de parentibus aut amicis ei quicquam adjuvet». Точно также на полученіе денежнаго вознагражденія имѣли право только наследники убитаго. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ тю-

рингскій законъ, по которому всякій получающій наследство, перенимаетъ также на себя и кровавую месть, а съ нею и право на полученіе денежнаго вознагражденія. Такимъ образомъ, кровавая месть была локализована и индивидуализирована. Тоже встрѣчаемъ мы и у Лонгобардовъ, у которыхъ наследникъ считался носителемъ или субъектомъ мести, за немногими только исключеніями. Усилія лонгобардскихъ королей искоренить обычай кровавой мести были также безплодны, какъ и попытки ихъ вывести изъ обычая судебный поединокъ. Попытки эти заключались въ установленіи композиціонныхъ началъ, т. е. выкупа. Дѣйствительно законы лонгобардскихъ королей предписывали, чтобы въ случаяхъ *ненамѣренного* убійства съ виновнаго брали выкупъ, вмѣсто кровавой съ нимъ расправы. Моментъ ненамѣренности убійства, *невинности* лица является пунктомъ эволюціи въ ходѣ развитія института кровавой мести, пунктомъ поворота отъ стараго права къ новому: въ то время какъ право старое не отбѣняло вопроса о виновности лица, въ правѣ новомъ ригоризмъ, присущій кровавой мести, прежде всего разбивается о такіе случаи, въ которыхъ съ очевидностью выступаетъ невинность лица. На этой почвѣ и протягиваетъ впервые свою руку кровавая месть денежному выкупу.

Другимъ существеннымъ прогрессомъ въ процессѣ развитія института кровавой мести является установленіе публичною властью «*treuva*», т. е. принужденіе субъектовъ враждебныхъ и ненавистническихъ другъ другу отношеній къ временному сложенію оружія. Это, властью навязанное, состояніе покоя, вносившее нѣкоторую твердость и увѣренность въ терроризированную общественную жизнь, эта «*treuva*» являлось нерѣдко предвѣстникомъ примиренія. Въ этомъ отношеніи сходно и бургундское право, съ тою только разницею, что въ

немъ, въ измѣненіе прежнихъ правовыхъ порядковъ, случайное убійство было объявлено вполне безответственнымъ: «*quod casus operatur non debet ad dampnum aut inquietudinem hominis pertinere*». Здѣсь сказывается вліяніе римскаго права. Съ другой стороны, одновременно съ побѣдоноснымъ вліяніемъ идеи публичнаго уголовного права, расчищаетъ себѣ путь идея безответственности невиннаго родственника смертоубійцы: «*interfecti parentes nullum nisi homicidam persequendam esse cognoscant: quia sicut criminisum jubemus extingui, ita nihil molestiae sustinere patimur innocentem*». Тоже самое встрѣчаемъ мы и въ правѣ вестготовъ, которое представляется значительно прогрессивнымъ въ попыткахъ сообщить наказанію болѣе современный характеръ. Здѣсь категорически высказывается то положеніе, что наказаніе должно поражать только виновника, но никакъ не его семью: *Omnia crimina suos sequantur auctores. Nec pater pro filio, nec filius pro patre, nec uxor pro marito—nec propinquus pro propinquo ullam calumniam pertimescat*. Въ остальномъ, впрочемъ, остается еще прикосновенность родственниковъ, и право вестготовъ предоставляетъ ближайшимъ родственникамъ убитаго, въ особенности супругъ его, преимущественное право публичнаго обвиненія, а въ случаѣ, если эти лица медлятъ въ предъявленіи послѣдняго, это право переходитъ и къ дальнѣйшимъ родственникамъ, даже къ третьимъ лицамъ. Если-же и съ ихъ стороны не было ничего предпринято, то судъ самъ, по должности, «*ex officio*», можетъ вмѣшаться въ дѣло и привлечь виновнаго къ уголовной ответственности. Это ужъ крайній этапъ въ исторіи развитія института кровавой мести. Въ этомъ пунктѣ своего развитія она поглощается государственнымъ уголовнымъ правомъ, хотя, конечно, слѣды отжившихъ воззрѣній все-же еще попадаются.

Такъ, если виновнику удалось, по учиненіи убійства, скрыться куда нибудь, то хотя онъ выдачѣ и подлежитъ, но ему обѣщаютъ подарить жизнь. Въ случаѣ, если выдача имѣла мѣсто, онъ отдается въ распоряженіе родни убитаго, которой предоставлено право, отнюдь не лишая его жизни, поступать съ нимъ по своему усмотрѣнію: «*ut salva tantum anima, quidquid de eo facere voluerint, habeant potestatem*».

Однако было бы большою ошибкою думать, что, съ исчезновеніемъ народнаго права, исчезло также право кровавой мести: оно продолжало существовать и послѣ. Правда, известная часть законодательства отрѣшилась отъ отжившей точки зрѣнія, но этотъ прогрессъ связанъ съ дѣятельностью нѣкоторыхъ только выдающихся умовъ. Въ обычномъ же правѣ страсть къ мести была санкціонирована, продолжала процвѣтать, находясь всецѣло подъ обаяніемъ старинныхъ идей. Очевидно, обаяніе это было слишкомъ мощнымъ для того, чтобы было возможно однимъ ударомъ сокрушить отжившіе порядки. Кровавая месть захватываетъ даже большую часть среднихъ вѣковъ, а въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ мы встрѣчаемъ ее въ XV и XVI столѣтіяхъ. При этомъ любопытно, въ особенности, то, что въ Швейцаріи кровавая месть и преслѣдованіе виновныхъ передъ судами уживаются альтернативно другъ возлѣ друга. Избраніе одного пути лишало заинтересованныхъ лицъ права на другой путь: или самосудъ, или судъ. Вплоть до XVI-го вѣка бывали въ Швейцаріи примѣры такихъ судебныхъ рѣшеній, въ силу которыхъ, точно также, какъ это было въ правѣ разныхъ мусульманъ, лицо, виновное въ убійствѣ, отдавалось въ распоряженіе родни убитаго. Это бывало въ такихъ именно случаяхъ, когда виновникъ убійства не являлся на судъ или обращался въ бѣгство. Примѣровъ же примирительныхъ договоровъ между родствен-

никами убитого и убийцею, исключавших кровавую месть и устранявших взаимную их вражду,—можно набрать бесчисленное множество. Только право власти требовать мира нѣсколько смягчало терроръ, вызываемый кровавою местию. Власть имѣла право требовать отъ заинтересованныхъ лицъ, подъ страхомъ наказанія, соблюденія мира и пріостановленія враждебныхъ отношеній. Виновный въ несоблюденіи этого правительственнаго требованія подвергался тяжкому наказанію. Это соотвѣтствуетъ «*treuam fegge*» у лонгбардовъ и «*trève imposée*» у французовъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Нерѣдко въ теченіе этого вынужденнаго правительствомъ мира наступало формальное примиреніе между заинтересованными лицами.

Долго въ теченіе среднихъ вѣковъ удерживается въ Германіи, какъ и въ Голландіи, идея кровавой мести. У фризовъ и у народовъ нижней Саксоніи кровавая месть вплоть до XV вѣка имѣла значеніе правового института и даже, когда онъ исчезъ, можно было еще долго послѣ этого найти въ народномъ правосознаніи его слѣды. Живые свидѣтели сохранившейся идеи кровавой мести — это договоры о выкупахъ между заинтересованными лицами. Договоры эти обязывали виновнаго или къ представленію денежнаго вознагражденія, или къ церковному покаянію, или къ разнымъ унижительнымъ для его чести и самолюбія обрядамъ. Въ нѣкоторыхъ германскихъ правовыхъ сборникахъ мы встрѣчаемъ требованіе, обращенное къ убійцѣ, чтобы онъ бѣжалъ отъ кровавой съ нимъ расправы, причемъ, если онъ примирился съ заинтересованною стороною, ему никто не долженъ мѣшать возвратиться на родину.

Отпрыскомъ идеи кровавой мести является такъ называемое *Fehderecht*, «*право вражды*» — средневѣковый обычай, заключившійся въ правѣ открыто вступать въ враждебныя, непріяз-

ненные отношенія. Одно время въ литературѣ пытались провести различіе между этимъ правомъ и правомъ кровавой мести. Указывали на то, что право это, въ отличіе отъ послѣдняго, было дополнительнымъ средствомъ возстановлять свои юридическія притязанія въ тѣхъ случаяхъ, когда суды не приходили на помощь. Мнѣніе это можетъ быть признано только относительно вѣрнымъ. Оно вѣрно, поскольку такъ называемый «Земскій миръ» (*Landfrieden*), запрещая самопомощь или личную месть, допускалъ ее въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ суда нельзя было добиться своего права. Въ такихъ случаяхъ самопомощь прямо указывалась лицу, какъ нормальный и неизбѣжный образъ его поведенія. И Шекспиръ — попутно пока замѣтимъ это — удачно подчеркнул такое положеніе въ своемъ «Королѣ Ричардѣ III» (II, 3). Таковъ, именно, «Земскій миръ» 1235 года. Нельзя, однако, не замѣтить, что всѣ подобныя законодательныя предписанія оставались только на бумагѣ. Привычка къ кровавому самосуду настолько прочно водворилась въ германской душѣ, что ее не искоренилъ даже извѣстный «вѣчный земскій миръ». Кровавая месть была живымъ, энергическимъ отголоскомъ социальнаго правосознанія, получившимъ тѣмъ болѣе правовое значеніе, чѣмъ менѣе законодательное право того времени обладало нужнымъ авторитетомъ для того, чтобы завоевать себѣ господствующую роль въ правопорядкѣ. Вотъ почему, невозможно подвергать одной и той же правовой оцѣнкѣ людей, прибѣгавшихъ для возстановленія своего поправнаго права къ кровавой мести, и грабителей на столбовой дорогѣ или же рыцарей разбойническихъ походовъ. Нельзя приписывать законодательному праву того времени, отличавшемуся недостаточностью государственной энергии, такое же значеніе въ правовой жизни, какое мы придаемъ законодательному праву нашихъ дней.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ народной практикѣ удержалась кровавая месть, вопреки всѣмъ стремленіямъ и усиліямъ законодательныхъ предписаній о мирѣ, которыя не были въ силахъ потушить пылавшій въ душахъ огонь и были поэтому вынуждены сдѣлать противныя своей цѣли уступки.

Кровавая месть оказала многозначительное вліяніе на правовую жизнь. Такъ, изъ системы кровавой мести было позаимствовано положеніе средневѣковаго права, по которому должникъ могъ быть освобожденъ и помилованъ лишь съ согласія пострадавшихъ лицъ. Положеніе это мы находимъ въ Швабскомъ зеркалѣ, въ шеффенскомъ правѣ, въ германскомъ имперскомъ правѣ, гдѣ оно отражается въ цѣломъ рядѣ опредѣленій. Оно не было чуждо праву итальянскому. Только мало по малу, постепенно право помилованія начинаетъ эмансипироваться отъ личной воли потерпѣвшаго и переходитъ къ государственной власти, простирающей свою прощающую руку надъ головою виновника, независимо отъ воли потерпѣвшихъ и не взирая на то, что въ груди послѣднихъ клокочетъ пламя мести. Въ этомъ заключается главный триумфъ государственной власти надъ родовымъ бытомъ, одна изъ главныхъ побѣдъ государственнаго правопорядка надъ стихійнымъ обычнымъ правомъ, въ которомъ вѣчно поддерживалось пламя мести и вражды. Побѣда эта совершилась медленно, но зато вѣрно и неуклонно. Ее можно прослѣдить въ саксонскомъ правѣ и въ другихъ.

Еще и въ другихъ формахъ можно распознать всю силу, присущую старой идеѣ кровавой мести. Первоначально сами жалобщики приводили въ исполненіе наказаніе надъ виновнымъ. Позднѣе эту задачу беретъ на себя судъ. Но въ послѣднемъ еще долго видѣли только пособника жалобщика, своего рода органъ, дѣйствующій отъ имени послѣдняго. Судъ, постано-

вившій рѣшеніе по дѣлу, помогаль жалобщику привести его въ исполненіе. Отсюда явилась необходимость обезпечить жалобщику безопасность отъ мести противъ него со стороны родственниковъ осужденнаго, надъ которымъ было приведено въ исполненіе рѣшеніе суда. Въ этихъ видахъ суды постановляли спеціальныя предписанія мира, въ силу которыхъ жалобщикъ или мститель могъ себя считать въ безопасности отъ встрѣчной мести со стороны семьи осужденнаго. Въ соотвѣтствіи съ этимъ порядкомъ вещей на жалобщика возлагалась обязанность платить палачу. Таково, напримѣръ, любопытное постановленіе аугсбургскаго городского права: «*swer in danne bereit hat der sol im (т. е. палачу) gaeben ein swert daz funf schillinge waert si oder funf schillinge*». Отголоскомъ системы мести является и то, что по саксонскому зеркалу, въ случаяхъ убійства ненамѣреннаго, родственникамъ жертвы вносился выкупъ, даже если событіе имѣло мѣсто въ состояніи необходимой обороны. Конечно, это обстоятельство никого не можетъ повергнуть въ недоумѣніе, ибо и системѣ кровавой мести, и системѣ выкупа принятіе въ расчетъ субъективной стороны преступнаго дѣянія, оттѣнковъ виновности было совершенно чуждо.

Переходя, затѣмъ, къ странамъ не нѣмецкимъ, но въ которыхъ дѣйствовало право германское, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ итальянскихъ статутахъ личная месть предполагается во всѣхъ ея формахъ, какъ вполне обычное явленіе, и только способы ея исполненія регулируются. Статуты эти говорятъ намъ о вызовахъ, о «*diffidancia*», вмѣшательствѣ власти и т. д.; ихъ интересуютъ послѣдствія мести (*vindicta*), денежная сторона положенія, ею обусловленнаго, порядокъ помилованія виновнаго, которое могло состояться лишь съ согласія потерпѣвшихъ лицъ. Послѣднее, какъ законодательное опредѣленіе, защищалось и итальянскими кримина-

листами и оберегалось практикою. Въ наказаніи видѣли тогда средство удовлетворенія потерпѣвшихъ лицъ, ихъ право, котораго они не могутъ быть лишены противъ своей воли. Отъ помилованнаго требовали, чтобы онъ уходилъ въ далекіе края въ изгнаніе и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не состоится примиреніе.

Желаніе призвать враждующія стороны къ миру и всѣчески помѣшать пролитію крови виновныхъ сквозить ясно и въ фландрскихъ городскихъ правахъ. Власть нерѣдко пыталась обезпечить миръ путемъ взятія заложниковъ и учрежденія мѣсть для примирительнаго судебного разбора. Варнкэнигъ, въ сочиненіи котораго приведены документальныя доказательства изложенному, цитируетъ одинъ интересный актъ мировой сдѣлки, относящійся къ 1437 году, между братомъ убитаго и тремя убійцами. Главная сцена, судя по заключенной между ними сдѣлкѣ, разыгрывается въ церкви и завершается поцѣлуемъ примирившихся враговъ. Эта сцена, составляющая сущность всѣхъ подобныхъ договоровъ, поразительно напоминаетъ порядки Албанцевъ и Черногорцевъ. Смертоубійство, учиненное въ порывѣ кровавой мести, считалось тогда прекраснымъ поступкомъ, «beau fait», въ отличіе отъ поступка позорнаго, «vilain fait». Еще въ XV вѣкѣ въ Намюрѣ былъ признанъ невиновнымъ мститель, учинившій среди указанныхъ обстоятельствъ смертоубійство. Мало того, Намюрскіе народные судьи-шеффены потрудились даже разрѣшить вопросъ о томъ, кто среди многихъ претендентовъ долженъ быть признанъ законнымъ главаремъ кровавой мести — *chief-tain de la guerre*.

Особенно поучительно право французское. У Бомануара мы видимъ ужасную картину «права вражды» (*Fehderecht*) въ его время. Картина эта тѣмъ интереснѣе, что Бомануаръ,

этотъ величайшій изъ кутюмистовъ — набросалъ ее со свойственными ему наивностью и ясностью. Право вражды, закономъ освященное, принадлежитъ людямъ благороднымъ (*gentilshommes*), знати. Привиллегію эту не имѣютъ «gens de poeste» и «borgois». Это привиллегія «gentilshons». Наказаніе государственное и личная кровавая месть вполне уживаются рядомъ. Хотя первое, по духу права, исключаетъ вторую, но послѣдняя жила несокрушимо въ народномъ сознаніи и была очень популярна. «Файда» — т. е. закономъ санкціонированное право вражды, со всѣми его послѣдствіями, была не индивидуальною, а семейною. Она охватывала всѣхъ родственниковъ виновнаго вплоть до четвертаго колѣна, а прежде даже и до седьмого, причемъ счетъ этотъ производился по каноническимъ принципамъ. Единственнымъ мягкимъ штрихомъ въ этой картинѣ было то, что родственникъ, не принявшій никакого участія въ учиненіи преступленія, могъ себя подъ присягою освободить отъ порожденныхъ преступленіемъ ненавистническихъ отношеній. Присяга эта называлась «*Forjurement*». По содержанію своему она сводилась къ удостоверенію родственникомъ убійцы своей невиновности. По принятіи такимъ лицомъ присяги, вожаки враждебныхъ отношеній заключали миръ. Вожаки эти назывались: «chefs» и «*quievetains de la guerre*». Ихъ постановленіе о мирѣ имѣло обязательную силу и для другихъ членовъ «файды». Если-же эти послѣдніе не раздѣляли этого постановленія, то они образовывали свою самостоятельную «файду» и могли уже тогда предпринимать шаги, какіе имъ покажутся нужными.

Крупнымъ прогрессомъ публичной власти явилось предписание, на основаніи котораго суды получали право принуждать стороны къ прекращенію вооруженнаго состоянія и къ заключенію мира даже въ случаяхъ односторонняго заявленія

о томъ. Первые зачатки этого прогресса мы встрѣчаемъ уже во времена Бомануара, когда подвергался изгнанію тотъ, кто игнорировалъ приглашеніе суда къ примиренію. Людовикъ Св. пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше и разрѣшилъ публичной власти вмѣнять сторонамъ въ обязанность жить въ мирѣ въ теченіе пяти лѣтъ, даже если о томъ не послѣдовало заявленія. Къ успіямъ свѣтской власти присоединились въ томъ-же направленіи и успія церкви, не разъ требовавшей, во имя Бога, чтобы заинтересованныя лица перестали враждовать и жили бы въ мирѣ. Эта была — «*treuga dei*». Этотъ энергичный походъ противъ кровавой мести и фиды имѣлъ въ своемъ основаніи идею, значительно опередившую духъ своего времени, и не доступную массѣ, и поэтому результаты его въ дѣйствительной жизни были очень незначительны. Какъ дѣло обстояло въ дѣйствительной жизни—это иллюстрируетъ интересное сообщеніе Бомануара. Прежде, повѣствуетъ онъ, когда кто нибудь учинялъ смертоубійства, родственники убитаго безъ долгихъ разсужденій захватывали въ плѣнъ перваго попавшагося имъ въ руки члена семьи убійцы и расправлялись съ нимъ по своему, хотя бы даже онъ не имѣлъ никакого понятія о случившемся убійствѣ. Этимъ обстоятельствомъ и былъ вызванъ къ жизни ордонансъ Филиппа Августа, коимъ предписывалось, чтобы лица, не участвовавшія въ учиненіи преступленія, въ теченіи сорока дней наслаждались полнымъ миромъ. Лишь по истеченіи этого срока допускалось и по отношенію къ нимъ легальное право пользованія оружіемъ. Это знаменитая — «*Quarantaine le Roy*». Понятно, что въ теченіи этихъ сорока дней лица, не участвовавшія въ дѣлѣ, могли предпринимать къ обезпеченію себя отъ кровавой мести разные шаги, вносить деньги врагамъ или отдѣлаться отъ всего дѣла присягою. Одинъ уже фактъ изданія этого

закона показываетъ, насколько прочно укоренилась въ народномъ сознаніи идея кровавой мести. Если же обратиться къ другимъ источникамъ французскаго права, какъ-то къ законодательнымъ памятникамъ Людовика Св., къ «*Livinge de Justice et de Plet*», къ различнымъ «кутюмамъ», то увидимъ, что сообщенное Бомануаромъ подтверждается вполне. Точно также соотвѣтствуетъ вполне сообщенію Бомануара духъ опредѣленій, которыя мы находимъ въ «*Leges Balduini*» отъ 1200 года. По нимъ предоставляется родственникамъ убійцы выпутаться изъ дѣла и вызываемаго имъ опаснаго для нихъ положенія посредствомъ присяги (*forjurement*). Если присяга ими принесена не была, то съ ними поступали, какъ съ виновникомъ самимъ. Но даже и въ такомъ случаѣ имъ не возбранялось приносить требуемую присягу въ теченіе года. Присяга эта состояла въ клятвенномъ удостовѣреніи, лица, что къ случившемуся убійству оно не причастно. Послѣ принесенія такой присяги, мстителю вмѣнялось въ обязанность гарантировать и обѣщать покой присягавшему (*assecurare*). Если своего обѣщанія мститель не исполнялъ, то на него самого смотрѣли какъ на убійцу, причемъ, однако, и ему предоставлялось право возобновить силу своего обѣщанія въ теченіе года.

Сдѣлаемъ теперь еще шагъ далѣе и заглянемъ на сѣверъ.

И у народовъ, разсѣявшихся по сѣвернымъ мѣстностямъ, можно ясно увидѣть старинную идею кровавой мести. Такъ, у англо-саксовъ не только отдѣльное лицо несетъ на себѣ всѣ невыгодныя ея послѣдствія, но и его родъ. Отсюда становится самъ собою понятенъ обычай выкупа, предлагавшагося всѣмъ родомъ. Такимъ образомъ, не только одинъ убійца долженъ былъ вносить за учиненное имъ преступленіе потребныя денежныя суммы, но и его семья обязана была это дѣлать.

Правило это было настолько абсолютно, что семья обязана была выплачивать приходящуюся на ее долю часть родового выкупа, даже в случае побѣга виновника или в случае, если его не простили, или, наконецъ, если съ нимъ не помирились представители противной стороны. По законамъ Эдмунда, община могла освободить себя отъ невыгодныхъ для нея послѣдствій обостренныхъ и ненавистническихъ отношеній сторонъ подл условіемъ отказа виновному въ убійствѣ лицу въ кровѣ и въ пропитаніи. Если община такъ и поступала, то въ такомъ случае всѣ невыгодныя послѣдствія указанного положенія падали на самого виновника и больше ни на кого. Въ общемъ, однако, отвѣтственность цѣлаго рода за преступленіе, однимъ представителемъ его учиненное, удержалась въ англосаксонскомъ правѣ, также какъ и въ ирландскомъ. Помимо всего этого, нѣкоторые случаи убійства объявлены были недопускающими примиренія сторонъ, такъ что отдача виновника на распоряженіе семьи пострадавшаго считалась дѣломъ вполне понятнымъ и нормальнымъ. Въ случаяхъ, въ которыхъ примиреніе допускалось, выкупъ распределялся въ строгой постепенности между членами рода убитаго, причемъ лица болѣе близкія къ нему получали еще особый задатокъ (*Habfang*).

Наиболѣе поучительнымъ является скандинавско-исландское право. Что сѣверная сага содержитъ въ себѣ ясныя указанія на кровавую месть — уже давно доказано въ литературѣ. Мы можемъ только подтвердить эту истину. Оказывается, въ самомъ дѣлѣ, что на Скандинавскомъ Сѣверѣ кровавая месть считалась самою священною обязанностью. До выполненія ее лицу, ею связанному, запрещалось получать наслѣдство и устраивать помпильныя трапезы. Человѣкъ, не отомстившій за убійство родственника, считался негодяемъ. Однимъ лишеніемъ жизни убій-

цы не довольствовались. Ему вырѣзывали языкъ, отсѣкали голову, старались извлечь какъ можно болѣе крови изъ его тѣла въ отместку за пролитую имъ кровь. Всѣ эти операціи обязана была выполнить въ первой линіи семья, къ которой принадлежалъ убитый. Сверхъ этого существовали еще особыя общества кровавой мести, члены которыхъ были связаны круговою другъ за друга порукою. Хотя христіанство и боролось противъ этого ужаснаго, правомъ освященнаго, обычая, но итоги этой борьбы были весьма незначительны и сама она велась очень медленно. Естественно, что для подавленія такого дикаго обычая нужны были цѣлыя столѣтія. Правда, въ сборникахъ права мы не встрѣчаемъ этой дикости во всей ея ужасной наготѣ, правда, что она здѣсь выступаетъ болѣе или менѣе прикрытою, но разглядѣть ее сквозь наброшенную на нее завѣсу все таки можно безъ труда. Такъ, въ известномъ исландскомъ сборникѣ права «*Graugaps*» кровавая месть, хотя и въ ограниченномъ объемѣ, выступаетъ, какъ институтъ, закономъ признаваемый и допускаемый и даже вмѣняемый, какъ обязанность. Правомъ кровавой мести могъ воспользоваться не только тотъ, чей родственникъ былъ убитъ, но и тотъ, которому были брошены въ лицо три самыхъ ужасныхъ, по понятіямъ того времени, ругательствъ: «*Ef madr kallag mann, raqan edr strodin etr sordinn*». Первое равносильно обвиненію въ трусости, въ ничтожествѣ, остальные заключаютъ въ себѣ обвиненіе въ противоестественныхъ наклонностяхъ (*muliebria passus*). Такое оскорбленіе давало оскорбленному право на кровавую месть. Въ другихъ болѣе легкихъ случаяхъ обиды, хотя также допускалась месть, но месть *in continenti*. Сила и значеніе самопомощи и самосуда скрываются, помимо того, еще и въ замѣчательномъ институтѣ исландскомъ «*lysing*». Сущность этого послѣдняго со-

стояла въ томъ, что лицо, потерпѣвшее или могущее такимъ сдѣлаться, заранѣе, на будущее время объявляло, въ торжественной формѣ, возможнаго виновника лишеннымъ всякаго общенія съ жизнью. Для этой цѣли всѣ третьи лица предупреждались не оказывать такому виновнику никакой поддержки. Но самымъ полнымъ и совершеннымъ отголоскомъ идеи кровавой мести являются мирные договоры о выкупахъ и лежація въ основаніи ихъ сложныя системы распредѣленія участія членовъ рода во взносѣ и полученіи выкупныхъ денегъ. Въ сборникѣ права, именуемомъ «Graugans», мы встрѣчаемъ формулы подобныхъ договоровъ (trygdamal). Каждый такой договоръ сопровождается проклятіями по адресу посягателя и нормируетъ, главнымъ образомъ, выкупы. Правила относительно активнаго и пассивнаго участія въ выкупѣ цѣлаго рода—весьма сложны въ такихъ договорахъ. Детальное, однако, изслѣдованіе ихъ представляется для насъ излишнимъ, почему мы и оставляемъ его въ сторонѣ. Для насъ главное въ этомъ вопросѣ то, что подобное широкое участіе семьи въ выкупѣ съ достаточною ясностью указываетъ намъ на такъ называемую «Vendetta transversa», на мсть со стороны одной семьи противъ другой семьи. И такъ какъ страсть мщенія вспыхивала прежде всего и конечно въ кругу лицъ, наиболѣе къ событію причастныхъ, то и выкупъ, какъ средство тушенія огня страсти, долженъ былъ распространяться на всю семью.

И норвежскимъ источникамъ права извѣстны многіе случаи, въ которыхъ виновникъ преступленія, немедленно по учиненіи таковаго, лишался въ извѣстномъ смыслѣ мира и безъ всякой правовой охраны отдавался на произволь мести. Къ такимъ случаямъ относились также тягчайшія оскорбленія личности на словахъ. Въ законѣ оговариваются особенно тѣ случаи этой категоріи, въ которыхъ дѣяніе учинено въ присут-

ствіи свидѣтелей и слѣдовательно наличность его не подлежитъ сомнѣнію. Изъ этого видно, что законъ смотритъ на кровавую мсть не какъ на порывъ беспорядочной индивидуальной страсти, а признаетъ ее законнымъ средствомъ возстановленія правъ, вполне правомѣрнымъ актомъ со стороны потерпѣвшаго. Съ убійцею предписывалось прервать всѣ сношенія и, въ особенности, предписаніе это должны были исполнять тѣ лица, которыя присутствовали при учиненіи имъ преступленія. Какъ видимъ, это вполне соотвѣтствуетъ духу вышеупомянутаго исландскаго института «lysing». Вмѣстѣ съ тѣмъ, и постановленія норвежскаго права ясно указываютъ намъ на старинную «Vendetta transversa», потому что въ немъ существовали такія-же сложныя правила распредѣленія активнаго и пассивнаго участія въ выкупѣ, которыя мы упомянули, говоря о правѣ исландскомъ.

Особенный интересъ представляютъ отношенія, въ какихъ находились другъ къ другу право помилованія, принадлежавшее коронѣ, и право кровавой мести частныхъ лицъ. Какъ разъ въ правѣ скандинавскаго сѣвера оба эти институты находятся въ коллизіи и, съ самаго начала, право короны не представляется настолько сильнымъ; чтобы поставить какія нибудь преграды старинному, вѣками освященному, праву семьи мстить личными своими силами за обиду, причиненную кому либо изъ ея членовъ. Въ законахъ Forsthathing встрѣчаются любопытныя опредѣленія, въ силу которыхъ помилованіе короля, хотя и можетъ обезпечить виновному спокойствіе, но не можетъ совсѣмъ поручиться ему за то, что родственники убитаго имъ лица будутъ себя вести по отношенію къ нему спокойно. Такимъ образомъ, виновникъ преступленія лишался общаго мира со стороны людей заинтересованныхъ. Потребовалось, вообще, много времени, пока въ этой борьбѣ

власти съ устарѣвшими общественными традиціями и обычаями перевѣсъ оказался на сторонѣ первой.

Яркую картину правовой жизни того времени даетъ намъ король Гаконъ Гаконарсонъ. Мы находимъ у него, между прочимъ, такое же указаніе, какое было выше приведено у Бомонуара относительно Франціи, — что въ его время было въ обычаѣ, что родственники убитаго хватали въ плѣнъ лучшаго изъ семьи убійцы, съ цѣлью учинить надъ нимъ кровавую расправу. При этомъ, нисколько не обращали вниманія на то, дѣйствительно-ли плѣнникъ участвовалъ въ учиненіи преступленія или вовсе не имѣлъ о такомъ никакого понятія. Король Гаконъ жалуется на то, что многіе уважаемые его подданные должны были, среди такихъ ненормальныхъ условій, погибать насильственною смертью — во пвѣтѣ своихъ лѣтъ, силъ и здоровья. Какъ видимъ, это вѣрная копія съ нарисованной нами картины изъ жизни арабовъ, кабилловъ и корсиканцевъ. Въ общемъ, это та-же жестокая, кровавая, ни съ чѣмъ не сообразующаяся месть, какую мы встрѣтили подъ жаркимъ небомъ Африки или Корсики. Впрочемъ, надо отдать должное королю Гакону: онъ вступилъ въ энергичную борьбу съ вопіющею несправедливостью и объявилъ всякое, учиненное при такихъ условіяхъ, убійство изъ мести преступленіемъ, которое никакое наказаніе не можетъ искупить. Это уже значительный шагъ впередъ по направленію отъ примитивнаго, звѣрскаго, кроваваго права къ индивидуальному уголовно-правовому обхожденію съ человѣческой личностью. Къ этому прогрессу примыкаетъ и то, что нѣкоторыя особенно тяжкія посягательства были объявлены «ubotamaí», т. е. изъятими изъ числа преступленій, по отношенію къ которымъ частная саморасправа признавалась допустимою.

Во многомъ сходны съ изложеннымъ постановленія швед-

скаго права. И въ немъ мы встрѣчаемъ выкупы, активное и пассивное участіе въ нихъ семействъ, распределеніе наследственнаго и родоваго штрафа въ равныхъ частяхъ между наследниками и родомъ, преимущественное положеніе близкихъ родственниковъ, какъ въ смыслѣ активномъ, такъ и пассивномъ, въ дѣлѣ выкупа. Выкупъ, выплачиваемый цѣлымъ родомъ, выходитъ только постепенно изъ употребленія. Съ укрѣпленіемъ-же государственной власти устраняется участіе семьи. Интересное ограниченіе объема послѣдняго можно видѣть въ одномъ шведскомъ сборникѣ права, гдѣ семья виновника вмѣняется въ обязанность участвовать въ выкупѣ только одинъ разъ, такъ что если онъ учинить вторично преступленіе, то семья не отвѣтствуетъ болѣе за него и отдаетъ его на произволъ его собственной судьбы. Сходное, если припомнимъ, имѣется въ ирландскомъ правѣ, которое допускало право семьи виновника освободиться отъ него, какъ отъ невыгоднаго въ имущественномъ отношеніи члена, внесеніемъ на случай возможныхъ въ будущемъ преступленій извѣстной суммы денегъ. Впрочемъ, порою и въ шведскомъ правѣ рѣчь идетъ о мести, въ противоположность понятію выкупа. Изъ духа его опредѣленій нельзя, однако, съ точностью усмотрѣть, какой характеръ имѣеть въ глазахъ законодателя эта месть — публичный или частный.

Къ этой категоріи принадлежитъ также и право острова Готланда, имѣющее для насъ извѣстное значеніе. По духу своихъ постановленій о кровавой мести, оно живо напоминаетъ собою моисеево и греческое право. Законъ требовалъ, чтобы убійца и его ближайшіе родственники бѣжали. Бѣжать они должны были въ одну изъ трехъ церквей острова, гдѣ и должны были оставаться въ теченіе сорока дней. Родственники должны были обращаться въ бѣгство вмѣстѣ съ виновникомъ преступленія не для того, чтобы, какъ то думаетъ Шильде-

неръ, поддерживать его, а для того, чтобы самимъ избѣжать кровавой мести и остаться въ живыхъ. Затѣмъ, въ теченіе одного года убійца долженъ былъ находиться въ извѣстной окружности лѣса, а по прошествіи этого срока признавался свободнымъ отъ мести публичной и частной, подъ условіемъ, впрочемъ, внесенія обычной пени. Возможно, что лица, которымъ послѣдняя предлагалась, отказывались принять ее. Въ такихъ случаяхъ, на обязанности убійцы лежало предлагать ее еще два раза по истеченіи каждаго года. Въ случаѣ отказа, виновникъ преступленія представлялъ свой штрафъ въ судебное собраніе, которое и распоряжалось имъ по своему усмотрѣнію. И на островѣ Готландѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, тотъ фактъ, что мститель перемонился и упорствовалъ въ принятіи денегъ, означаетъ, что выкупъ являлся частною исключительною мѣрою и не удовлетворялъ чувству долга, обязывавшему къ кровавой мести.

Послѣ всего изложеннаго, долженствующаго служить для насъ фундаментомъ анализа той юридической идеи, которая руководила Шекспиромъ въ его «Гамлетѣ», мы переходимъ, наконецъ, къ *датскому праву*.

Съ нимъ мы вступаемъ на знаменитую Гельсингерскую почву, на ту почву, на которой разыгрывается трагедія Гамлета и Офеліи.

Независимо отъ того интереса, который общаетъ намъ юридическій анализъ этой трагедіи, все развитіе права Даніи само по себѣ представляетъ высокій интересъ.

Въ Даніи, въ самомъ дѣлѣ, кровавая месть дожила до XVI вѣка и, притомъ, не смотря на то, что карательная система туземнаго права была относительно мягкая. Кровавая месть удержалась до Христіана III, когда стали къ ней относиться нѣсколько строже. Здѣсь, какъ и въ Норвегіи,

все преступныя посягательства дѣлились на такія, которыя допускаютъ примиреніе враговъ, и такія, которыя этого не допускаютъ (ubodemal). Также, какъ и въ Норвегіи, установлено было здѣсь распределеніе пени, какъ между активными, такъ и между пассивными участниками ея. Вся пеня дѣлилась на три части. Такая треть называлась «sal». Также и въ Даніи родственники, болѣе близкіе къ виновнику, принимали участіе въ выкупѣ вдвое болѣе, чѣмъ родственники дальніе. Торжественный примирительный договоръ, скрѣпленный присягою, завершалъ вражду сторонъ. Любопытно, что этой, такъ сказать, финальной присягѣ предшествовала другая чисто специальная присяга (Jafnadaeid), которою вносившіе пени удостоверяли, что въ случаѣ, если имъ будетъ причинено одинаковое по тяжести своей зло, они удовольствуются такою же пенею, какую теперь сами вносятъ.

Нельзя не указать на то, что въ датской исторіи права замѣчаются прогрессивныя попытки къ измѣненію характера системы выкупа. Такъ, родственники виновнаго въ преступленіи лица были освобождены отъ денежной отвѣтственности. Понятно, что это былъ крупный прогрессъ, означавшій собою торжество принципа индивидуализаціи въ сферѣ карательнаго права. Благодаря ему, идея семейной вражды преклонилась передъ идеею личной отвѣтственности. Король Вальдемаръ II издалъ законъ, которымъ запрещено было принуждать родственниковъ виновника преступленія къ уплатѣ части причитающейся съ него пени, Законъ этотъ сразу не произвелъ желаннаго эффекта, почему и былъ позднѣе повторенъ. Очевидно, что эта смѣлая для той эпохи реформа могла быть лишь постепенно и съ теченіемъ времени осуществлена.

Мы видимъ, такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго, что

институтъ кровавой мести пустилъ глубокіе корни въ умахъ и сердцахъ людей. Фактъ этотъ подтверждается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что государственной власти, стремившейся водворить организованный правопорядокъ, приходилось въ возникшей по этому поводу борьбѣ ея съ институтомъ кровавой мести наталкиваться на огромныя препятствія. Для того, чтобы поддержать свой авторитетъ, государственной власти приходилось бороться съ чрезвычайными затрудненіями, коренившимися въ прочныхъ, почти не поколебимыхъ и вѣками освященныхъ народныхъ традиціяхъ.

Однимъ еще не исчезнувшимъ остаткомъ традицій стараго времени, съ его особеннымъ пристрастіемъ къ кровавой мести, является до нынѣ занимающій свое мѣсто въ законодательствахъ *институтъ дуэли*. Институтъ этотъ поддерживается условными общественными идеями и потому стойко выдерживаетъ направляющіеся на него удары. Дуэль есть, въ сущности, видъ старинной кровавой мести. Это—кровавая месть не за убитаго родственника, а месть въ высокой степени личная, индивидуальная. Этимъ, между прочимъ, объясняется то, что она удержалась значительно дольше, чѣмъ всѣ прочія разновидности описываемаго института. И съ расчлененіемъ старинныхъ союзовъ и родовъ,—дуэль не исчезла. Какъ явленіе, имѣющее глубоко личную природу, дуэль могла долгое время сдерживать напоръ враждебныхъ ея жизни потоковъ. И, дѣйствительно, несмотря на всѣ законодательные запреты, люди нашего времени, съ развитымъ даже чувствомъ законности, обращаются въ извѣстныхъ случаяхъ къ дуэли. Въ ней до сихъ поръ, несмотря на то, что ее запрещаютъ подь страхомъ наказанія, видятъ дѣло чести, долгъ, подлежащій исполненію, отречься отъ котораго не подобаетъ рыцарю. Въ то же время, въ дѣлахъ этого рода законы наши оказываются очень снис-

ходительными. Если, такимъ образомъ, принять все это во вниманіе, то станетъ вполне понятнымъ, почему въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, вопреки всѣмъ усиліямъ законодательствъ, институтъ кровавой мести могъ продолжать существовать. Въ вопросѣ этомъ замѣшано народное воззрѣніе, а гдѣ таковое сильно, тамъ прогрессивному законодательству будетъ всегда трудно достигать своихъ цѣлей.

Но и въ установленіяхъ, опирающихся на почву закона, можно подчасъ разслышать отголоски идеи кровавой мести. Выше мы уже упомянули объ опредѣленіи римскаго права, которое объявляло лишеннымъ наследственныхъ правъ того, кто неглижировалъ своими священными обязанностями и не преслѣдовалъ убійцу своего родственника. Изъ римскаго права опредѣленіе это перешло въ право современное. Дѣйствуетъ ли это опредѣленіе еще и теперь, или подь напоромъ новѣйшихъ этическо-правовыхъ понятій оно потеряло свою силу—это вопросъ другой. Конечно, опредѣленіе это потеряло теперь свою силу, но оно важно въ томъ отношеніи, что въ немъ слышится угроза наказаніемъ за нарушеніе нравственнаго долга, хотя, по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ и по современному правосознанію, такого нравственнаго долга не существуетъ. Точно также, въ виду тѣхъ-же модифицированныхъ понятій, не можетъ въ наше время существовать вышеуказанное наказаніе, допущеніе котораго было-бы равносильно тому, на примѣръ, чтобы въ наше время опять стали въ уголовномъ порядкѣ наказывать ересь и прочія подобныя дѣянія, что вполне противорѣчило бы доктринамъ обновленнаго современнаго уголовного права. Вотъ почему, уже старые писатели возставали противъ примѣнимости выше указаннаго римско-правоваго опредѣленія. Укажемъ, на примѣръ, на Мюленбруха, Глюка, Лаутербаха, Фюэта. Тѣмъ не менѣе, по

французскому гражданскому праву, которое, хотя и не есть самое молодое право, но все-таки одно изъ современныхъ законодательствъ, имѣеть силу до сихъ поръ правило (см. art. 727 Code Civil): «Sont indignes de succéder et, comme tels, exclus de successions l'héritier majeur, qui, instruit du meurtre du défunt, ne l'aura pas dénoncé à la justice— —».

Было-бы несправедливо класть въ основаніе кровавой мести только эгоистическіе элементы и видѣть въ этомъ универсально-историческомъ институтѣ только одно грубое противоправное заблужденіе, чуждое какой бы то ни было нравственной идеи. Кровавая месть имѣеть въ своемъ основаніи значительную долю чувства социальной справедливости. Она была первымъ проявленіемъ той великой мысли, что неправда, какъ таковая, должна вызывать должную реакцію.

Эта реакція сводится не къ устраненію или смягченію вреда, неправдою причиненнаго, а къ пораженію самой неправды, какъ таковой. Это—реакція, требующая, чтобы злодѣю было причинено страданіе, боль, зло—для того, чтобы очищающею силой искупленія разрѣшить ту общественную бурю, которую злодѣй самъ на себя призвалъ. Эта уголовно правовая мысль не выступаетъ еще въ періодъ кровавой мести во всей своей чистотѣ. Она еще загромождена посторонними моментами, инстинктами, берущими свое начало въ свойственномъ человѣческой природѣ чувствѣ удовольствія отъ причиненія ближнему вреда, зла и страданія. Въ мысль строго карательную, въ мысль съ тенденціею публичнаго характера на первыхъ порахъ замѣшивается эгоистическое чувство утѣшенія и наслажденія, порождаемыхъ причиненіемъ мученій тому, кто намъ причинилъ такіа-же мученія. Благодаря этому, первымъ, очевиднѣйшимъ исходнымъ пунктомъ кровавой мести являются вовсе не социальные понятія искупленія и разрѣшенія кризиса, неправдою причиненнаго, а

эгоистическое самоудовлетвореніе на счетъ чужихъ страданій, радость отъ горя, причиняемаго чужому. Но нельзя не замѣтить, что въ этой эгоистической идеѣ причиненія страданія скрывается другая идея всеобщаго публичнаго исполненія наказанія. Мы дѣйствительно видимъ, что всюду, гдѣ осуществленіе кровавой мести было возведено на степень долга, гдѣ оно обставлено извѣстными правилами, подчинено опредѣленнымъ нормамъ—тамъ пробивается себѣ побѣдоносно путь сознание публично-правовой социальной природы обязанности мстить за причиненное зло, и отстучаетъ на задній планъ личный характеръ мести—жажда мести, сладость мести, страсть, клокочущая въ сердцѣ потерпѣвшаго. Свойственное человѣческой природѣ чувство мести, которое ищетъ себѣ удовлетворенія, которое находитъ удовольствіе въ своемъ удовлетвореніи—конечно всегда остается существеннымъ моментомъ мести, въ качествѣ руководящаго мотива для мстителя, въ качествѣ психологическаго импульса, вызывающаго его на эту месть. Но одно это личное чувство не могло бы сообщить устойчивости историческому институту кровавой мести, если бы она не была проникнута болѣе универсальной идеей—правовой справедливости.

Изъ писателей, въ особенности, Банзенъ (*Bahnsin*, *Characterologie*, I, 315, 316) рѣзко и нѣсколько преувеличенно подчеркиваетъ социальный характеръ мести. Банзенъ говоритъ слѣдующее: «Нѣкоторые юристы-философы пытались сбить въ одну кучу понятія—«месть» и «право» (*Rache—Recht*) «отмщенный» и «правый» (*gerächt—gerecht*). Попытки эти съ этимологической точки зрѣнія могутъ представляться правильными, но нельзя не видѣть, что въ основаніи ихъ лежитъ простая игра въ созвучіи, нельзя не видѣть, что осуществленіе мести можетъ быть вполне чуждо всякой эгоистической подкладки, всякаго интереса и даже всякой злой радости отъ

страданія другого. Этотъ анти-эгоистическій моментъ можно тѣмъ легче подмѣтить, что едва-ли, вообще, есть какая-либо месть, которая могла бы быть осуществлена безъ личной со стороны ея экзекутора жертвы. Самсонъ, самого себя погребавшій подъ развалинами вражьяго дома — въ миниатюрѣ встрѣчается на каждомъ шагу въ повседневной жизни. На этомъ основаніи мы утверждаемъ, что сущность извѣстнаго этического удовлетворенія при посредствѣ воздаянія можетъ быть понята только тогда, когда она выводится изъ отношенія, существующаго между *виною* и *страданіемъ*. Дѣйствительно, передъ мстителемъ часто открывается весьма грустная перспектива. Онъ рискуетъ собственнымъ спокойствіемъ, отдаетъ на произволъ судьбы собственное счастье, раззоряетъ свое состояніе. Многія невзгоды, безпокойства и опасности ожидаютъ лицо, прибѣгающее къ осуществленію своей кровавой мести. Нельзя не видѣть, съ очевидностью, какъ глубоко трагична доля, принуждающая мстителей бросаться въ безграничный омутъ вражды, мѣнять родимый кровъ на дикій лѣсъ, покой на «qui vive» ночнаго стоянія на стражѣ, отказывать себѣ во всемъ, хитро, всякою правдою-неправдою слѣдить по пятамъ за врагомъ... Да, такова именнo перспектива, ожидающая того, кто рѣшается мстить кровью за кровь! Но чувство соціальной чести, чувство этического долга проникаетъ собою земную страсть человѣка и облагораживаетъ ее; зерно соціальной уголовно-правовой идеи даетъ живые ростки, и нуженъ только одинъ дѣйствительно мощный актъ культуры, для того чтобы они вполне распустились. И лишь тогда, когда государство, цѣлая соціальная и общая единица беретъ въ свои руки мечъ правосудія, всѣ приатки индивидуальной страсти отпадаютъ. Съ наступленіемъ этого момента, въ рукахъ палача ужь не дрожитъ болѣе отъ

гнѣва топоръ и нѣтъ болѣе того волненія, которое подчиняетъ себѣ все внутреннее существо лица потерпѣвшаго. Съ этого момента наказаніе пріобрѣтаетъ всецѣло объективный характеръ. Вырывая жало у виноватаго, оно приноситъ съ собою миръ и искупленіе, между тѣмъ какъ раньше, при господствѣ кровавой мести, общество держалось въ постоянномъ террорѣ, потому что всякій актъ мести являлся сигналомъ къ новой смутѣ, за всякою местию слѣдовала новая месть, и въ этомъ постоянномъ состояніи взаимной вражды погибали нерѣдко цѣлыя генерации. Этой гидрѣ взаимной рѣзни подорванъ нынѣшнимъ уголовно-правовымъ строемъ ея жизненный нервъ и она потеряла навсегда соки, ее питавшіе и поддерживавшіе. «Противъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ не можетъ быть мстителей!» И та индивидуальная злоба, которая служила подкладкою старинной кровавой мести, разлетается теперь въ дребезги всякій разъ, какъ передъ нею вырастаетъ величественная безстрастная сила общественнаго интереса и публичнаго начала».

Эта перемена въ правовой жизни получила свое осуществленіе не скоро и не сразу. Первоначальная юстиція государственнаго правопорядка еще носить на себѣ замѣтныя черты того времени, когда царила кровавая месть. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на привилегированное право жалобы, на право заинтересованныхъ лицъ самолично присутствовать при страданіяхъ осужденнаго и, наконецъ, на право заинтересованныхъ лицъ противопоставлять свое «veto» помплованію.

Но и эти аномаліи теперь побѣждены. То, что еще сохранилось отъ старинной кровавой мести, то находится теперь вѣдь предѣловъ государственной карательной дѣятельности и не заявляетъ болѣе никакой претензіи на тотъ этикосоціаль-

ный характер, который въ старину облагораживалъ функціи мстителя. Въ настоящее время уцѣлѣвшіе еще скудные остатки кровавой мести не претендуютъ болѣе на нравственную оцѣнку и на уваженіе. Въ сущности въ нихъ можно видѣть лишь развалины прежде сильнаго, а нынѣ выдохшагося противобщественнаго индивидуализма.

По этимъ-же причинамъ кровавая месть отвергнута и заклеямена печатью безнравственности и злодѣйства также двумя наиболѣе глубокими религіями—буддизмомъ и христіанствомъ: буддизмомъ, который, въ своемъ стремленіи подчинить личность общему благу, гаситъ въ сердцахъ людей огонь индивидуалистическихъ влеченій, и христіанствомъ, которое, прославляя страданіе, окружаетъ терпѣливаго страдальца ореоломъ благости. Какъ отнеслось христіанство къ мести, это извѣстно всякому мало мальски образованному челоуѣку. Отношеніе буддизма къ ней не всякому извѣстно. У Будды отецъ говоритъ своему сыну: «сынъ мой, не заглядывай ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ близко, ибо не враждою успокоивается вражда, а миролюбіемъ достигается умиротвореніе!» — «Гнѣвъ преодолевать должно, не сердясь, а злое слѣдуетъ подавлять добрымъ!»

Но то, что такому уму, какъ Будда, который жилъ исключительно въ сферѣ мысли, казалось столь яснымъ,—то, въ эпоху Гамлета, даже самымъ даровитымъ людямъ могло представиться лишь въ формѣ темныхъ неразгаданныхъ душевныхъ настроеній. Борьба внутренняго міросозерцанія съ укоренившимися воззрѣніями окружающаго общества, борьба горькая, являющаяся удѣломъ немногихъ истинно реформаторскихъ умовъ, должна была причинить душѣ Гамлета самыя страшныя страданія. Страданія эти должны были быть тѣмъ ужаснѣе, что тѣнь отца его опиралась всецѣло на

точку зрѣнія кровавой мести. То, что Гамлету велитъ исполнить тѣнь отца—не ново, ибо произнесенныя ею слова служатъ только выраженіемъ священной традиціи—за пролитую кровь требовать пролитія новой крови.

Въ словахъ тѣни отца Гамлета слышится страданіе неудовлетворенной мести; около него и вокругъ него снуютъ фуріи кровавой мести, не давая его душѣ покоя:

Отмести за гнусное его убійство!

И будь ты вяль, какъ сорная трава,
Что мирно спитъ на Леты берегахъ—
Проснутъся долженъ ты при этой вѣсти!

Мысль, одушевляющая тѣнь отца Гамлета, не дающая ей покоя, мысль о воздаяніи кровью за кровь не разъ встрѣчается и въ другихъ драмахъ Шекспира, напр., въ «Кор. Ричардъ II», въ словахъ Болинброка или герцогини Глостерской, также въ Макбетѣ, въ послѣднихъ словахъ Банко своему сыну, въ которыхъ заключается призывъ къ мести.

Типичнымъ представителемъ идеи кровавой мести является въ трагедіи Шекспира Лаэртъ—этотъ легкомысленный, молодой рубака, который навѣрное не задумывался бы долго надъ обращеннымъ къ нему призывомъ къ мести и безъ колебаній ринулся бы къ ея осуществленію. Можетъ быть поэтому нѣкоторые критики изображаютъ Лаэрта героемъ храбрости и мужества. Между тѣмъ это личность, ничего горойскаго не заключающая въ себѣ, личность, чуждая какой-бы то ни было самостоятельной мысли, живущая исключительно воззрѣніями окружающей среды, въ нихъ черпающая мотивы для своихъ поступковъ, пассивно подчиняющаяся внѣшнимъ впечатлѣніямъ и внушеніямъ, жертвой которыхъ и погибаетъ. Это типъ

юнаго человѣка, болтающаго безъ только пустыхъ фразы, высокомернаго, чванпаго, напичканнаго вульгарными идеями повседневной обыденной жизни, подъ вліяніемъ которыхъ онъ отдается налетѣвшей страсти, не подвергая ее никакому анализу, не противопоставляя ей никакой работы мысли.

Достоинно удивленія, что нѣкоторые критики выставляютъ этого Лаэрта, съ его мелкой душой и пустымъ умомъ, какъ примѣръ и образецъ для Гамлета, и утверждаютъ, что Шекспиръ нарочно ввелъ Лаэрта въ число дѣйствующихъ лицъ своей трагедіи, какъ положительный типъ, въ противоположность Гамлету, — чтобы показать, что въ то время какъ Гамлетъ съ ихъ безсиліемъ воли, нерѣшительностью, раздвоенностью предаются бесплоднымъ размышленіямъ и колебаніямъ, Лаэрти заявляютъ себя дѣйствіемъ. Но весь образъ дѣйствій Лаэрта рисуется его только съ отрицательной стороны. Опьяненный страстью, онъ слѣпо, суетливо, безъ толку отдается на волю толпы; еще не выяснивъ себѣ сколько-нибудь основательно обстоятельства, сопровождавшія смерть отца, и еще не зная, кто виновникъ ея, онъ взываетъ о мести, ни о чемъ другомъ слышать не хочетъ и требуетъ мести во что бы то ни стало, à tous prix. Почему, за что, какъ мстить — надъ этимъ онъ не останавливается и объ этомъ не думаетъ. Задушить Гамлета въ церкви онъ считаетъ столь же нравственнымъ, сколь нравственно въ его глазахъ рѣшеніе перекрестить съ нимъ остроконечныя рапиры или прибѣгнуть къ помощи отравленнаго оружія. Все это въ его глазахъ нисколько не предосудительно, хотя онъ и обязался передъ Гамлетомъ, если и не помириться вполне, то, по крайней мѣрѣ, не обращаться нѣкоторое время къ оружію, оставить на время вражду до разрѣшенія дѣла «старшими мастерами испытанной чести».

Какъ видимъ, этотъ молодой человѣкъ погруженъ во мракъ

кровавой мести — и его мірозозерцаніе еще не вышло изъ стадіи правового чувства, требующаго кровь за кровь. Онъ еще не постигъ тѣхъ моментовъ, которые должны сдерживать злую страсть человѣка. Между тѣмъ исторія показываетъ намъ, что достаточно, чтобы коснулись кровавой мести согрѣвающіе лучи какой-либо высшей нравственной идеи, какъ въ народной жизни само собою появляются немедленно нормы и правила, призванныя къ заглушенію страсти и къ указанію духу мести его истинныхъ цѣлей. Это и есть первый этапъ по пути къ цивилизованному карательному праву.

Къ такимъ сдерживающимъ страсть кровавой мести моментамъ слѣдуетъ отнести, прежде всего, такъ называемое, право убѣжища, на основаніи котораго преслѣдуемые могутъ найти безопасность въ извѣстныхъ мѣстахъ или помѣщеніяхъ, которыя объявляются неприкосновенными. Право убѣжища, распускающее надъ тѣломъ злосчастнаго преслѣдуемаго человѣка свой мирный зонтикъ, исторгающее его на время изъ когтей мучителей, осуществляетъ возможность примиренія съ случившимся кровавымъ событіемъ. Этимъ объясняется, почему въ исторіи кровавой мести играютъ такую крупную роль азили. Право убѣжища, созданное церковью, оказало несомнѣнно морализующее вліяніе на правовую жизнь народовъ. Такъ, въ жизни германской оно выступило въ роли укротителя дикихъ инстинктовъ. Ту же роль сыграло оно и въ жизни другихъ народовъ. Право убѣжища является поворотнымъ моментомъ въ исторіи кровавой мести, замыкая собою періодъ крайняго развитія ея и знаменуя собою переходъ къ новой морали, внесенной церковью.

Этотъ моментъ въ исторіи кровавой мести не обойденъ молчаніемъ и у Шекспира. Послѣ того, какъ Лаэртъ, обуреваемъ

мѣи жаждой мести, врывается въ дворецъ, между нимъ и королемъ происходитъ слѣдующій діалогъ:

Король:

На что рѣшишься ты, чтобы не словами,

А дѣломъ доказать любовь къ отцу?

Лаэртъ: Я въ храмъ пойду за нимъ, чтобы отомстить!

Король: Конечно, храмъ убійцѣ не защита,

И мщеніе не должно-бъ имѣть границъ.

Но если ты убить его рѣшился,

Такъ будь же дома...

Мѣстами убѣжища для преслѣдуемыхъ людей и преступниковъ служили искони церкви. Впрочемъ свойства убѣжища, въ которое не имѣли права вторгаться преслѣдователи, имѣли и другія помѣщенія. Тотъ характеръ имѣли, между прочимъ, извѣстные дворы, сельско-хозяйственныя постройки, мельницы, квартиры, въ которыхъ жили народные судьи-шеффены и др.

Лаэртъ въ порывѣ мести хочетъ переступить священные границы, поставленныя правомъ убѣжища. Король принципиально его укрѣпляетъ въ этомъ: «храмъ убійцѣ не защита, и мщеніе не должно имѣть границъ». Но онъ все таки отступаетъ передъ святостью права убѣжища и указываетъ мстителю другой путь къ осуществленію мести. Право убѣжища у германскихъ народовъ было однимъ изъ самыхъ священнымъ правъ, и страхъ Клавдія предъ святостью убѣжища многолико объясняется духомъ этого права въ отечествѣ Гамлета.

Исторія кровавой мести показываетъ, что народы выработали еще и другую преграду этой страсти, именно было установлено, что въ случаѣ, если между врагами состоялось примиреніе или даже если только начались предварительныя переговоры, съ цѣлью добиться примиренія, преслѣдованіе дол-

жно временно приостановиться. Это показываетъ, что пагубное значеніе страсти мщенія сознавалось, и ее пытались ограничить и по возможности уменьшить силу ея распространенія. Безъ сомнѣнія и Лаэртъ не былъ чуждъ новыхъ взглядовъ на кровавую мечь и, если онъ своимъ образомъ дѣйствія и словами свидѣтельствуетъ о противномъ, то это объясняется тѣмъ, что онъ находился подъ вліяніемъ льстивыхъ, медовыхъ рѣчей такого совершеннѣйшаго плута, какъ король Клавдій, дьявола во образѣ человѣка, который ловко умѣетъ быть лицомъ и, прикрываясь маскою невинности, напускать на себя видъ самаго угоднаго Богу существа.

Теперь мы должны поставить и разрѣшить слѣдующіе вопросы: какъ долженъ относиться такой человѣкъ, какъ Гамлетъ, къ велѣнію мести, исходящему отъ тѣни покойнаго его отца? Какъ ведетъ онъ себя, получивъ приказаніе мстить? Раздѣляетъ-ли онъ идею кровавой мести, приверженцемъ которой является его отецъ?

Гамлетъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ идеѣ мести, возвѣщенной духомъ его отца; она охватываетъ его и наполняетъ все его существо каждый разъ, когда предъ нимъ возникаетъ сцена гнуснаго убійства и ему слышится призывъ оскорбленнаго отца. Но эта жажда мести наполняетъ Гамлета только въ исключительные моменты—въ минуты душевнаго волненія, возмущенія, смятенія, въ минуты, когда Гамлетъ отдается чувству ненависти къ злодѣю-королю и жалости къ памяти оскорбленнаго короля-отца. Но какъ только онъ приходитъ въ себя, какъ только онъ начинаетъ владѣть собою и своими мыслями и входитъ въ нормальное свое настроеніе,—все внутреннее его существо протестуетъ противъ навязанной ему роли палача. Борьба между свѣтлыми началами, присущими благородной натурѣ Гамлета, и темными силами,

оживающими вслѣдствіе призыва къ мести, къ которой обязываетъ Гамлета тѣнь его отца—эта борьба и составляетъ страшную трагедію въ жизни Гамлета, который является героемъ этой трагедіи. Онъ дѣйствительно герой—не герой дѣла, реального дѣйствованія, а герой мысли, умственной и душевной жизни. Онъ поборникъ прогресса, поборникъ права и нравственности. Въ сравненіи съ ужаснымъ, истинно трагическимъ положеніемъ Гамлета—ничто всякіе другіе драматическіе конфликты, всякіе другіе жизненные удары, которые когда либо воодушевляли героевъ и вызывали ихъ на борьбу съ судьбою. Его положеніе исключительное, единственное въ своемъ родѣ—положеніе, въ которомъ душа разбѣдается и постепенно разрушается безысходною борьбой другъ другу противорѣчащихъ и взаимно исключаящихъ обязанностей и когда внутренній червь подтачиваетъ и изгоняетъ изъ сердца всякую радость, всякую жизненную энергію, оставляя на мѣсто его одну только пустую разбѣденную скорлупу. Никакое иное трагическое положеніе не можетъ сравниться съ этимъ раздвоеніемъ собственнаго существа. Въ немъ оказывается поломанною пополамъ та ось, на которой держится человѣческое существованіе и которая даетъ человѣку душевную силу и опору; подъ нимъ исчезла та нравственная почва, на которую духу героизма можно было бы опираться, въ которую можно было бы воткнуть древко отъ знамени, вступивъ въ борьбу съ судьбою. Вотъ чѣмъ и объясняется полное, неутѣшное раздвоеніе духа принца, въ которомъ мы видимъ его въ страшной сценѣ передъ любимою имъ женщиною.

...Плащъ на немъ разорванъ,
На головѣ нѣтъ шляпы, а чулки
Разорваны и спущены до пятъ...
Онъ блѣденъ, какъ стѣна; колѣни гнутся;

Глаза блестятъ какимъ-то жалкимъ свѣтомъ,
Какъ будто онъ былъ посланъ преисподней,
Чтобъ рассказать объ ужасахъ ея...

Писатели и ученые пытались на разные лады объяснить такое душевное состояніе Гамлета. Нѣкоторые видѣли въ немъ дѣйствительно помѣшаннаго человѣка. Мнѣніе это, въ такой общей формѣ высказанное, должно быть во всякомъ случаѣ отвергнуто. Другой, конечно, вопросъ—не указываетъ ли манера дѣйствовать Гамлета на такіа психологическія особенности, которыя очень легко могутъ быть предметомъ психиатрическаго изслѣдованія, поскольку психіатрія привлекаетъ къ своему изслѣдованію не только дѣйствительныя душевныя потрясенія, но и, вообще, оригинальные, уклоняющіеся отъ рутины, душевные феномены. Въ этихъ предѣлахъ психиатрическое изученіе Гамлета можетъ быть резоннымъ, хотя не можетъ не показаться страннымъ, что изслѣдователи вопроса не проводятъ рѣзкой межи между психологическими особенностями и дѣйствительнымъ потрясеніемъ души героя. Это обстоятельство невольно сосредоточиваетъ на себѣ наше вниманіе, ибо установленіе не достаточно точныхъ границъ дѣйствительнаго помѣшательства или-же игнорированіе таковыхъ не только тормозитъ правильное пониманіе Гамлета, но и вообще можетъ породить опасности въ практической жизни. Изъ сочиненій этого направленія мы можемъ указать на труды Conolly (a study of Hamlet 1863), Onimus (Revue d. deux mondes, 1876, XIV), Stenger (der Hamlet-Charakter 1883) и др.; въ нихъ Гамлетъ изображается меланхоликомъ, его душевное состояніе считается состояніемъ меланхолическаго унынія, которое приближается къ переходу во вторичное помѣшательство, отнюдь не становясь еще имъ. Конечно, отрицать присутствіе у Гамлета чрезвычайной нервной раздражительности, психической гипе-

рестезии, поразительной смѣны настроеній — нельзя. Шекспиръ — и это слѣдуетъ особо оговорить — такъ мастерски изобразилъ такое душевное состояніе Гамлета, что привелъ положительно въ удивленіе представителей современной медицинской науки, которые безспорно имѣютъ чаще дѣло съ человѣческими нервами, чѣмъ врачи того времени. Все настроеніе Гамлета, въ которомъ онъ выступаетъ передъ нами, есть послѣдствіе его деликатно организованной нервной природы, вдумчивости его, напряженія его психики и, наконецъ, всѣхъ тѣхъ потрясеній, которыя надъ нимъ разразились. Но, среди такихъ условий его жизни, представляется совершенно ошибочнымъ утвержденіе, что Гамлетъ былъ душевно разстроенный человѣкъ; утвержденіе это тѣмъ болѣе лишено почвы, что разсудокъ у Гамлета былъ все таки ясенъ. Къ тому-же, если даже безъ долгихъ разсужденій признать Гамлета прямо сумасшедшимъ, то проблема, съ его судьбою связанная, еще не будетъ разрѣшена. Конечно, Гамлетъ, какъ и Фаустъ, можетъ быть предметомъ психіатрическаго анализа, потому что въ темпераментѣ его мы видимъ мало психическихъ моторныхъ силъ. Но изъ того факта, что онъ можетъ быть предметомъ психіатрическаго изученія, еще не слѣдуетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ былъ сумасшедшій.

Мы думаемъ, что душевное состояніе Гамлета въ упомянутой сценѣ не представляется притворнымъ, но отнюдь и не напоминаетъ намъ дѣйствительнаго помѣшательства человѣка. Окружавшее Гамлета общество ничего рѣшительно не понимало въ странномъ его поведеніи. Страшное душевное горе, дѣлавшее изъ поступковъ Гамлета нѣчто непонятное, необычайное, общественнымъ обычаямъ противное, составляло для всѣхъ непосвященныхъ въ его тайну симптомъ ненормальнаго состоянія ума, признакъ сумасшествія. Одному только

человѣку было понятно странное въ глазахъ другихъ поведеніе Гамлета. Человѣкъ этотъ, хитрѣйшій изъ самыхъ хитрыхъ смертныхъ, ясно читалъ въ глубинѣ души Гамлета и сквозь призму странностей Гамлета проникалъ своимъ взглядомъ въ самые сокровенные тайники его внутренняго существа. Этотъ человѣкъ — Клавдій. Ему было извѣстно, что Гамлетъ знаетъ про страшное злодѣйство; онъ это чувствовалъ своимъ сердцемъ, догадывался объ этомъ. И онъ отлично понимаетъ, что Гамлетъ не помраченъ въ своемъ умѣ вслѣдствіе любви къ Офеліи, какъ полагаетъ Полоній.

„Любовь? О нѣтъ! Онъ не любовью боленъ;
Его слова, хотя немного дики,
Но не безумны. У него на сердце
Запало сѣмя; грусть его взраститъ,
Оно взойдетъ — и плодъ опасенъ будетъ“.

Гамлетъ также не притворяется сумасшедшимъ, какъ нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ поведеніе Гамлета. По поводу этого обстоятельства справедливо было указано въ литературѣ Вердеромъ, что Шекспиръ совсѣмъ иначе изображаетъ человѣка, симулирующаго сумасшествіе, причѣмъ этотъ писатель сослался на Эдгара въ «Лирѣ». Всѣ особенности, всѣ странности поступковъ Гамлета отражаютъ на себѣ только его внутреннее настроеніе. Всѣ условности были оставлены Гамлетомъ въ сторонѣ, а та манера, съ которою онъ говорилъ съ Полоніемъ, Розенкранцомъ, Гюльденштерномъ, съ самимъ королемъ, — есть манера великаго ума, играющаго съ толпою окружающихъ его пигмеевъ, желающихъ завлечь его въ свои сѣти.

И такъ, душа Гамлета страдаетъ; тяжелое горе подчинило ее себѣ. Отсюда — потемнѣніе его міросозерцанія.

Однако, это не то потемнѣніе, которое скрываетъ отъ насъ

истинные контуры вещей, а полумракъ, сглаживающій только нюансы красокъ, которыми солнце нашей жизни окрашиваетъ наше жизненное настроеніе и открываетъ въ окружающемъ насъ разнообразіе образовъ и формъ. Это не пессимизмъ, а маллизмъ великихъ умовъ, которые подъ внѣшнимъ лоскомъ и блескомъ свѣтской порядочности видятъ слабости и низменные инстинкты, присущіе человѣческой натурѣ, и подъ лучами солнца, радостно озаряющими землю и ея радости, замѣчаютъ ползущихъ подъ ногами гадовъ...

Это способность людей, выдающихся по своему уму, — отличать въ реальности жизни все мнимое, кажущееся, ничтожное, которое сопровождаетъ все земное и преходящее...

Таково, именно, глубокое значеніе философіи Гамлета, которое можно прослѣдить во всей трагедіи. Философія эта можетъ быть сравнена съ философіею индійскихъ мыслителей, которые постоянно напоминаютъ намъ о ничтожествѣ и тщетѣ всего насъ окружающаго. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ понимать извѣстные слова Гамлета о томъ, что нѣтъ ничего, что само по себѣ было бы хорошимъ или дурнымъ, а что тѣмъ или другимъ его дѣлаетъ только наше мышленіе. Другими словами, счастье и несчастье лежатъ не въ вещахъ, а въ насъ самихъ; наша жизнь, наше самочувствіе сообщаютъ вещамъ тѣ краски, благодаря которымъ онѣ намъ или радостно улыбаются, или кажутся безнадежно мрачными; эссенція наслажденія жизнью — субъективна, и не во внѣшнемъ мірѣ лежатъ истинная сущность вещей, а въ той реакціи, которую онѣ вызываютъ въ нашихъ чувствахъ, въ нашемъ внутреннемъ существѣ. Счастье или несчастье, которыя намъ посылаетъ судьба, мы носимъ въ нашемъ собственномъ сердцѣ, и отъ нашего настроенія зависятъ радость или страданіе, восхищеніе или недовольство.

Такова философія Гамлета. Съ внѣшняго міра снята его импонирующая блестящая полировка. Онъ кажется только мимолетнымъ дѣйствіемъ волевой реакціи, имѣющей свои корни въ нашемъ сердцѣ.

Гамлетовское міросозерцаніе въ особенности ярко обнаруживается въ его отношеніи къ Офеліи — въ этой глубоко ужасной сценѣ прощанія его съ нею.

Офелія принадлежитъ къ тѣмъ женщинамъ, которыя, въ извѣстный періодъ своего развитія, благодаря прелести скрытой еще чувственной страстности и несознаваемого жара любви, производятъ впечатлѣніе глубокихъ, вдумчивыхъ натуръ и которыя потомъ, съ возрастомъ, теряютъ всѣ свои чары и вмѣсто прежняго обаятельнаго поэтического существа являются въ высокой степени прозаическими, чуждыми всякихъ идеаловъ, обыкновенными женщинами. Все прежнее обаяніе этихъ женщинъ, вся ихъ очаровательность, оказывается, было лишь временнымъ отблескомъ скрытой чувственности, не успѣвшей еще достаточно выясниться и потому отражавшей только одну свою духовную основу и скрывавшей истинную сущность этихъ женщинъ — внутреннюю пустоту, непостоянство, себялюбіе, низменные вожделѣнія. Въ этомъ отношеніи великій знатокъ женщинъ — Гете вѣрнѣе многихъ другихъ понималъ Офелію, и его характеристика Офеліи принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ въ его замѣчательныхъ глубокихъ этюдахъ о Гамлетѣ. Также удачно охарактеризовалъ Офелію, Фейстъ *), выразившись, что «между всѣми шекспировскими героинями Офелія есть та, въ которой преобладаетъ темная, слѣпая власть природы и менѣе всего — ясная сила духа». Эти женщины, при первомъ ударѣ судьбы, покидаютъ своихъ возлюбленныхъ и, не имѣя силъ страдать

*) Feist, Verhältniss Hamlets und Ofelias, 1887.

вмѣстѣ съ ними и за нихъ или, по крайней мѣрѣ, отказаться для нихъ отъ привычной стороны своего существованія, расстаются съ ними, оставляя въ ихъ сердцахъ горькій осадокъ разочарованія. Эти существа не способны видѣть далѣе черты, которою замыкается узкая сфера ихъ жизни, и не въ состояннн проникнуть глубже поверхности вещей, по которой скользятъ ихъ мелкій духъ. И не смотря на это, а можетъ быть именно поэтому, такія женщины обыкновенно надѣляются качествами обворожительныхъ существъ и привлекаютъ къ себѣ сердца...

Одно изъ такихъ пустыхъ существъ пришлось узнать Гамлету. Это случилось какъ разъ въ ту пору его жизни, когда надъ нимъ нависла ужасная туча. Разочарованіе не замедлило наступить, и Гамлетъ понялъ, что влеченіе его къ этой женщинѣ есть необдуманное, юношеское влеченіе. Этимъ и объясняется его полное сердечной тоски прощаніе съ Офеліею. Что, въ самомъ дѣлѣ, можно было ему предпринять съ такою подругою сердца, которая, по первому требованію своего болтуна-отца, Полонія, закрываетъ передъ нимъ двери и позволяетъ дѣлать изъ себя жалкое орудіе шпіонства? Развѣ такая несамостоятельная, духовно не созрѣвшая, одухотворенная только теченіемъ зарождающейся чувственности женщина могла быть парой Гамлету? Развѣ такая женщина способна была быть его подругою, довѣреннымъ лицомъ этого глубокаго ума, посвященною въ его страшную тайну и въ его душевную борьбу?

Гамлетъ не притворяется сумасшедшимъ въ ту минуту, когда «плѣнительная нимфа» пробуетъ заставить его проговориться о секретѣ своемъ и, такимъ образомъ, открыть его интриганамъ, подслушивающимъ за сценою. Это не притворное помѣшательство, а презрѣніе къ любимой женщинѣ,

выливающееся изъ глубины наболѣвшей души. Съ раздраженіемъ, полнымъ яда, онъ клеймитъ лицемѣріе и двуличность Полонія, и поистинѣ ужасны его слова, въ извѣстной сценѣ на сценѣ, когда онъ, сидя возлѣ своего «магнита», беспощадно обнажаетъ внутреннюю сущность Офеліи, ничтожность ея стремленій и желаній, ничего кромѣ чувственного жара въ себѣ не заключающихъ. Гамлетъ поносить эту женщину и, въ то же время, самъ страдаетъ. Такъ обыкновенно обходятся съ обломками прежняго кумира, который въ злобѣ и раздраженіи свергнуть нами съ его пьедестала. Несчастіе Гамлета, что онъ нашелъ *Офелію*, а не другую героиню — и въ этомъ причина той горечи, той рѣзкости, того раздраженія, которыми проникнуто его обращеніе съ Офеліею.

Послѣ всего изложеннаго насъ могутъ спросить — почему принцъ не открываетъ намъ своихъ мыслей на сценѣ, почему онъ въ монологѣ не высказываетъ того раздвоенія, которое поселилось въ его душѣ? Шекспиръ не былъ-бы великимъ драматургомъ, какимъ онъ есть, еслибы онъ такимъ образомъ, діалектически, распустилъ нити, изъ которыхъ соткана душа его героя. Одна изъ величайшихъ слабостей Шиллера — это его монологи. Шиллеръ никогда не обладалъ способностью отрѣшиться отъ самого себя. Повинуясь своей философской и риторико-агитаторской натурѣ, онъ всегда сообщаетъ своему герою что-либо отъ своей собственной индивидуальности. Въ монологахъ, Шиллеръ обыкновенно заставляетъ говорить не героя своего, а самого себя, — вкладываетъ въ уста героя не то, что послѣдній думаетъ, а то, что онъ самъ о немъ думаетъ. Наиболее яркій примѣръ этого — совсѣмъ неудавшійся монологъ Тея, гдѣ нѣмецкій швейцарецъ выливаетъ свою жаждущую мести душу въ красивыхъ нравственныхъ

сентенціяхъ. Но тѣ душевныя движенія, та душевная борьба, отъ которыхъ изнемогалъ Гамлетъ, имѣютъ своимъ источникомъ глубокіе тайники человѣческой души и не поддаются изображенію въ діалектической игрѣ мыслей, развиваемыхъ въ монологахъ. Подобно тому, какъ морскія волны, кружащіяся на днѣ моря, лишь разбившись одна о другую, поднимаются вверхъ и достигаютъ поверхности, такъ и переживаемыя Гамлетомъ чувства лишь изрѣдка, отголосками, вырываются изъ глубины его души и выражаются въ словахъ, въ монологахъ. Таковы глубокія слова извѣстнаго монолога:

„Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ
трусость,

Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,

Когда начнемъ мы размышлять: слабѣетъ

Живой полетъ отважныхъ предпріятій

И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли“.

Монологъ этотъ заключаетъ въ себѣ полныя глубоко захватывающаго интереса мысли объ этическихъ инстинктахъ, живущихъ въ человѣкѣ, и о неизмѣримомъ, непостижимомъ для бѣднаго разсудка вліяніи ихъ на наши поступки. Эти инстинкты стоятъ, какъ ангелы-хранители, какъ добрые геніи у входа въ ту сферу, гдѣ царитъ зло; здѣсь они насъ предостерегаютъ, постоянно и тысячи разъ выростаютъ на нашемъ пути, ослабляя и разбивая всѣ наши планы, которые вырабатываетъ нашъ разсудокъ. Это есть нѣчто неуловимое, не поддающееся измѣренію, что живетъ въ нашемъ сердцѣ.

Этотъ монологъ Гамлета, иллюстрируетъ всю его душу. Именно то «*ничто*», то неуловимое, разсудку непокорное, только сердцемъ чувствуемое, словомъ совѣсть, управляемая инстинктивными, скрытыми въ насъ этическими чувствами—именно это и есть то, что удерживаетъ Гамлета отъ дѣйствія, отъ выполненія мести. Не

бездѣйствующая флегматичность, а правовыя и нравственныя соображенія мѣшаютъ ему сдѣлать послѣдній, страшный шагъ и лишить жизни Клавдія—убійцу. Благодаря этимъ соображеніямъ, въ сердцѣ Гамлета остается невынутымъ жало, которое съ момента появленія тѣни колеть его безпрестанно, заставляетъ страдать, портитъ настроеніе; благодаря имъ, не можетъ выйти наружу страшный ядъ, проникшій въ душу Гамлета, развѣдающій его сознаніе и расшатывающій всѣ устои его нравственнаго существованія. Къ Гамлету вполне примѣнимы божественно-чудныя слова Просперіо: «*быть добродѣтельнымъ выше, чѣмъ быть мстительнымъ*». Эта борьба между «*добродѣтельнымъ и мстительнымъ*» элементами въ душѣ Гамлета, то клонящаяся къ перевѣсу перваго надъ вторымъ, то вновь поднимающая потребность мщенія,—эта борьба должна въ концѣ концовъ надломить душу Гамлета и привести его къ отчаянію.

Особенно проявляется эта горячая душевная борьба въ минуты, когда, повидимому, потребность въ мщеніи оказывается крайне интенсивною и собирается подчинить себѣ все существо Гамлета, какъ, напримѣръ, послѣ сцены на сценѣ, когда Гамлетъ убѣждается въ совершенномъ злодѣянн и когда кругомъ него носятся окрававленные духи и беспощадно бичуютъ злодѣя. Тогда, повидимому, сама нравственность, всѣ ея силы взываютъ къ искупленію кровавой вины. Но потомъ вновь проникаютъ въ сердце принца тихія теченія и, омывъ его внутреннее существо, отрезвляютъ его. Въ такіе моменты Гамлетъ начинаетъ постигать весь ужасъ тѣхъ поступковъ, которые имъ могли-бы быть учинены, если-бы онъ послушался своихъ первыхъ, неprovѣренныхъ впечатлѣній. Онъ начинаетъ сознавать въ такія минуты, что если-бы онъ испилъ горячей крови своего врага, отъ его поступка пришелъ-бы въ содроганіе свѣтлый Божій день. Та же мысль сквозитъ и

въ словахъ: «He that hath kill'd my king, and whored my mother»...

Такимъ образомъ только чувствительная совѣсть Гамлета препятствуетъ ему рѣшиться сдѣлать послѣдній страшный шагъ. Вспыхивающее въ его душѣ чувство мести ограничивается только моментальнымъ припадкомъ. И даже тогда, когда судьба такъ вѣрно направляетъ дядю-короля противъ его ножа—въ сценѣ, когда король молится, даже тогда ангель-хранитель удерживаетъ руку Гамлета у самого порога мести. Вся рѣшимость его отмстить пропадаетъ, какъ только онъ начинаетъ анализировать и рассуждать. Эти рассужденія пробуждаютъ въ его душѣ новыя чувства, и могучая волна ихъ уноситъ съ собою всю энергію его пробудившейся воли, всю его рѣшимость. Его проникаетъ идея, что месть при такой обстановкѣ, когда король посылаетъ молитвы къ небу, не была бы настоящею местию, какой заслуживаетъ убійца его отца, что онъ обязанъ осуществить свою месть при другой обстановкѣ, когда онъ застанетъ короля «пьянымъ, спящимъ, гнѣвнымъ и въ нечестивомъ пиршествѣ грѣха». Конечно, этотъ мотивъ не имѣетъ для Гамлета руководящаго значенія; скорѣе это кажущійся мотивъ, которымъ протестующая душа оглушаетъ рассудокъ.

Одно изъ величайшихъ открытій Шопенгауера—это выставленное имъ положеніе о первенствѣ воли передъ рассудкомъ. Это истина, которую каждый изъ насъ можетъ подтвердить тысячу разъ, какъ на себѣ самомъ, такъ и на другихъ. Когда какое нибудь чувство толкаетъ насъ на извѣстное дѣйствіе или недѣйствіе, оно имѣетъ за собою и за себя сотни доводовъ,—въ сущности нисколько не уважительныхъ и столь же легко разсѣваемыхъ, какъ мыльные пузыри, но представляющихся намъ, вслѣдствіе огромнаго самообмана, въ высшей степени значительными, имѣющими всю

настоятельность мотивовъ—ибо въ вогнутомъ зеркалѣ нашего собственнаго чувства они отражаются колоссально великими. Конечно, тутъ не ложь господствуетъ надъ нашимъ духомъ, не сознательный самообманъ, а несознательное заблужденіе, которое подчиняетъ себѣ нашъ рассудокъ. И, думается намъ, эта психологическая черта нигдѣ, ни въ одномъ произведеніи литературы не была выражена такъ тонко и такъ правдиво, какъ въ трагедіи Шекспира, составляя самыя лучшія страницы этого гениальнаго творенія.

Итакъ, все доказываетъ, что совѣсть Гамлета протестуетъ противъ кровавой мести. На этомъ чувствѣ, отталкиваемомъ всякую мысль о мести, собственно говоря, построена вся придуманная Гамлетомъ аранжировка спектакля на сценѣ, съ цѣлью поймать короля въ ловушку. Если эта сцена еще болѣе возбуждаетъ Гамлета и укрѣпляетъ его въ виновности короля, то все таки она приводитъ къ тому, чтобы на время оттянуть, отложить актъ мщенія. Выше было уже указано, въ какой мѣрѣ можно считать появленіе тѣни реальнымъ, правдоподобнымъ, насколько оно могло представляться для Гамлета безусловнымъ, не вызывающимъ никакихъ сомнѣній, дѣйствительнымъ внушеніемъ духа отца, а не навожденіемъ, плодомъ разстроеннаго воображенія. Гамлетъ чувствовалъ слова, произнесенныя тѣнью, но, въ тоже время, подвергаясь страшному испытанію, искалъ выхода изъ затруднительнаго своего положенія. И постоянно погруженный въ мысляхъ о мести, постоянно изыскивая средство, съ помощью котораго ему можно было-бы выполнить завѣтъ мести, на самомъ дѣлѣ онъ все дальше и дальше отодвигаетъ отъ себя этотъ страшный актъ, противъ котораго возмущается все его чувство. Въ извѣстномъ монолוגѣ, начинающемся словами: «Какое я ничтожное созданье!..», въ которомъ Гамлетъ обрушивается на себя въ страстномъ

порывъ самобичеванія, упрекая себя за свое бездѣйствіе въ то время, какъ какой нибудь «актеръ, комедіантъ, наемщикъ жалкій, выражая страсти при вымыслѣ пустомъ, изъ-за какой нибудь Гекубы, плачетъ и блѣднѣетъ...» — въ этомъ монологѣ Гамлетъ уясняетъ себѣ самого себя, анализируетъ свой образъ дѣйствія или вѣрнѣе бездѣйствія съ точки зрѣнія кровавой мести, ея идеи, противъ которой его собственное внутреннее существо возстаеъ, но отъ которой ему не удастся сознательно вполне эмансипироваться — ибо она еще крѣпко держится въ нравахъ и понятіяхъ, унаслѣдованная вѣками и освященная привычкой.

Но удивительная особенность великихъ, сильныхъ умовъ: когда отчаяніе доходитъ до послѣднихъ предѣловъ, когда оно доводитъ душу до полного изнеможенія и, кажется, готово поглотить все наше существо — появляется юморъ, горькій, безнадежный юморъ, звучащій отчаяніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщающій міросозерцанію истинно философское спокойствіе. Добрый ангелъ возноситъ своихъ любимцевъ на ту высоту, съ которой вся площадь земнаго бытія, со всѣми его страданіями и грѣхами, представляется игрою пигмеевъ, войною мышей и лягушекъ, мыльнымъ пузыремъ. Съ этой высоты ужасная дѣйствительность превращается, по произволу субъективной игры представлений, въ сновидѣніе, въ которомъ большое кажется малымъ, малое большимъ, и всѣ ужасы бытія умаляются до веселой идилической шутки. Юморъ — это высшій подъемъ духа, высшее проявленіе всеобъемлющей любви, ибо онъ играетъ даже съ самимъ горемъ и вышучиваетъ само страданіе — не гнѣвно и презрительно, а любовно, какъ съ избалованнымъ ребенкомъ, какъ съ существомъ, намъ дорогимъ и пріятнымъ. Вотъ почему истинный юморъ удѣлъ далеко не многихъ; его понимаютъ только немногіе смертные. Даже Шиллеръ, и тотъ не всегда его по-

нимаетъ, чего нельзя не поставить ему въ упрекъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ глубокій эстетикъ и философъ совсѣмъ не оцѣнилъ всю глубину юмора, которымъ проникнута сцена призрачниковъ въ Макбетѣ; онъ совсѣмъ не понялъ этого по истинѣ адскаго юмора, эту тонкую черту человѣческаго духа; онъ не понялъ юмора, который даетъ такое яркое освѣщеніе всей ужасной обстановкѣ въ чертовскомъ домѣ Макбета въ ту ужасную ночь, когда «земля содрогалась, какъ въ лихорадкѣ».

Такой же юморъ — истинно глубокий, истинно Шекспировскій юморъ — мы находимъ и въ «Гамлетѣ», и этимъ юморомъ поэтъ характеризуетъ, съ одной стороны, всю глубину души принца, а съ другой — ея потрясенное состояніе.

И дѣйствительно, приведя насъ къ высшему пункту своей трагедіи, Шекспиръ становится юмористомъ и проявляетъ мастерски это свое свойство въ сценѣ гробоконателей, въ этой удивительной сценѣ, которую, къ сожалѣнію, такъ часто игнорировали, и глубину которой даже Вольтеръ недостаточно чувствовалъ и понималъ.

Къ величайшимъ преимуществамъ Шекспира принадлежитъ правдивость его характеровъ. Онъ изображаетъ намъ не ангеловъ и дьяволовъ, а людей. Даже въ величайшемъ грѣшникѣ кроется частица добродѣтели, которая, по крайней мѣрѣ, въ извѣстные моменты, примиряетъ насъ съ нимъ, точно также какъ даже къ добродѣтельнѣйшему герою пристаеъ иногда кусокъ земли, который не всегда бываетъ чистъ. Эту истину никогда не забываетъ Шекспиръ. На ней главнымъ образомъ и основанъ великій интересъ, которымъ проникнуты всѣ драмы Шекспира. Шекспировскіе герои не представляютъ нѣчто постоянное, неизмѣнчивое, съ разъ на всегда установленными одинаковыми чертами ихъ *типичности*. И его Гамлетъ не всегда одинаковъ. Склонный по природѣ своей къ глубокой

вдумчивости, къ размышленіямъ надъ окружающимъ, онъ отличается крайней душевной подвижностью и неспокойствомъ характера. Последнее стоитъ въ связи съ его впечатлительностью и отзывчивостью, а также и съ рыцарскими нравами того времени, которое его воспитало. То онъ сдерживаетъ себя, сокращается и уходитъ въ себя, то, наоборотъ, въ минуты страстныхъ порывовъ, въ смятеніи, раздражительности, вызываемой къ окружающимъ, онъ не знаетъ границъ. Въ минуту такого порыва онъ убиваетъ Полонія. Такой же порывъ руководитъ имъ въ его поведеніи съ Розенкранцомъ и Гюльденштерномъ. Онъ тайно ночью забираетъ у нихъ письмо и на его мѣсто кладетъ другое подложное, съ подложною печатью, по которому эти его товарищи должны сложить свои головы подъ топоромъ англійскаго палача.

Невольно возникаетъ вопросъ: насколько такой образъ дѣйствія Гамлета представляется дозволеннымъ и нравственнымъ?

Прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы не можемъ не замѣтить, что сужденія по этому поводу критиковъ—не-юристовъ по меньшей мѣрѣ странны. Такъ, Гейнце говорить: «Поведеніе Гамлета, хотя и нельзя оправдать съ точки зрѣнія моральной, но его можно извинить тою горькою необходимостью, которая его къ тому принуждаетъ. Это состояніе необходимой обороны!» Выходитъ, такимъ образомъ, что необходимая оборона нравственно не можетъ быть оправдана! Для насъ, какъ юриста, такой выводъ непонятенъ. Другіе называютъ поведеніе Гамлета въ разсматриваемомъ случаѣ «нехристіанскимъ» и забываютъ, конечно, что необходимая оборона не можетъ почитаться дѣломъ нехристіанскимъ и безнравственнымъ, ибо она установлена правомъ и нравственностью.

Съ точки зрѣнія юридической, такіа сужденія по поводу

образа дѣйствія Гамлета въ отношеніи Розенкранца и Гюльденштерна, представляются вполнѣ неправильными.

Юристъ долженъ тутъ прежде всего остановиться на ситуаціи Гамлета. Его положеніе представляется совершенно исключительнымъ. Мы видимъ Гамлета на суднѣ, въ открытомъ морѣ, плывущемъ по распоряженію короля. У него отнята, такимъ образомъ, внѣшняя свобода, свобода передвиженія, и опасность, въ которую онъ поставленъ, получаетъ уже въ виду этого значеніе не будущей опасности, а наличной. Само плаваніе есть для него ничто иное, какъ приближеніе къ палачу. Находясь въ морѣ, онъ напоминаетъ собою того, кого, связаннаго по рукамъ и ногамъ, толкаютъ въ объятія смерти, или же того, кто, будучи захваченъ и охраняемъ бандитами, въ какомъ нибудь ущельѣ, ждетъ съ минуты на минуту, что его прикончатъ, убьютъ. Такимъ образомъ, въ положеніи Гамлета есть опасность и опасность наличная. Съ этой точки зрѣнія, то главное условіе, при которомъ уголовное право допускаетъ законность необходимой обороны, безсомнѣнно имѣется въ положеніи Гамлета. Не подлежитъ также сомнѣнію и наличность другаго условія, требуемаго уголовнымъ правомъ для законности необходимой обороны. Условіе это—противоправность нападенія. И въ самомъ дѣлѣ, задуманное королемъ посягательство на жизнь Гамлета вполнѣ противоправно, ибо какъ-бы высоко не стояла закономъ признанная власть абсолютнаго правителя,—злоупотребленіе ею въ личныхъ, эгоистическихъ и деспотическихъ интересахъ есть нарушеніе правителемъ своего долга, которое, съ точки зрѣнія современныхъ правовыхъ понятій, считается противоправнымъ, хотя и нельзя правителя привлечь къ юридической отвѣтственности, и вполнѣ оправдываетъ необходимую оборону, хотя въ деспотическихъ странахъ и не признается необходимая оборона по отноше-

нію къ представителю государственной власти. Представимъ себѣ, напримѣръ, такой случай, когда правитель известной страны, — потому-ли, что ему это такъ хочется, или потому, что таково дѣйствующее здѣсь право — присуждаетъ къ смерти какого нибудь захватившаго сюда туриста. Последний, не имѣя другаго средства къ спасенію, убиваетъ своего палача и бѣжитъ. Развѣ можетъ тутъ явиться сомнѣніе въ томъ, что въ этомъ случаѣ не имѣются въ наличности всѣ условія необходимой обороны?

Если въ разсматриваемомъ положеніи Гамлета имѣются всѣ тѣ условія необходимой обороны, какія выставляются въ современномъ уголовномъ правѣ, то, оставаясь на почвѣ послѣдняго, мы можемъ сказать, что весь вопросъ въ отношеніи Гамлета сводится только къ слѣдующему: нарушены-ли имъ, говоря языкомъ криминалистовъ, предѣлы необходимой обороны или нѣтъ? Говоря языкомъ житейскимъ, мы должны спросить: не перешелъ ли Гамлетъ за черту того, что ему было необходимо дѣлать? Можетъ быть ему нужно было ограничиться только простымъ уничтоженіемъ письма короля или, если уже нужно было подмѣнить его другимъ, то такимъ, которое было бы совсѣмъ безобиднымъ?

Если бы Гамлетъ, допустимъ, уничтожилъ просто-на-просто письмо короля, то, вѣдь, онъ себя самъ выдалъ-бы и навлекъ бы на свою голову новую месть со стороны своего врага — Клавдія. Если бы, Гамлетъ избралъ второй указанный путь къ своему спасенію, т. е. замѣнилъ бы письмо короля другимъ какимъ нибудь письмомъ безобиднаго содержания, то, хотя это и могло бы спасти его въ данный моментъ, но не на всегда и не навѣрняка избавило бы его отъ смерти. Можетъ быть, тѣ два трусливыхъ, подлыхъ и жалкихъ труса, Розенкранцъ и Гюльденштернъ, сдумали бы

разставить для него новыя сѣти. Могло бы и такъ случиться, что эти негодяи открыли бы подлогъ писемъ, и тогда Гамлету все равно нельзя было бы избѣжать сѣкиры палача. Даже оставляя въ сторонѣ всю эту исторію съ письмомъ, Розенкранцъ и Гюльденштернъ были всегда страшною опасностью для Гамлета при англійскомъ дворѣ. По крайней мѣрѣ, Гамлету нельзя было иначе смотрѣть на нихъ, какъ именно такъ, и у него было достаточно оснований къ тому, чтобы ожидать отъ нихъ всякихъ козней, въ угоду королю. Впрочемъ, можно еще спросить, не было ли бы совершенно достаточно, если бы Гамлетъ взялъ и написалъ письмо такого содержанія, на основаніи котораго этихъ двухъ негодяевъ заключили бы въ тюрьму? Но могъ ли бы Гамлетъ такимъ путемъ избѣжать угрожавшей ему наличной опасности и выиграть время для обезпеченія себя отъ козней дяди? Можетъ быть! Но — только можетъ быть! Навѣрно ничего здѣсь сказать нельзя. Но если даже строго взвѣсить это дѣло и прійти къ тому заключенію, что принцъ избралъ совсѣмъ ненужное и жестокое средство, въ видахъ своей необходимой обороны, и допустилъ эксцессъ ея, т. е. превышеніе ея предѣловъ, — то его, во всякомъ случаѣ, можно юридически извинить. Не забудемъ, въ какомъ душевномъ состояніи пребывалъ тогда принцъ. Въ тихую ночь его осаждали разныя неясныя ощущенія, непонятныя предчувствія — и вдругъ случайно взоръ его упалъ на злополучное письмо короля. Да, онъ превысилъ предѣлы своей необходимой обороны, но нельзя не простить ему этого обстоятельства, въ особенности, если принять во вниманіе, что ему пришлось дѣйствовать быстро, не разсуждать много и пользоваться тѣмъ моментомъ, который ему совершенно неожиданно представился. Кому прійдетъ въ голову требовать отъ принца,

чтобы онъ, находясь въ самой страшной опасности, могъ рассчитывать на какой нибудь невѣроятный случай, который бы слѣпо, фатально выручилъ его изъ бѣды. Если бы въ такихъ случаяхъ возможно было хладнокровное обсужденіе обстоятельствъ, то признанное всѣми законодательствами право необходимой обороны оказалось бы висящимъ на волоскѣ. Въ такомъ случаѣ и отъ захваченнаго въ плѣнъ разбойниками можно было бы требовать, чтобы онъ не пользовался представляющимся ему удобнымъ моментомъ къ спасенію путемъ убійства караульнаго, а положился бы всецѣло на случай, на надежду, что въ разбойническую трущобу авось явится полиція.

Страшная опасность, затруднительное положеніе, невозможность дѣлать какой нибудь выборъ между имѣющимися подъ рукою средствами—все это извиняетъ сдѣланное Гамлетомъ нарушеніе предѣловъ необходимой обороны. Въ такія ужасныя минуты жизни нельзя обдумывать всѣ возможные послѣдствія извѣстнаго поступка и перебирать ихъ въ мозгу также, какъ перебираемъ мы въ рукахъ волосы. Зѣвать принцу никакъ нельзя было. Надо было дѣйствовать, ловить моментъ и, немедля ни минуты, привести въ исполненіе то, что ему пришло на умъ.

Еще вопросъ: знали-ли дѣйствительно Розенкранцъ и Гюльденштернъ о томъ, что затѣвалось противъ Гамлета, или-же они были простымъ орудіемъ въ рукахъ настоящаго преступника — короля?

Не подлежитъ сомнѣнію, что Розенкранцъ и Гюльденштернъ не могли не предвидѣть, что противъ Гамлета замышляется что-то недоброе, что ему угрожаетъ опасность. Но возможно, что эти два человѣка не были посвящены во все то, что говорилось въ злополучномъ письмѣ короля. Это выте-

каетъ изъ того факта, что они продолжали свое плаваніе даже тогда, когда Гамлетъ ускользнулъ отъ нихъ и когда, стало быть, дальнѣйшее плаваніе было уже безцѣльнымъ. Кромѣ того, съ нѣкоторою натяжкою можно привести въ ихъ пользу и то соображеніе, что они могли считать законнымъ предписаніе короля, ихъ повелителя, и, исполняя это предписаніе, какъ бы оно ни было гнусно и низко, ничего преступнаго въ своей роли «конвойныхъ» не усматривали.

Для юридической стороны вопроса эта деталь не имѣетъ, однако, значенія. Если Гамлетъ былъ убѣжденъ, что эти два негодяя знаютъ о замыслахъ противъ него, то дѣйствительно ли они знали объ этомъ или нѣтъ — это убѣжденіе Гамлета было вполне достаточно для наличности необходимой обороны; это было все равно, какъ если бы они дѣйствительно знали о томъ. Гамлетъ могъ ошибаться. Что-же изъ этого! Нельзя ставить въ вину человѣку, прибѣгающему къ необходимой оборонѣ, его ошибку. Но если даже Гамлетъ и не считалъ этихъ двухъ бездѣльниковъ людьми, знающими о заговорѣ противъ него, если даже онъ видѣлъ въ нихъ только послушныхъ не разсуждающихъ исполнителей короля, то и тогда, въ томъ положеніи Гамлета, наличность необходимой обороны не устраняется. Поэтому мы и не считаемъ ошибкою со стороны Шекспира то обстоятельство, что онъ опредѣленно ничего не разъясняетъ, знали-ли или не знали Розенкранцъ и Гюльденштернъ о томъ, что задумано было королемъ противъ Гамлета. Въ этомъ пробѣлѣ мы лично усматриваемъ не ошибку Шекспира, какъ-то думаютъ нѣкоторые писатели, а, напротивъ признакъ его юридического вкуса, юридического чутья и юридической тонкости всего построенія. Главное и существенное условіе необходимой обороны—это противоправность нападенія, его противозаконность съ точки зрѣнія того, про-

тивъ котораго сдѣлано нападеніе. Разъ это условіе имѣеть мѣсто и удостовѣряется обстоятельствами даннаго случая, необходимая оборона сохраняетъ за собою законныя основанія, даже если лицо, на которое нападаютъ, направляетъ свои оборонительныя дѣйствія не противъ самого виновника, поступающаго вопреки закону, а противъ исполнителей его воли, противъ тѣхъ, которые служатъ простымъ орудіемъ въ рукахъ виновника. Необходимая оборона допускается закономъ и извиняется вовсе не потому, что тотъ, противъ кого она направляется, есть человѣкъ злой, заслуживающій возмездія, а покоится на томъ соображеніи, что неправда не должна торжествовать надъ правомъ, что послѣднее не должно уступать первому даже въ томъ случаѣ, когда безсознательнымъ орудіемъ совершенія неправды служить самъ по себѣ субъективно-невинный человѣкъ.

Этотъ пунктъ въ спеціальной литературѣ по вопросу о необходимой оборонѣ не достаточно подчеркивается. Достаточно, чтобы нападеніе представлялось лицу обороняющемуся объективно противозаконнымъ, и вовсе нѣтъ надобности требовать для отраженія нападенія, чтобы оно было также субъективно виновнымъ. Это въ особенности важно въ случаяхъ необходимой обороны противъ незаконныхъ дѣйствій лицъ должностныхъ. То обстоятельство, что должностное лицо поступаетъ такъ, а не иначе, на основаніи приказа своего начальства и, вслѣдствіе этого, ничего не знаетъ о противозаконности акта, не исключаетъ права необходимой обороны противъ его дѣйствій. Равнымъ образомъ, не исключается это право и отъ того, что лицо должностное, исполняя извѣстный актъ, находится въ состояніи извинительнаго заблужденія. Нѣкоторые криминалисты, хотя и признають этотъ принципъ, но затемняютъ его ясность тѣмъ, что допускають право необходимой обороны даже тогда, когда нападеніе исходитъ даже отъ невмѣняе-

мага существа. Такую постановку вопроса мы встрѣчаемъ у Кэстлина и у Левита. Криминалисты эти упускають, однако, изъ виду, что въ этихъ случаяхъ имѣется состояніе крайней необходимости, а не необходимая оборона, ибо нападеніе существа не вмѣняемаго представляется не только не виновнымъ въ субъективномъ смыслѣ, но даже и не противоправнымъ, даже объективно не противоправнымъ. Нападеніе здѣсь имѣеть всѣ признаки случайности. Только сознательное дѣйствіе можетъ быть правомѣрнымъ или противоправнымъ. Въ сферы сознанія—понятіямъ права и неправды нѣтъ мѣста. Никому, вѣдь, не придетъ въ голову говорить о противоправности нападенія, когда кого нибудь сразила молнія или укусилъ дикій звѣрь. Шекспиръ съ истинно юридическимъ пониманіемъ выразилъ принципъ необходимой обороны въ словахъ Гамлета къ Горацио по поводу ожидающей Розенкранца и Гюльденштерна казни, благодаря подмѣненному письму. Кто становится орудіемъ незаконныхъ плановъ нападенія, тотъ можетъ ожидать, что на него распространится кровавое право необходимой обороны. Затѣмъ въ данномъ случаѣ вообще непримѣнимо то юридическое положеніе, по которому необходимая оборона признается допустимой только противъ самаго нападающаго, такъ что причиненіе вреда лицу третьему, къ нападенію непричастному, хотя бы даже съ цѣлью спасти себя, не можетъ быть подводимо подъ понятіе необходимой обороны и можетъ быть оправдываемо развѣ единственно, какъ причиненіе вреда въ состояніи крайней необходимости. Ибо Розенкранцъ и Гюльденштернъ выступаютъ въ роли прямыхъ пособниковъ короля въ его замыслахъ противъ Гамлета и, содѣйствуя его планамъ, направленнымъ къ гибели Гамлета, поступаютъ объективно противозаконно, почему и могутъ вполне подлежать дѣйствію необходимой обороны со стороны Гамлета.

Въ поведеніи Гамлета по отношенію къ Розенкранцу и Гюльденштерну и также въ учиненномъ имъ убійствѣ Полонія Шекспиръ не только представилъ намъ юридическій характеръ всего конфликта, средоточіемъ котораго является Гамлетъ, но и въ высшей степени ярко охарактеризовалъ личность своего героя. Убить когонибудь въ состояніи необходимой обороны не значитъ совершить дѣло противозаконное. Но убить когонибудь изъ мести—это есть дѣло противозаконное, противное правопорядку и началамъ нравственности. Вотъ почему мы и видимъ Гамлета бодрымъ и дѣятельнымъ въ тѣхъ положеніяхъ, которыя вынуждаютъ его прибѣгать къ оборонѣ. Тамъ-же, гдѣ дѣло идетъ не о томъ, чтобы пользоваться своимъ правомъ, а требуется учиненіе мести, причиненіе другому зла,—тамъ передъ нимъ выростаеъ ужасный призракъ неправды, противъ которой протестуютъ его душа и совѣсть, и Гамлетъ является нерѣшительнымъ, бездѣйствующимъ. Не убійство само по себѣ, а противоправность такового заставляютъ Гамлета вложить въ ножны извлеченный имъ оттуда мечъ. Такимъ хотѣлъ намъ изобразить Гамлета поэтъ, и эта главная черта въ характерѣ Гамлета отдѣляется двумя эпизодами въ трагедіи—убійствомъ Полонія, которое представляетъ случай мнимой необходимой обороны, и поступкомъ съ Розенкранцомъ и Гюльденштерномъ—представляющимъ случай дѣйствительной необходимой обороны. Такимъ образомъ центръ всего творенія Шекспира, главный пунктъ въ развитіи характера его героя, Гамлета—это борьба съ кровавою местию.

Но если кровавая месть представляется варварскою, противоправною, то что же должно замѣнить ее, занять ея мѣсто? Всякій отвѣтитъ — юстиція! Къ юстиціи и стремится правосознаніе Гамлета и къ ней онъ взываетъ въ

своей потрясенной душѣ. Но дѣло въ томъ, что эта юстиція ему недоступна, что въ ней ему отказано. Въ этомъ и заключается тотъ трагическій гордіевъ узелъ, который нельзя никакъ развязать или распутать, а можно только разсѣчь. Современная Гамлету юстиція оказывается несовершенной; она слабѣе, ниже, чѣмъ противоположная ей система—кровавая месть. Въ сравненіи съ послѣдней она имѣетъ ту слабую сторону, что она отказываетъ въ удовлетвореніи пострадавшаго въ томъ случаѣ, когда виновный убійца сидитъ на тронѣ. Эту мысль Шекспиръ развилъ и въ своемъ Ричардѣ III.

Въ этой невозможности получить удовлетвореніе путемъ правовымъ, путемъ юстиціи, которую общественный правопорядокъ и принципы государственной жизни дѣлаютъ несостоятельной, недѣйствительной—въ этомъ заключается центральный пунктъ раздвоенія, переживаемаго Гамлетомъ и омрачающаго его духъ. Въ этомъ пунктѣ лежитъ причина и объясненіе безвыходнаго положенія Гамлета и къ нему сводятся безысходно-мрачныя размышленія, которыя терзаютъ душу Гамлета и приводятъ его къ знаменитому вопросу—*«быть или не быть»*.

Но можетъ быть, существовалъ, все-таки, какой либо хоть одинъ *единственный* выходъ изъ ужаснаго положенія Гамлета? Если не было никакой возможности добиться суда надъ убійцею, овладѣвшимъ трономъ, то нельзя-ли было, по крайней мѣрѣ, свергнуть его съ престола, снять съ его недостойной головы ту корону, которую онъ такъ предательски похитилъ у покойнаго короля? Нельзя-ли было Гамлету прибѣгнуть къ перевороту, къ народному возстанію, къ дворцовой революціи, къ оглашенію во всеобщее свѣдѣніе страшнаго злодѣяства?

Революція и государственный переворотъ не входятъ въ рамки юридическаго и этическаго разсмотрѣнія. Съ точки зрѣнія юридической обращаетъ на себя вниманіе не революція, а неудавшаяся революція, характеризующаяся какъ государственная измѣна. Что касается этическаго значенія революціи, то оно подлежитъ разсмотрѣнію и приобретаетъ интересъ только съ точки зрѣнія тѣхъ мотивовъ и факторовъ, которые ее призвали къ жизни. Революція есть патологическое явленіе въ томъ смыслѣ, что его вызываютъ съ естественною необходимостью болѣзни общественнаго организма. Представляясь явленіемъ болѣзненнымъ, революція входитъ такъ-же мало въ предѣлы юридическаго анализа, какъ и всеокрушающій вандализмъ въ предѣлы художественнаго анализа. Революція—это судороги организма или-же боли родильницы новаго времени. Въ роли врача здѣсь можетъ быть только государственный мужъ, но не юристъ, не философъ, не изслѣдователь въ области этики.

Революціонеромъ Гамлетъ не призванъ быть. Въ немъ нельзя даже видѣть Брута, не говоря уже о желчномъ Кассіѣ. Для того, чтобы быть революціонеромъ, у него нѣтъ какъ разъ необходимыхъ качествъ. Нѣтъ у него практической смелости, нѣтъ спокойствія, присутствія духа. Отсутствуетъ у него также, въ особенности, агитаторскій темпераментъ, необходимый для того, чтобы заручиться кулаками народной массы. Онъ не обладаетъ способностью дѣлать выкладки, обдумывать планы, выбирать средства. Его нравственное существо черезчуръ отзывчиво и у него нѣтъ той нравственной неуязвимости, которая, какъ кожа слона, нечувствительна къ острымъ уколамъ тонкой иглы угрызений совѣсти. Въ его характерѣ не найдемъ мы ни капли той скрытности, которая отличала Брута, ни способности надѣвать на себя маску лицемѣрія.

Духъ его со страшною силою сокрушаетъ окружающія его окопы и сквозь всѣ поры его существа рвется наружу. Эта особенность характера Гамлета настолько сильна, что онъ производитъ собою впечатлѣніе неприятной личности, которой надо остерегаться. Его мужество, прямота, смѣлость—даже эти качества мѣшаютъ ему, создаютъ на его пути препятствія, потому что они обнаруживаются у него стремительно, инстинктивно, и вслѣдствіе этого внушаютъ каждому опасенія связать съ нимъ свою судьбу и вступить съ нимъ въ общее дѣло, которое онъ скорѣе можетъ дискредитировать и ввести въ несчастье, чѣмъ увѣнчать успѣхомъ. Если бы этотъ человѣкъ задумалъ совершить государственный переворотъ, онъ самъ сейчасъ-же выдалъ-бы себя и вмѣсто того, чтобы вступить на прародительскій престолъ, онъ оказался-бы только причиною несчастья многихъ людей. Но развѣ можно поставить все это въ упрекъ Гамлету? Имѣемъ-ли мы какое нибудь право считать ошибкою его нравственную и правовую гиперестезію, являющуюся выраженіемъ высшей организаціи? Можемъ-ли мы досадовать на пальму за то, что она не переноситъ сѣвернаго вѣтра?

Такимъ образомъ прежде чѣмъ заклеимъ Гамлета именемъ недостойнаго бездѣйствующаго принца, слѣдуетъ подумать о томъ, что положительный образъ дѣйствія Гамлета, въ противоположность къ его бездѣйствію, породилъ-бы терроръ, на знамени котораго стояло-бы слово, безусловно жестокое— «революція».

Это забываютъ, въ особенности, тѣ, которые доказываютъ, что если-бы Гамлетъ обратился съ рѣчью къ народу и открылъ бы ему всю правду, дѣло было-бы сейчасъ сдѣлано. Они забываютъ, что въ дѣйствительной жизни подобные кризисы исторіи совершаются не съ помощью однѣхъ рѣчей, а

съ помощью дѣйствій, полныхъ ужаса и жестокости. Ссылаться на то, что даже Лаэрту легко было вызвать нѣкоторое волненіе въ народѣ, — нельзя, ибо постоянству народа довѣрять нельзя. Примѣровъ непостоянства его можно найти очень много въ исторіи. Отъ платонической-же любви народа къ Гамлету до революціи противъ солдатъ короля и его могучихъ единомышленниковъ — еще очень далеко. Кто упускаетъ это изъ виду, тотъ забываетъ о тѣхъ реальныхъ силахъ, которыя управляютъ исторіею, и тотъ переходитъ въ область утопіи. Къ тому-же, какъ справедливо замѣтилъ Вердеръ, Гамлетъ не могъ-бы убѣдить народъ въ справедливости своего дѣла, «сославшись только на свидѣтельство тѣни. Въ глазахъ народа это было-бы слишкомъ неубѣдительно, тѣмъ болѣе, что тѣнь видѣлъ только Гамлетъ одинъ. Противникамъ его было-бы все равно очень легко выставить всю эту исторію въ иномъ свѣтѣ, указать на то, что здѣсь только ловкій обманъ или-же просто иллюзія человѣка помѣшаннаго, котораго слѣдуетъ засадить въ сумасшедшій домъ, а вовсе не въ дворецъ, на тронъ. Известно, вѣдь, какъ легко возбудить народную массу такими сказками. А какъ ко всему этому относились при дворѣ, это видно изъ того факта, что изъ зрительной залы, во время представленія, вмѣстѣ съ королемъ удалилось и все общество. Во всякомъ случаѣ, самымъ благопріятнымъ для Гамлета положеніемъ было-бы его возвращеніе домой съ письмомъ короля объ его убійствѣ, ибо тогда у него въ рукахъ было бы кое-что осязательное, реальное. Но не слѣдуетъ забывать, что фактомъ убійства Полонія (подробности котораго публикѣ были неизвѣстны) онъ создалъ себѣ весьма рискованное положеніе. Словомъ, рѣшительно все препятствовало тому, чтобы Гамлетъ выступилъ въ роли революціонера. Затѣмъ Гамлетъ вообще по своему характеру не годился для роли государ-

ственнаго человѣка. Что государственный человѣкъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ долженъ пользоваться не только правомъ, но и неправдою, это ясно доказалъ Макиавелли, хотя, въ общемъ, можно нѣсколько усомниться въ справедливости его ученія о государственныхъ людяхъ, въ которомъ отводится такъ мало мѣста морали. Даже самъ даровитый авторъ «Антимакиавелли» — Фридрихъ Великій принужденъ былъ въ жизни своей испытать всю справедливость положеній великаго итальянца. Таково также значеніе мастерски написанной сцены съ Фортинбрасомъ, который изъ за скорлупы орѣха швыряетъ въ пасть смерти двѣ тысячи или даже еще больше людей. Но Фортинбрасъ человѣкъ дѣла, активной энергіи, человѣкъ настоящаго и будущаго. Миръ принадлежитъ дѣйствующему, а «дѣйствующій» (согласно Гете) не долженъ имѣть совѣсти».

Для Гамлета представлялось бы чѣмъ-то ужаснымъ всякое заранѣе обдуманное, по намѣченному плану совершенное убійство. Это его «grave scruple» — которое наполнило бы его отчаяніемъ и сомнѣніемъ при мысли, что дѣяніе можетъ людямъ причинить зло и страданія. Даже его поступокъ съ Розенбранцемъ и Гюльденштерномъ беспокоятъ его совѣсть, и его усиленные самоувѣренія, что онъ поступилъ съ ними по справедливости, служатъ только доказательствомъ того, что жало проникло въ его душу и что этими увѣреніями онъ хочетъ облегчить себя.

Но если бы даже была вызвана революція, спрашивается: имѣла ли бы такая революція, въ самомъ дѣлѣ, высокую соціально-политическую цѣль? Измѣнила-ли бы она дѣйствительно къ лучшему правительство Даніи и судьбу этой страны?

Если исходить изъ того взгляда, что для государя благо страны составляетъ высшую и священнѣйшую цѣль, то воз-

станіе противъ короля, признаннаго народомъ законнымъ, только тогда можетъ вызвать снисходительное къ себѣ отношеніе исторіи, когда оно возникло не изъ эгоистическихъ интересовъ претендента на престолъ, а въ интересахъ народнаго благополучія, прогресса или народной чести. Что революціи претендентовъ на извѣстный престолъ причиняютъ въ большинствѣ случаевъ только смуты и бѣдствія,—это никакой другой народъ не испыталъ такъ сильно, какъ народъ англійскій. Никто также не занесъ это съ такою ясностью на страницы исторіи, какъ Шекспиръ въ своихъ грандіозныхъ историческихъ твореніяхъ, въ своихъ царственныхъ драмахъ. Въ различныхъ его драмахъ дано и разное освѣщеніе этому вопросу, и въ «Гамлетѣ» совсѣмъ иное, чѣмъ въ его «Лукреціи». Здѣсь взываетъ къ мести позорно обезчещенная женщина, но это не ея одной горе, не она одна только ищетъ въ мести разрѣшенія кризиса, а весь народъ, народъ угнетенный, возстающій противъ тѣхъ, кто запятналъ княжескую честь порокомъ. И когда робкій Брутъ снимаетъ съ себя маску и вмѣстѣ съ Коллатиномъ поднимаетъ мечъ, то они требуютъ у неба искупленія вины не только одного грѣшника, а многихъ. Это карательный судъ, долженствующій сокрушить высокомерное господство Тарквиніевъ, это нравственный духъ народа, желающаго ассенизировать атмосферу города, который съ той поры сталъ вѣчнымъ городомъ. Равнымъ образомъ, той-же идеѣ дано совсѣмъ другое освѣщеніе въ «Гамлетѣ», не схожее съ тѣмъ, которое мы встрѣчаемъ въ «Макбетѣ», гдѣ рѣчь идетъ о сверженіи съ престола купающагося въ крови тирана и о возвращеніи странѣ утерянной ею свободы. Вотъ почему, нельзя проводить параллели между Гамлетомъ и Макдуфомъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые писатели.

Но помимо всего этого можно еще спросить: развѣ отъ низверженія Клавдія Данія въ самомъ дѣлѣ выиграла бы много? Что надъ Клавдіемъ тяготѣетъ страшное преступленіе, что онъ совершилъ чудовишное злодѣйство, лишивъ жизни своего достойнаго брата и короля и соблазнивъ его супругу—это все не подлежитъ сомнѣнію. Не менѣе того безспорны и всѣ ужасные замыслы Клавдія противъ жизни Гамлета. Но, несмотря на все это, Клавдія нельзя назвать жестокимъ регентомъ. Его ужасное преступленіе было вызвано любовною страстью и жаждой власти, и его преступные замыслы противъ Гамлета являются лишь естественнымъ послѣдствіемъ этого преступленія—послѣдствіемъ тяготѣвшаго надъ нимъ проклятія, побуждавшаго его, въ видахъ утвержденія собственной безопасности, учинять дальнѣйшія подлости. Надъ Клавдіемъ обнаруживается дѣйствіе того страшнаго закона, который Шекспиръ выразилъ такъ удачно въ «Ричардѣ III», въ словахъ Ричарда: «Обагривъ свои руки кровью, я вступилъ уже на путь грѣховъ». Въ всего этого, Клавдій является однимъ изъ самыхъ ловкихъ правителей. Онъ увѣренно и ловко умѣетъ смягчать диссонансъ между его страной и Норвегіею, знаетъ, какъ сдерживать вассаловъ Англій. У него, затѣмъ, есть та великая Макиавеллистическая черта, благодаря которой, не будучи на самомъ дѣлѣ ни добрымъ, ни добродѣтельнымъ, онъ умѣетъ такимъ прикидываться. У него такія же медовыя уста, какъ и у Ричарда III, но въ отличіе отъ послѣдняго, онъ не проявляетъ склонностей къ дьявольскимъ насилію и жестокости. Онъ самымъ искуснымъ образомъ умѣетъ покорять сердца людей, успокаивать бурю, и если, въ общемъ, нѣтъ у него совсѣмъ внутренняго благородства, нѣтъ истиннаго достоинства, то онъ за то умѣетъ напускать на себя величественный, царственный видъ. Въ

присутствіи постороннихъ онъ величавъ, спокоенъ, владѣеть собою, чуждъ страстныхъ порывовъ. Онъ ведетъ себя такъ разсудительно и сдержанно, что обезпечиваетъ себѣ этимъ вполне господство надъ толпою. Лишь моментами и не всегда покидаетъ его эта разсудительность. Это бываетъ тогда, когда сознаніе своей вины гнететъ и давить его, какъ тяжелая ноша.

Впрочемъ, есть у него и крупные недостатки. Онъ большой лицемеръ. Лъстецы, какъ Розенкранцъ и Гюльденштернъ, плуты и негодяи, какъ Полоній, шуты, какъ Озрикъ—вотъ люди того времени, окружавшіе Клавдія. Понятно, что среди ихъ благородный Гамлетъ и честный Гораціо должны были вызывать общее къ себѣ вниманіе, какъ два бѣлые ворона. Было-бы, однако, несправедливо обвинять одного Клавдія въ этой деморализаціи общества. Клавдій опередилъ только послѣднее. Не будучи хуже людей, его окружавшихъ, онъ былъ только болѣе ловокъ и умнѣе, чѣмъ они. Уничтожить тотъ отравленный посѣвъ, который далъ такой урожай среди общества, было бы не подъ силу даже человѣку честному и доброму. Не могъ бы это сдѣлать и Гамлетъ, и очень возможно, что и онъ испыталъ бы на себѣ судьбу своего отца—рогоносца. Также еще большой вопросъ—сумѣлъ ли бы Гамлетъ такъ сдерживать народъ, какъ умѣлъ это дѣлать его дядя, точно также неизвѣстно, было ли бы ему подъ силу поддерживать дипломатическую игру съ Норвегіею и Англіею. Отзывчивый мыслитель и апостолъ морали—Гамлетъ разошелся бы, вѣроятно, скоро съ обществомъ и тѣмъ или другимъ необдуманнѣе своимъ актомъ ослабилъ бы расположеніе къ себѣ толпы. Легко можетъ быть, затѣмъ, что среди общаго недовольства показался бы на горизонтѣ грозный обликъ норвежскаго короля.

Только такой человѣкъ, какъ Фортинбрасъ, который не мѣрится человѣческую жизнь аршиномъ, который, подобно пожару, все на своемъ пути зажигаетъ и сокрушаетъ,—только такой прямолинейный политикъ и человѣкъ войны годился для того, чтобы почистить авгіеву конюшню и вымести изъ нея весь навозъ, всѣхъ негодяевъ, плутовъ, лизоблюдовъ, нахлѣбниковъ и всю эту компанію попрошайекъ. Это человѣкъ, который не знаетъ нѣжности въ дѣлахъ государственныхъ. Такъ именно и слѣдуетъ понимать этого человѣка, образъ котораго проходить по трагедіи, какъ сокрушающая сила, передъ которою отступаютъ рѣшительно всѣ, начиная съ лицемера Клавдія и кончая впечатлительнымъ Гамлетомъ. Это непочатая, жаждущая дѣла, желѣзная натура, къ которой силою самого providѣнія должна была перейти власть. Это чувствовалъ Гамлетъ, котораго предсмертныя слова были обращены къ Фортинбрасу. Гамлетъ является какъ бы исполнителемъ вѣднѣй судьбы. Таковъ ужъ великій законъ міровой исторіи, что она пользуется услугами людей, даже противъ ихъ воли, что свои цѣли она осуществляетъ, даже если противъ нихъ возстаютъ человѣческая воля, что она господствуетъ надъ дѣйствіями людей, вопреки ихъ намѣреніямъ, желаніямъ и стремленіямъ. Таково именно значеніе появленія Фортинбраса, съ вступленіемъ котораго на престолъ Даніи возстанавливается нарушенное равновѣсіе и за разшатанностью власти наступаетъ снова желѣзная строгость. Конецъ трагедіи показываетъ намъ, какъ могуча высшая прогрессивная цѣль, намѣченная предопредѣленіемъ, и послѣдняя сцена—этотъ благозвучный финальный аккордъ—наполняетъ насъ чувствомъ удовлетворенія, утѣшительнымъ сознаніемъ, что вновь создана здоровая, плодотворная почва для дальнѣйшаго развитія.

Въ критической литературѣ были высказаны нѣкоторыя соображенія противъ эстетической цѣлесообразности финальнаго момента трагедіи и указывалось на то, что трагедія должна имѣть цѣлью показать тщету всего земнаго, между тѣмъ какъ указанный примиряющій моментъ разрушаетъ эту цѣль. Но, думается намъ, трагедія не должна имѣть только цѣлью представить намъ ничтожество человѣческихъ дѣйствій; она должна также примирить насъ съ жизнію, вселить въ нашей душѣ убѣжденіе, что съ исчезновеніемъ одной генераціи появляется другая, стремящаяся быть болѣе дѣятельной, болѣе совершенной, и привести насъ къ утѣшительному сознанію, что весь міровой процессъ, съ его радостями и страданіями, не лишенъ всякаго смысла, а, напротивъ, ведетъ насъ къ высшимъ цѣлямъ.

Таковы тѣ основанія, которыя инстинктивно подчиняли себя Гамлета. Порою въ душѣ его вспыхивала искра мщенія, но онъ душилъ ее и, такимъ образомъ, обреченный стеченіемъ обстоятельствъ на бездѣйствіе, сдѣлался въ концѣ концовъ фаталистомъ. Дѣйствовать путемъ насилія, обязать себя торжественною клятвою силами подземнаго міра въ томъ, что съ оружіемъ въ рукахъ, онъ доставитъ себѣ тронъ Даніи—ему не было никакой возможности. Надѣтъ-же на себя маску лицемѣрія ему было не въ моготу. Такимъ образомъ нависли надъ его головою съ естественною необходимостью грозныя тучи. Потерявъ надежду на спасеніе, онъ пошелъ по пути, судьбою ему указанному. Эта его спокойная покорность судьбѣ изображена Шекспиромъ превосходно. Принцъ предчувствуетъ, что судьба не пощадитъ его, какъ только онъ вступитъ на роковой боевой путь. Но онъ рѣшается, полагая, что если это теперь не случится, то случится потомъ. Этотъ фатализмъ Гамлета не есть послѣдствіе пессимизма. Это результатъ разрушительной внутренней борьбы, подъ бреме-

немъ которой человѣкъ съ истинно христіанскою покорностью отдаетъ себя въ руки судьбы, удаляясь отъ активной дѣятельности и подавляя въ себѣ всякую потребность въ дѣятельности.

Гамлетъ идетъ мужественно на встрѣчу къ своему несчастью, послѣ того какъ онъ геройски самъ съ собою боролся. Онъ даже весель, и веселость эта его оживляетъ. Въ немъ нельзя не видѣть созерцательнаго философа, возвышающагося надъ всѣмъ земнымъ. Онъ отказался отъ всякихъ иллюзій, и ни горе, ни радость, ничто человѣческое его болѣе не трогаетъ. Духъ его, правда, еще протестуетъ; онъ напряженъ до крайности, ища себѣ выхода изъ ужасной дилеммы обязанностей. Приступая минутами къ дѣйствию, Гамлетъ немедленно отказывается отъ него и со спокойною душою начинаетъ ждать развязки, послѣ того какъ въ сценѣ на кладбищѣ съ чувствомъ меланхолической тоски покопался въ той ранѣ, отъ которой страдаетъ все человѣчество. Мы видимъ его снова оживленнымъ въ самый моментъ смерти. Онъ рѣшается дѣйствовать... Всѣ злодѣйства Клавдія вырастаютъ передъ его душою во всемъ ихъ ужасномъ размѣрѣ,—когда его родная мать, разъяренная ядомъ, падаетъ, когда онъ самъ чувствуетъ уже въ себѣ смерть и когда Лаэртъ, падая съ крикомъ боли, говоритъ, что вся вина—короля. Въ этотъ моментъ всѣ сдержившія его доселѣ границы стерты, онъ страшно возбужденъ, его впечатлительная нервная натура страдаетъ отъ уколовъ, все кажется ему пустымъ, ничтожнымъ, тщетнымъ, негоднымъ и гнилымъ. Вотъ теперь долго сдерживаемый потокъ прорывается изъ береговъ, и порывистыя теченія страсти сокрушаютъ всѣ попадающіяся имъ на пути препятствія. Это поднимается изъ могилы при видѣ крови старый духъ кровавой

мести. Въ послѣдней катастрофѣ онъ подводитъ свои страшные итоги...

Законъ кровавой мести, противъ котораго Гамлетъ боролся, какъ герой, въ послѣднія минуты жизни покоряетъ его себѣ. И онъ долженъ уплатить свою дань человѣчеству. Первое испытанное имъ волненіе въ ту минуту, когда передъ нимъ предстала съ требованіемъ о мести тѣнь отца, теперь вновь охватываетъ принца, не взирая на то, что онъ пожертвовалъ рѣшительно всѣмъ для того только, чтобы не поддаться этому требованію. Сходное переживаетъ и Юлія въ «Новой Элоизѣ», которая послѣ долгой, горячей и упорной борьбы, въ моментъ наступленія смерти, должна признать, что любовь ея не вырвана изъ сердца, что огонь страстей, охватившій все ея внутреннее существо, не потушенъ: «J'eus beau vouloir étouffer le premier sentiment qui m'a fait vivre, il s'est concentré dans mon coeur. Il s'y reveille au moment qu'il n'est plus à craindre; il me soutient, quand mes forces m'abandonnent; il me ranime, quand je me meurs» ¹⁾).

Никто не избѣгаетъ своей судьбы, какъ ни стараться ее обойти. Въ этомъ смыслѣ можно видѣть въ призывѣ тѣни покойнаго отца Гамлета къ мести голосъ судьбы. Призывъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, открываетъ Гамлету то, что имѣетъ совершиться въ будущемъ и, какъ какая-то невѣдомая, темная деспотическая сила, ведетъ его, не смотря на всѣ мужественные протесты души, на встрѣчу къ будущему событію. Вотъ почему мы видимъ въ Гамлетѣ вдвойнѣ трагическаго героя, трагическаго не потому только, что онъ погибаетъ, но и потому еще что, не взирая на борьбу души съ предопредѣленіемъ, борьбу его лучшаго «я» съ силами низкихъ нравственныхъ идей, онъ въ концѣ концовъ долженъ подчиниться велѣнію судьбы.

¹⁾ Nouv. Héloïse, VI, 12.

Душа его не только изнемогла, вся изстрадалась, но даже въ самый послѣдній моментъ ей пришлось испытать горькую чашу разочарованія. Разочаровавшись совершенно въ себѣ самомъ, онъ закрываетъ на вѣки глаза. Это и есть послѣдняя и высшая ступень во всей его трагической исторіи.

Юридическое изученіе Гамлета ведетъ насъ еще и къ другой весьма важной сторонѣ вопроса. Намъ, именно, важно уяснить себѣ тѣ отношенія, какія существовали между Гамлетомъ и его матерью.

Первый основной вопросъ, здѣсь возникающій, — слѣдующій: должны ли мы, съ точки зрѣнія Гамлета, считать его мать совиновницей въ томъ неслыханномъ злодѣйствѣ, которое совершено было съ его отцемъ?

Обыкновенно на этотъ вопросъ даютъ отрицательный отвѣтъ, что не вѣрно.

Мать Гамлета была совиновницей въ злодѣйствѣ, она грѣшница, вступившая въ нечестивую половую прелюбодѣйную связь съ лицомъ постороннимъ и обдумавшая убійство своего законнаго супруга. Это убійство и прелюбодѣянiе идутъ у нея рука объ руку. Непризнаніе матери Гамлета совиновницею въ убійствѣ его отца и ея мужа противорѣчило-бы опыту и природѣ всѣхъ такихъ преступленій. Мужеубійство всегда стоитъ рядомъ съ прелюбодѣянiемъ и наоборотъ. Вопросъ сводится тутъ только къ тому, насколько велика была злая воля прелюбодѣя, чтобы оказывать вліяніе на увлекшую его женщину. Извѣстно, какъ велико вообще участіе женщинъ въ преступленіяхъ. Какое же преступленіе имѣла въ виду тѣнь покойнаго короля, предупреждая Гамлета, чтобы онъ не предпринималъ ничего противъ своей матери? Имѣла-ли она въ виду только грѣхъ прелюбодѣянiя матери-королевы — прежній грѣхъ при жизни мужа или настоящую связь ея съ братомъ умершаго мужа? Но не

прелюбодѣяніе взываетъ къ кровавой мести, хотя въ извѣстные періоды права таковое считалось кровосмѣшеніемъ, а убійство, ибо только оно можетъ требовать убійства-же. Вотъ этотъ-то императивъ и имѣлъ духъ въ виду нѣсколько смягчить или ослабить. А что Гамлетъ вѣрно понималъ призывъ духа, это ясно видно изъ многихъ его тирадъ. Какъ-бы на дѣло не смотрѣть, а прелюбодѣяная связь его матери и быстрое вступленіе ея въ новый бракъ не представляются еще такими злодѣйствами, которыя требовали-бы того, чтобы для нихъ пу-скались въ ходъ кинжалы и чтобы сынъ убилъ мать. Это подтверждается также тѣмъ мѣстомъ изъ сцены на сценѣ, гдѣ королева говоритъ: «убивъ одного, можетъ себѣ искать другого». Иначе это мѣсто никакъ нельзя болѣе или менѣе удовлетворительно объяснить. Затѣмъ, это подтверждается также діалогомъ между Гамлетомъ и его матерью. Самый фактъ поспѣшнаго вступленія въ новое замужество ужъ свидѣтельствуетъ о томъ, что ей извѣстно было преступное посягательство на жизнь ея перваго мужа. Если-бы мать не была причастна къ совершившемуся убійству, развѣ страшная смерть ея мужа не разбудила-бы ея совѣсти? Развѣ такая внезапная, загадочная смерть не должна была, подобно змѣѣ, точить ея сердце и пожирать ее сомнѣніемъ и подозрѣніемъ? Все это должно было вызвать въ ней тысячу соображеній противъ брака, который къ тому-же, по понятіямъ того времени, считался кровосмѣшеніемъ. Будь она не виновата, обольститель ея не сумѣлъ-бы такъ легко склонить ее къ поспѣшному браку. Во всякомъ случаѣ, женщина—существо слабое, и Шекспиръ самъ показалъ намъ въ типѣ Анны (Ричардъ III), какъ легко можетъ женщина отречься отъ своего супруга, когда у нея есть или недалеко находится демонъ-искуситель. Рѣшающее, наконецъ, значе-

ніе имѣютъ здѣсь, думается намъ, слова королевы въ сценѣ съ сумашествіемъ Офеліи:

„О, преступленіе! Малая причина
Тебя тревожитъ, предвѣщая горе,
И недовѣрчивость, сомнѣніе—невольню
Разоблачаютъ черную порока тайну“!

Какимъ образомъ могли-бы задѣть виновное сердце королевы рѣчи Офеліи по поводу смерти ея отца, если она ни въ чемъ другомъ не виновата, какъ въ прелюбодѣяніи и въ поспѣшномъ вступленіи въ новое замужество? А между тѣмъ, какой испугъ порождаетъ тѣ же рѣчи Офеліи, когда народъ изъ факта смерти Полонія начинаетъ подозрѣвать истинныя причины смерти прежняго своего короля!

Мать Гамлета, конечно, не Клитемнестра, которая открыто убиваетъ своего мужа, а затѣмъ, по выполненіи ужаснаго дѣянія, объявляетъ объ этомъ во всеуслышаніе. Мать Гамлета не жестокая героиня античнаго міра, не демонъ въ образѣ женщины, а просто преступная, сладострастная женщина новѣйшаго времени, вся сила которой заключается въ чисто женскомъ лукавствѣ, въ кокетствѣ, въ умѣннн завлекать мужчину; это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя обыкновенно возлагаютъ физическое выполненіе преступления на мужчину, а сами предпочитаютъ играть роль пассивную. Вотъ почему, несмотря на все, королева могла быть нѣжною матерью для Гамлета, интимною подругою Офеліи. Поэтому также Клавдій, замышляя гибель Гамлета, не впутываетъ мать его въ свои планы. Въ отношеніи своихъ преступныхъ предприятий Клавдій имѣлъ полное господство надъ королевою. Шекспиръ со свойственными ему огромнымъ талантомъ и увѣренностью разрѣшилъ эту трудную психологическую проблему, сумѣвъ сохра-

нить жизненные черты женщины-матери и отбъить хорошия стороны соучастницы преступнаго Клавдія.

Все-таки, есть одно сходство между этою современною похотливою женщиною и Клитемнестрой—этимъ демономъ античнаго міра. Клитемнестра и мать Гамлета обѣ отравили на тотъ свѣтъ своихъ мужей. Мать Гамлета еще до убійства обезчестила своего мужа, вступивъ въ прелюбодѣйную связь съ братомъ его. Мать Гамлета есть положительно совиновница въ убійствѣ своего мужа. Мы видимъ здѣсь всѣ признаки комплота двухъ прелюбодѣевъ противъ стараго короля. Въ виду этого, слова тѣни покойнаго короля, обращенныя къ Гамлету съ предупрежденіемъ не предпринимать ничего противъ матери — получаютъ совершенно особенное юридическое значеніе. Дѣло въ томъ, что по правовому убѣжденію того времени кровавая месть за убитаго отца не должна распространяться на права матери. Право кровавой мести должно преклониться въ благоговѣніи передъ правомъ матери; послѣднее настолько свято, что лицо, обнажившее съ цѣлью мести свой мечъ, должно снова опустить его въ ножны, разъ передъ нимъ предсталъ обликъ матери, со всѣми ея правами.

Какъ извѣстно, въ жизни народовъ право матери является болѣе раннимъ по времени, чѣмъ право отца. Еще задолго до того, какъ стала утверждаться идея единенія по крови съ отцомъ, связь ребенка съ матерью была уже признана и матери было присвоено право на уваженіе. Самый фактъ признанія права отца (патріархатъ) явился послѣдствіемъ уже ранѣ существовавшаго материнства (матріархатъ), какъ явленіе производное отъ послѣдняго. Такъ, у индогерманцевъ роль отца была санкціонирована правомъ на томъ основаніи, что отецъ разсматривался, какъ господинъ жены и, стало быть, какъ

господинъ и ея плода. Дитя, такимъ образомъ, признавалось принадлежащимъ отцу не потому, что оно дитя отца, а потому что оно дитя матери и, стало быть, должно принадлежать ему, какъ ея господину, — безразлично, самъ ли онъ произвелъ его на свѣтъ или кто другой. Извѣстное римско-правовое положеніе—*«pater est, quem nuptiae demonstrant»*, заключаетъ въ себѣ не ту мысль, что супругъ, какъ производитель дитяти, предполагается, а, напротивъ,—ту коренную идею, что въ качествѣ господина своей жены, онъ имѣетъ отцовскія права, безразлично, онъ ли самъ произвелъ на свѣтъ дитя или лицо постороннее. Только постепенно получаетъ въ правѣ признаніе дѣйствительный отецъ, въ качествѣ лица, произведшаго на свѣтъ дитя, и только постепенно входитъ въ народное сознаніе убѣжденіе, что между отцемъ и ребенкомъ его существуетъ одна соединяющая ихъ кровь. Но даже въ этой фазѣ развитія продолжаютъ еще долго смотрѣть на мать, какъ на существо, болѣе интимно, болѣе глубоко связанное съ ребенкомъ, чѣмъ отецъ. Мать по народному воззрѣнію, вѣками освященному, продолжаетъ считаться средоточіемъ родства. Отсюда ясно, почему право кровавой мести приостанавливается въ виду права матери.

Въ борьбѣ между убитымъ отцомъ, жаждущимъ мести, и матерью, виновницей его убійства,—сынъ, мститель, долженъ стать на сторону матери. Поднять оружіе противъ своей матери, обратиться противъ той, которая его заключала въ своей утробѣ и дала ему жизнь, было-бы страшнымъ злодѣяніемъ. Лучше пусть духъ убитаго отца останется неотомщеннымъ. Орестъ такъ не проступаетъ и потому его преслѣдуетъ самое страшное проклятіе, какое только знали люди того времени—проклятіе матери. Если-же впоследствии Орестъ, все-таки, спасается, если его выручаетъ изъ трагическаго положенія само

Божество въ лицѣ Аполлона и Аѳины, то это происходитъ, благодаря тому, что идея отцовства одерживаетъ верхъ надъ идеею материнства и начинаетъ преобладать новый принципъ, согласно котораго права отца признаются столь же священными, какъ и права матери.

Шекспиръ въ различныхъ мѣстахъ краснорѣчиво выразилъ значеніе правъ матери. Вышеупомянутый римско-правовой принципъ: «*pater est quem nuptiae demonstrant*» — никогда еще не былъ выраженъ въ такомъ яркомъ освѣщеніи съ примѣсью тонкаго юмора, какъ у Шекспира въ первой сценѣ Короля Іоанна, гдѣ Робертъ и Филиппъ спорятъ о наслѣдствѣ. Таже рѣдкая глубина юридическаго взгляда Шекспира сказалась и въ Ричардѣ III, гдѣ Герцогиня Йоркская шлетъ на голову своего сына величайшее проклятіе — проклятіе матери. Такимъ-же образомъ выясняетъ вопросъ о правахъ матери Шекспиръ и въ «Гамлетѣ». Изъ Гамлета Шекспиръ не сдѣлалъ Ореста. Гамлетъ не рѣшается на тотъ ужасный шагъ, который превращаетъ безнравственность въ нравственность, неправду въ право; онъ не рѣшается на страшный прыжокъ черезъ бездонную пропасть неправды, и не совершаетъ того неслыханнаго, дерзкаго поступка, какой сдѣлалъ Орестъ. «Страшисъ вознестъ на матеръ руку!..» — говоритъ Гамлету тѣнь отца.

И когда сынъ, въ порывѣ страсти, превращается въ сценѣ съ своею матерью въ демона и безъ всякой жалости и пощады срываетъ съ нея маску и, забывая святость узъ съ матерью своею, показываетъ ей всю ужасную, позорную низость ея души, — снова появляется тѣнь отца и своимъ глубокимъ взглядомъ, указывая на испуганную мать, на испытываемую ею душевную борьбу, останавливаетъ Гам-

„Посмотри:—отчаянье совѣмъ
Твою сразило мать. Подай ей помощь
Въ борьбѣ ужасной съ собственной душой!
Чѣмъ въ насъ слабѣе плоть, тѣмъ нестерпимѣй
Страдаетъ духъ. Скажи ей слово ласки“.

Предъ священными правами матери останавливается даже духъ мести, и Гамлету не позволено метать свои язвительныя стрѣлы, не позволено какъ разъ тогда, когда онъ собирается ихъ выпустить всѣ. Даже мечь не кровавая, а мечь безъ пролитія крови, при помощи огненныхъ, уничтожающихъ словъ, — и та парализуется у Гамлета, передъ которымъ вдругъ вырастаетъ, какъ въ стальной недосыгаемой бронѣ, идея неприкосновенности права родной матери. Духъ отца снова выступаетъ предъ ясновидящими глазами — въ тотъ моментъ, когда онъ готовъ забыться, — и на этотъ разъ не для призыва къ кровавой мести, а съ тѣмъ, чтобы напомнить о правахъ матери.

Такимъ образомъ, нравственная фигура Гамлета стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ — эпохи кровавой мести и эпохи новѣйшаго этико-правоваго міросозерцанія. Поэтому значеніе характера Гамлета — историческое.

Гамлета, какъ и Венеціанскаго купца, можно постигнуть только подъ условіемъ ознакомленія со всею историческою эволюціею, только поставивъ его личность на почву универсально-историческаго изслѣдованія.

Таково *юридическое содержаніе* «Гамлета» — этой величайшей драмы, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ. Только съ

однимъ твореніемъ можно сравнить эту драму. Мы имѣемъ въ виду самую замѣчательную драму древности—«Орестею» Эсхила.

Въ этихъ двухъ рѣдкихъ произведеніяхъ—въ «Гамлетѣ» Шекспира и въ «Орестеѣ» Эсхила—очерченъ прогрессъ права. Прогрессъ этотъ выраженъ въ двухъ могучихъ натурахъ, которымъ поставленная для разрѣшенія колоссальная задача причиняетъ невыносимыя страданія. Въ одной драмѣ къ смертному герою снисходятъ боги и ведутъ его къ побѣдѣ; въ другой—герой предоставленъ самому себѣ. Послѣдній истекаетъ кровью отъ горя и страданій и оставляетъ міру свое драгоценное міросозерцаніе. И дѣйствительно, въ своихъ невыразимыхъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ герой этотъ выказалъ такую мудрость и такую наблюдательность, какія еще ни разу не проявлялъ ни одинъ смертный.

Юриспруденція должна высоко носить свое знамя, если въ двухъ выдающихся драматическихъ произведеніяхъ древняго и новаго времени, въ «Орестеѣ» и въ «Гамлетѣ», драматическій конфликтъ основанъ на правовой коллизіи и дѣйствія героевъ ихъ отмѣчаютъ собою актъ правового прогресса...

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе	СТР.
Введеніе	1
I. Венеціанскій купецъ.	
Драма долговаго права	6
II. Гамлетъ.	
Драма кровавой мести	76

